

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А.Добролюбова»

На правах рукописи

Лебединцев Иван Михайлович

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СЛАВЯНОФИЛОВ И РОССИЙСКАЯ ЦЕНЗУРА В ГОДЫ
ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, доцент
Сенюткина Ольга Николаевна

Нижний Новгород

2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I	21
1.1. Социально-политическая деятельность Николая I	21
1.2. Цензурные уставы николаевской эпохи	28
1.3. Непоследовательность цензурной политики Николая I	39
1.4. Периодизация цензурной политики Николая I	48
ГЛАВА 2. ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА» П. Я. ЧААДАЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ	54
2.1. Значение «Философических писем» П. Я. Чаадаева для общественной мысли 1830-1840-х гг.	54
2.2. Источники философско-исторической концепции П. Я. Чаадаева	56
2.3. Философия истории России П. Я. Чаадаева	60
2.4. Вопрос об адресате «Философических писем»	64
2.5. Влияние публикации «Философических писем» на издательскую деятельность славянофилов	78
ГЛАВА 3. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ	83
3.1. Развитие консервативных взглядов в печати в кон. XVIII – нач. XIX вв.	83
3.1.1. «Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель»	83
3.1.2. Развитие консервативной печати в начале XIX в.	95
3.2. Публицистическая деятельность славянофилов и цензура николаевской эпохи	103
3.2.1. Попытка славянофилов обзавестись собственными печатными СМИ и трансформация издательской деятельности кружка	103
3.2.2. Участие славянофилов в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» и издание сборников	110
3.2.3. «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов	123

3.3.Дальнейшее развитие печати в России и появление периодических изданий славянофилов	130
3.3.1.Революция в формах и характере массовой коммуникации в середине XIX века: Крымская война и развитие СМИ.....	130
3.3.2.Издания славянофилов 1856-1860 гг.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
Список использованных источников и литературы.....	152

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире с каждым днем увеличивается роль средств массовой информации и массовой коммуникации. Информация становится одним из ведущих факторов производства, играет важную роль в политике, культурной жизни и других сферах. В меняющихся общественно-политических условиях с новой силой встает вопрос о месте и роли государства в информационной жизни общества. Существует проблема необходимости цензуры и рамок компетенции соответствующих надзорных органов.

Данное исследование посвящено периоду, в который вопрос о цензуре встал в отечественной истории с необыкновенной остротой. А именно – времени правления Николая I. В эту эпоху важнейшую роль в интеллектуальной жизни страны стали играть литературные журналы, выросла роль публицистики, для воздействия на общественное мнение стало необходимо использование средств массовой информации (СМИ).

Актуальность данного исследования обусловлена происходящими в современном российском обществе и во всем мире процессами. С одной стороны, после распада СССР в России практически исчезли цензурные ограничения. Это привело к негативным последствиям, падению духовно-нравственной культуры, понижению уровня национального самосознания. С другой стороны, появляющиеся с начала нулевых годов цензурные ограничения часто ограничивают свободу слова и печати. Для правильного, сбалансированного развития общества необходимо найти «золотую середину» в отношении власти и народа. Шаги к этому должны предпринимать не только властные структуры, но и общество путем критики антидемократических проектов и отстаивания своих прав. Историческим примером такого давления на власть может служить всесторонняя критика Устава о цензуре 1826 года, которая привела к отмене этого закона.

Однако вопрос цензуры, государственного и негосударственного контроля над СМИ важен не только для России, но и для всего мира. В США и Западной Европе вопросы свободы слова сегодня важны как никогда в условиях появления так называемых Big Tech – IT-корпораций, которые контролируют значительную часть информационных ресурсов и составляют своего рода информационную олигополию. Даже либеральный французский философ Б.-А. Леви, который всегда выступал апологетом западных ценностей и свободы слова, вынужден был признать установление контроля над информационной сферой четырьмя крупными корпорациями (Google, Apple, Facebook, Amazon). Этой проблеме во многом посвящена его последняя книга ¹, где этим корпорациям присваивается имя «четыре властелина-правдоубийцы».

В XXI веке информационные войны принимают небывалый размах. Текущие мировые события показывают, насколько важно понимание и разработка этой темы на сегодняшний день.

В условиях, когда вопросы государственной и негосударственной цензуры встают перед обществом все чаще и чаще, исследование поднятого в диссертации вопроса является как никогда актуальным. Оно позволяет увидеть те перегибы или, наоборот, излишнюю мягкость, которые совершало правительство.

В данной работе исследуется издательская и публицистическая деятельность славянофилов и их конфликты с цензурными органами в период правления Николая I. Выбор темы не случаен и обусловлен его актуальностью и недостаточной изученностью.

Степень изученности. Славянофилам посвящено множество монографий и научных статей. Исследование этого философского течения началось еще до переворота 1917 года. Уже дореволюционная библиография славянофильства весьма обширна. Одним из первых исследователей славянофильства был знаменитый историк русской литературы и

¹ Levy B.-H. L'Empire et les cinq rois [Texte] / B.-H. Levy. – Paris : Grasset, 2018 – 288 p.

общественной мысли А. Н. Пыпин. Славянофилам он посвятил главу в своей книге, посвященной развитию русской общественной мысли при Николае I². В это же время появились работы А. Д. Градовского, посвященные славянофильству³. Естественно, после прихода к власти большевиков, интерес отечественных исследователей был прикован к западникам, лидеры которых были идеологически близки к установившемуся режиму. Однако и советскими исследователями была создана весьма обширная литература, посвященная исследованию философских взглядов А. С. Хомякова, Киреевских и других представителей «московской» партии. Первые публикации по славянофильству в Советской России появляются в конце 1930-х – начале 1940 гг.⁴ Впоследствии интерес к славянофилам будет расти, а иногда и перерастать в целую научную полемику, как это было, например, в 1969 г., когда на страницах журнала «Вопросы литературы» несколько маститых советских ученых обсуждали вопросы литературной критики ранних славянофилов⁵.

Но настоящий «бум» исследовательских работ, посвященных славянофильству, пришелся на постперестроечный период. В условиях смены идеологических парадигм и поиска новых мировоззренческих ориентиров славянофильство стало притягивать отечественных исследователей, как старшего поколения, так и тех, кто вырос в новой, постсоветской России. Приятно отметить, что среди крупнейших исследователей славянофильства и русской философии и общественной мысли в целом, много нижегородцев. Можно говорить о целой

² Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки А. Н. Пыпина. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1873. — [4], II, 514 с. С.233-344.

³ *Градовский А. Д.* Первые славянофилы // Национальный вопрос в истории и литературе. СПб. : 1873. С. 217-309.

⁴ *Державин Н. С.* Герцен и славянофилы // Историк-марксист. М., 1939, №1. С.125-146; *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. М., 1941, №1. С.85-96.

⁵ *Фризман Л. Г.* За научную объективность // Вопросы литературы. М., 1969. №7. С.138-152; *Маймин Е.* Нужны конкретные исследования. Вопросы литературы. М., 1969. №10. С.103-112; *Кулешов В. И.* Славянофильство как оно есть // Вопросы литературы. 1969. №10. С.131-144; *Машинский С.* Славянофильство и его толкователи (некоторые итоги дискуссий) // Вопросы литературы. М., 1969. №12. С.103-140.

«нижегородской школе», которая сформировалась вокруг Л. Е. Шапошникова⁶. Сам Л. Е. Шапошников является известным исследователем отечественной мысли, автором многих монографий, посвященных исследованию славянофильства. Другими авторами, испытавшими влияние Л. Е. Шапошникова и работавшими с ним, являются О. В. Париков, И. А. Треушников, С. Н. Пушкин и многие другие.

Еще одним значимым нижегородским исследователем отечественной мысли является В. А. Китаев. В разное время им были выпущены статьи и монографии, посвященные исследованию славянофильства и других интеллектуальных течений XIX столетия⁷.

Среди других авторов, посвятивших исследованию славянофильства свои труды, необходимо назвать знаменитого отечественного философа ныне покойного С. С. Хоружего. Сергей Сергеевич является автором множества монографий и статей о развитии русской философии, в которых он значительное место посвящал славянофильству⁸.

Подробный обзор отечественной, зарубежной и эмигрантской историографии славянофильства можно найти в работах К. М. Антонова⁹ и И. В. Чуркиной¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на обилие работ о славянофилах, исследованию их журналистской, издательской и публицистической деятельности, столкновению с цензурными органами николаевской России исследований посвящено немного.

Первой, наверное, попыткой рассмотрения журналистской деятельности славянофилов стала работа А. Г. Дементьева.¹¹ Кроме того,

⁶ Замалеев А. Ф., Криштанович Л. Е., Маслин М. А., Париков О. В., Пушкин С. Н., Сербиненко В. В., Треушников И. А., Якимец Н. В. Лев Евгеньевич Шапошников в пространстве русской философии // Вестник Мининского университета. 2019. №2 (27). С.13.

⁷ Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли: Науч. труды. — Н.Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. — 355 с.; Китаев В.А. Общественная мысль и историческая наука в России XVIII — XX вв.: проблемы историографии. — Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2016. — 271 с.

⁸ Хоружий С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви // Богословские труды. М., 2002. — № 37. — С. 153—179; Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М., 2005. — 445 с.

⁹ Антонов К. М. Славянофилы и И. В. Киреевский: Становление исследовательской традиции. Вестник ПСТГУ I: серия Богословие. Философия. 2006. Вып. I: 16. С.55-92.

¹⁰ Чуркина И. В. К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия. 2015. №1. С.75-102.

Дементьевым было написано несколько глав (гл. XIX-XXI), посвященных журналам 1840-1850-х гг., для первого тома «Очерков по истории русской журналистики и критики»¹². Однако работы советского исследователя имеют ряд существенных недостатков, которые, скорее всего, являются следствием эпохи. Монография Дементьева была написана в 1951 году и большую часть этого объемного труда составляют идеологические выкладки. Собственно, журналистской деятельности славянофилов Дементьев посвящает лишь несколько страниц. Все остальное — размышления о реакционности их идеологии.

Короткие очерки о славянофильской издательской и публицистической деятельности появлялись в монографиях и учебных пособиях по истории отечественной журналистики¹³.

Важной вехой в исследовании славянофильской публицистики стала работа Т. Ф. Пирожковой «Славянофильская журналистика»¹⁴. В дальнейшем Т. Ф. Пирожкова защитила докторскую диссертацию по той же теме. На наш взгляд, можно утверждать, что в ее работах был впервые подробно рассмотрен вопрос публицистической деятельности славянофилов в 1840-1850-х гг. Т. Ф. Пирожкова провела серьезное исследование. Ею в научный оборот впервые были введены ранее не публиковавшиеся документы. Кроме того, исследователь заполнила важный пробел в исследовании славянофильства, осветив в своей работе жизнь и деятельность одного из ярчайших представителей младшего поколения славянофилов Д. А. Валуева.

Важная роль в исследовании славянофильской издательской деятельности принадлежит В. Н. Грекову, который издал в 2015 г.

¹¹ Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. / А. Г. Дементьев. - Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художественной литературы, 1951. - 500 с.

¹² Очерки по истории русской журналистики и критики / [редкол.: проф. В. Е. Евгеньев-Максимов и др.] ; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, Филологический ин-т. - Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950-1965. - 2 т. Т.1. С.437-552.

¹³ Есин Б. И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении : Учеб. пособие по специальности 021400 - Журналистика / Б. И. Есин. - М. : Флинта : Наука, 2000. - 100, [2] с.; Рублева, Л. И. История отечественной журналистики XVIII-XIX веков : учебное пособие / Л. И. Рублева. - Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012 - 328 с. С. 277-279.

¹⁴ Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика / Т. Ф. Пирожкова. - Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. - 218 с.

«Московский сборник»¹⁵, снабдив его комментариями. Кроме первой части сборника, которая увидела свет в 1852 г., он в этом же издании опубликовал вторую часть, не пропущенную в печать цензурой.

Еще одним исследователем, работы которого важны для изучаемой нами проблемы, является А. И. Виноградов. Опубликованные им в последние несколько лет статьи содержат много важного материала и ценных наблюдений по вопросам цензуры, столкновения славянофилов и западников, участию членов «московской партии» в деятельности журнала «Москвитянин»¹⁶.

Кроме этого небольшого числа исследователей, никто всерьез к проблеме взаимоотношения славянофильской журналистики и власти не подходил.

Также и западная историография все свое внимание уделяет учению славянофилов, тогда как институциональный аспект их деятельности не привлекает исследователей. Ценные замечания касательно журналов и публикаций классиков славянофильства мы можем встретить в книге выдающегося исследователя русской философии А. Валицкого¹⁷. В целом, труды польского ученого представляют собой незаменимый источник для любого исследователя русской общественно-политической мысли, однако вопросы цензуры и печати Валицкий рассматривает эпизодически.

Рассмотрению цензурной политики Николая I, напротив, в научной литературе уделяется много внимания. Ученые исследуют цензурные уставы николаевских времен, деятельность Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, реакцию общества на усиление правительственного контроля и многие другие, сопряженные с цензурой,

¹⁵ Московский сборник : [т. 1, 2] / подгот. В. Н. Греков. - Санкт-Петербург : Наука, 2014. - 1307 с.

¹⁶ Виноградов И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое // Два века. 2020. №1. С.62-153; Он же. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. №2 (12). С.189-224; Он же. Гоголь и западное славянофильство: к постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. №4. С.182-207.

¹⁷ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica).

вопросы. Исследования цензурной политики данного периода начались еще до революции. Особенно здесь стоит выделить труды М. К. Лемке¹⁸. В начале XX в. М. К. Лемке имел возможность работать в архивах III отделения, поэтому его книги представляют собой ценный источник по истории цензуры. В дальнейшем исследования цензурной политики Николая I велись и советское время, и в наши дни¹⁹.

Целью данной работы является исследование столкновения славянофилов с цензурными органами в период правления Николая I и выявление тех форм публицистической активности, при помощи которых философы этого направления пытались обойти цензурные барьеры. Здесь нас в первую очередь интересуют не философские воззрения славянофилов, а институциональный аспект их деятельности. Нам представляется необходимым выяснить, каким образом славянофилы пытались обойти николаевскую цензуру, какие механизмы и формы коммуникации они для этого использовали, и как, в свою очередь, реагировали на деятельность славянофильской партии цензурные ведомства.

Для достижения данной цели перед нами стоят следующие **задачи**:

- исследовать развитие цензуры при Николае I. Отдельно необходимо уделить внимание основному закону о цензуре – Уставу 1828 г. Кроме того, нам представляется необходимым произвести периодизацию цензурной политики государства в означенный период, выделить главные этапы в развитии и усилении контроля государства над литературой и общественной жизнью;

¹⁸ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с.; *Он же*. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия [Текст] / Мих. Лемке. - Санкт-Петербург : тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела "Труд", 1904. - XIII, [3], 427 с.

¹⁹ Жирков Г. История цензуры в России XIX-XX вв. : Учеб. пособие для студентов вузов / Г.В. Жирков. - М. : Аспект-Пресс, 2001. - 367, [1] с.; Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России [Текст] : в 2 т. / П. С. Рейфман. - Москва : Пробел-2000, 2015; Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры, 2015, №2 (19), с. 47-51; Горячева Е. М. Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014 - №3-2. С.111-119; Амиров В. М., Чудинов А. П. Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика, 2010 - №2 (32), с.194-195.

- рассмотреть основные направления цензурной политики Николая I, его отношение к славянофилам, западникам, известным писателям и публицистам эпохи;

- изучить публицистическую деятельность славянофилов в период правления Николая I. В первую очередь, необходимо исследовать вопрос об участии славянофилов в журнале «Москвитянин», который на протяжении 1840-х гг. был практически единственным изданием, в котором сторонники славянофильства могли публиковать свои произведения;

- выделить формы публицистической активности славянофилов в условиях постоянно усиливающегося цензурного и идеологического давления со стороны властей.

Объектом исследования является цензурная политика Николая I в отношении формирующейся русской интеллигенции.

Предметом исследования являются формы публицистической активности славянофилов, которые они вынуждены были использовать ввиду давления цензурных ведомств.

Хронологические рамки исследования. В центре исследования находится публицистическая и издательская активность славянофилов конца 1830-х – первой половины 1850-х гг. Это годы активного общественного противостояния славянофильства и западничества. В конце 1830-х годов противоборствующие партии только начинают складываться и вырабатывать свои основные принципы. В этот же период мы наблюдаем первые столкновения²⁰ и выступления в печати лидеров двух философских течений. Исследование заканчивается концом правления Николая I. На наш взгляд, именно 1855 год является годом завершения «Великого спора», поскольку, во-первых, с началом нового правления произошло изменение философских позиций московской и петербургской партий; во-вторых, в связи с

²⁰ К этому можно отнести публикацию «Философических писем» П. Я. Чаадаева, а также полемику журналов «Московский наблюдатель», в котором в 1830-х гг. сотрудничали будущие лидеры славянофильства (А. С. Хомяков) и теории официальной народности (М. П. Погодин, С. П. Шевырев), и «Телескоп», где в те годы работал В. Г. Белинский.

ослаблением цензуры меняется и институциональный аспект деятельности западников и славянофилов; и в-третьих, основные участники спора умерли либо до 1855 г., либо вскоре после него. Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в главе III, третьем параграфе.

Кроме того, в работе рассматривается развитие протославянофильских идей в российской консервативной печати конца XVIII в.- первой половины XIX вв.

Пространственные рамки исследования. В исследовании рассматривается деятельность славянофильского и западнического кружков, которая имела место в Москве и Санкт-Петербурге. Из-за неразвитости региональной печати, которая в те времена только начинает появляться, и славянофилы, и западники могли использовать для популяризации своих идей только столичные СМИ.

Источники. Источниковую базу по цензурному законодательству составили следующие нормативные акты: Устав о цензуре 1804 г.²¹, Устав о цензуре 1828 г.²², постановления и указы и распоряжения, касающиеся цензуры в Российской империи и соответствующих ведомств²³, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных²⁴, Полное Собрание Законов Российской Империи²⁵, Свод Законов Российской Империи²⁶. Источниками по публицистической и издательской деятельности славянофилов и их предшественников стали: архивы журналов «Зритель» за 1792 год²⁷, «Москвитянин» за 1841-1856 гг., сборники, выпускавшиеся славянофилами в

²¹ Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.81-87.

²² Устав о цензуре : [Утв. 22 апр. 1828 г. : с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. - Санкт-Петербург : тип. Деп. нар. прос., 1829. - 101 с.

²³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862.

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.

²⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. - в 48 т.: указ.

²⁶ Свод Законов Российской Империи. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. - в 15 т.

²⁷ Зритель, 1792. Ч. I – III.

1845-1852 гг.²⁸ Кроме того, в исследовании разбираются работы славянофилов, которые не были напечатаны при жизни авторов²⁹.

Методология исследования. В исследовании используется цивилизационный подход к пониманию исторического процесса. В работе рассматривается становление специфического только для русской культуры такого общественного слоя как интеллигенция. Спор славянофилов и западников, их столкновения с цензурными органами воспринимаются как факторы, способствующие генезису этого социального слоя.

Кроме того, в исследовании использовались следующие **методы**: компаративный (сравнение первых цензурных уставов России), системно-структурный (исследование цензурного законодательства в контексте исторических особенностей эпохи), исторический (исследование славянофильской печати в контексте развития консервативной печати России кон. XVIII- нач. XIX вв.), метод философской деконструкции (исследование «Философических писем» П. Я. Чаадаева и их возможного влияния на спор религиозных западников и славянофилов в зарубежной печати).

Научная новизна. Новизна работы заключается в исследовании институционального аспекта деятельности славянофилов в контексте цензурного и идеологического давления николаевского времени. Исследования по славянофильству посвящены, в основном, философским взглядам или биографическим фактам представителей данного общественного течения. В своей работе мы рассматриваем не философские идеи славянофилов, а их столкновения с цензурой и идеологией николаевской эпохи и выделяем те формы коммуникации, при помощи

²⁸ Синбирский сборник [Текст] : часть историческая / [предисл. изд.: П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев]. - Москва : Тип. А. Семена, 1844-. - 26 см.; Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. Москва : Б. и., 1845; Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1846. - 579, [2] с.; Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1847. - 910 с.; Московский сборник : [т. 1, 2] / подгот. В. Н. Греков. - Санкт-Петербург : Наука, 2014. - 1307 с.

²⁹ Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 8 т. - Москва : Унив. тип., 1886-1906., Полное собрание сочинений : в 4 т. / И. В. Киреевский, П. В. Киреевский ; подгот. А. Ф. Малышевским. - Калуга : Гриф, 2006- (Калуга : Облиздат). - 21 см.; Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. - [2-е изд., доп.]. - Москва : Унив. тип., 1889-. - 23 см.

которых славянофилы пытались обойти цензурные ограничения. Кроме того, мы рассматриваем взаимоотношение власти с правым крылом нарождающейся интеллигенции, которое как раз и было представлено славянофилами. Интеллигенция в Российской империи второй половины XIX века была одной из главных политических сил. Про становление, взаимоотношение с властью, конфликты с цензурой представителей западнической интеллигенции было написано много. Мы пытаемся проследить, как власть взаимодействовала с критически мыслящими представителями консервативного лагеря. Здесь необходимо сделать оговорку по поводу использования термина интеллигенция. Единого мнения среди исследователей по поводу времени появления и генезиса «интеллигенции» в России нет³⁰. Один из авторитетнейших современных исследователей интеллигенции В. С. Меметов считает, что в период «Великого спора» славянофилов и западников существовала еще не интеллигенция, а прединтеллигенция. Но как бы то ни было, являлись ли славянофилы представителями интеллигенции или были только одними из предшественников этого слоя, их значение для формирования этого специфического для русского общества XIX в. слоя не подлежит сомнению.

В ходе работы над диссертацией нами было впервые подробно исследовано участие славянофилов в журнале «Москвитянин» в разные периоды существования этого издания. Также впервые в отечественной историографии была рассмотрена «предславянофильская» деятельность журнала И. А. Крылова «Зритель», проведено сравнение между зародившейся на страницах журнала литературной полемикой и взглядами позднейших славянофилов и западников.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что его результаты восполняют пробелы в исследовании некоторых аспектов общественной борьбы в Российской империи конца XVIII – первой половины

³⁰ О различных подходах к пониманию понятия «интеллигенция» и времени ее появления *Данилов А. Г.* Российская интеллигенция: понятие и теоретические проблемы формирования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2004. №4. С.36-41.

XIX вв. Проведено сравнение между зародившейся на страницах журнала «Зритель» литературной полемикой и взглядами позднейших славянофилов и западников. Показано, что, несмотря на некоторые сходства между славянофильством и идеями авторов «Зрителя», о полном тождестве их воззрений говорить нельзя. В славянофильстве был ряд историософских и социологических идей, которые не были отражены в полемике на страницах журнала «Зритель» в 1792 году. Вместе с тем, в определенном круге вопросов авторы редактируемого Крыловым журнала сходились со славянофилами. Кроме того, в диссертации исследовано участие славянофилов в деятельности журнала «Москвитянин» в первые годы его существования, показано, что хотя издание М. П. Погодина и нельзя называть славянофильским, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и некоторые другие представители кружка использовали «Москвитянин» для проповеди своих взглядов или полемики с западниками.

Практическая значимость. Материал диссертации может помочь при разработке курсов по истории русской печати и общественной мысли. Результаты этой работы могут быть использованы историками, философами, филологами, всеми, кто занимается исследованием славянофильства. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при создании курсов по истории цензуры в Российской империи и для активно развивающейся сегодня дисциплины «Интеллигентоведение»³¹. Это нам представляется особенно важным, поскольку в своем исследовании мы пытаемся, изучая отношения «правого» крыла нарождающейся российской интеллигенции, ответить на вопрос, почему интеллигенции в нашей стране была свойственна оппозиционность.

³¹ Об интеллигентоведении и его развитии см.: *Кураев А. Н.* Место и роль интеллигентоведения в системе социальных и гуманитарных наук // *Власть*. 2018. №4. С.55-58; Он же. О специфике и особенности подходов к интеллигентоведению // *Интеллигенция и мир*. 2017. №1. С.9-24; *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссия о проблемах и тенденциях самоопределения // *Интеллигенция и мир*. 2014. №4. С.20-32; *Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. междунаrodn. науч.-теорет. конф. Иваново, 23-25 сентября 1998 г. Иваново, 1998.* Кроме того, при Ивановском государственном университете с 1998 года действует НИИ Интеллигентоведения, а с 2001 года выпускается журнал «Интеллигенция и мир».

Гипотеза. Мы предполагаем, что в результате деятельности цензурных и полицейских органов, славянофилы имели намного меньший доступ к средствам массовой информации и коммуникации, чем западники, вследствие чего они были вынуждены искать новые формы популяризации своих идей. Это привело к «поражению» партии славянофилов в «Великом споре» и способствовало укреплению в среде формирующейся интеллигенции антиправительственных настроений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. цензурная политика Российской империи при Николае I прошла через несколько этапов развития;
2. политика государства в этот период не была прямолинейной. Правительство пыталось сочетать методы кнута и пряника, поддерживая известных писателей и часто закрывая глаза на существование явно оппозиционных изданий;
3. цензурная политика Николая I, несмотря на попытку сочетать различные подходы и при помощи них направлять общественное мнение, была недальновидной и непоследовательной. Это проявилось, в частности, в отношении цензурных органов к деятельности славянофильского кружка. Славянофилы, представители правого крыла нарождающейся интеллигенции, были лояльны к власти. Однако отношение власти к этому общественному течению было намного более настороженным, чем к представителям западничества, в основной своей массе, стоявшей в оппозиции к существующему строю;
4. из-за давления цензурных органов славянофилы, в отличие от западников, не смогли обзавестись собственным печатным изданием и, также в отличие от западнической партии, не могли использовать в качестве площадки для продвижения своих идей университетские кафедры. Отсутствие доступа к таким важным для XIX века средствам массовой информации и коммуникации предопределило поражение славянофилов в «Великом споре» 1840-х гг.

Соответствие паспорту специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют специальности 5.6.1. – «Отечественная история», включающей историю взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на следующих региональных, международных и всероссийских конференциях: Международных XLIII Добролюбовских чтений «Эпохи. Люди. Идеи. История, культура и творчество в персоналиях». Нижний Новгород. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 13-14 февраля 2019 г.; XIII Всероссийская научно-практическая конференция «НАУКА МОЛОДЫХ», посвящённая 25-летию Ассоциации учёных города Арзамаса. Арзамас, 26-27 ноября 2020 г.; Региональная научно-практическая конференция молодых исследователей «Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений». Нижний Новгород. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 25 ноября 2020 г.; Международный научный форум «Свобода и ответственность в переломную эпоху». Нижний Новгород. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 19-23 апреля 2021 г.; Международная научно-практическая конференция «Александр Невский: мыслитель, подвижник, политик». Нижний Новгород. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 24-25 ноября 2021 г.

Основные положения и выводы отражены в 8 опубликованных статьях, 3 из которых – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Лебедев И. М.* Устав о цензуре 1826 года в контексте внутренней политики начал царствования Николая I // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2021. - №02. -С. 22-26;

2. *Лебедев И. М.* Вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева в связи с его религиозно-мистическими воззрениями // Вестник гуманитарного образования. 2021. №1. С.56-64;

3. *Лебедев И. М.* «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2022. -№01. -С. 12-16.

Статьи в других научных изданиях:

4. *Лебедев И. М.* Крымская война и развитие СМИ // **«ЭПОХИ. ЛЮДИ. ИДЕИ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ТВОРЧЕСТВО В ПЕРСОНАЛИЯХ:** Сборник докладов Международной научной конференции «XLIII Добролюбовские чтения» и Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Онный его Величеству весьма нравится» / Под ред. Дмитриевской Г. А., Строгеевского В. М. – Нижний Новгород: Гладкова О. В., 2019. С.53-59.

5. *Лебедев И. М.* Влияние немецкой философии XIX в. на историософскую концепцию П. Я. Чаадаева // Наука молодых: сборник научных статей участников XIII Всероссийской научно-практической конференции (26–27 ноября 2020 г.) / отв. ред. С.В. Напалков, науч. ред. А.В. Пряников, А.Ю. Шурыгин; Ассоциация ученых г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ, АПИ (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. С.395-397.

6. *Лебедев И. М.* Влияние «Философических писем» П. Я. Чаадаева на публицистическую деятельность славянофилов // Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений [Электронный ресурс]: сборник тезисов научно-практической конференции молодых исследователей 25 ноября 2020 г. / Отв. ред. А. М. Горохова, А. М. Брагова; Нижегородский гос. лингвистический ун-т. – Электронные данные (2,31 Мбайт). – Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С.109–112.

7. *Лебедев И. М.* Журналистская деятельность славянофилов и цензура николаевской эпохи // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Thesaurus scientiarum et virtutum.

Сокровища знаний и добродетелей / Ред.-сост. М. П. Самойлова. Вып. 6. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С.127–133.

8. *Лебедев И. М.* СМИ и цензура в годы правления Николая I // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: сборник материалов Международной научно-практической конференции 19–23 апреля 2021 г. / Под. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. – 454 с. С.63–71.

Степень достоверности исследования. Достоверность исследования обеспечивается за счет обращения к широкому кругу официальных документов и экспертных оценок. В работе подробно, на основе исторических источников освещены различные стороны общественной деятельности представителей исследуемого философского течения, что делает диссертацию проверяемой.

Объем и структура диссертационной работы. Объем диссертации – 151 страница без списка литературы. Работа содержит введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы.

Во Введении указывается предмет и объект исследования, показывается актуальность и новизна работы, анализируется историография исследуемой проблематики, указываются источники, определяется цель и задачи исследования, указываются методы и подходы, используемые в ходе работы, формулируются положения, которые будут выноситься на защиту.

В первой главе исследуется развитие цензурной политики Российской империи в годы правления Николая I, рассматриваются основные документы, определявшие характер работы цензурных ведомств страны со времен Александра I, проводится периодизация цензурной политики России в 1825-1855 гг.

Во второй главе рассматриваются «Философические письма» П. Я. Чаадаева, определяется их роль для истории спора славянофилов и западников, исследуются различные аспекты создания и публикации

«Писем», которые оказали влияние на издательскую и публицистическую деятельность славянофилов.

В третьей главе исследуется издательская и публицистическая деятельность славянофильского кружка, выявляются предшественники славянофильства и рассматривается их идеи и публицистическая деятельность, выявляются формы общественной и публицистической активности славянофилов, которыми они вынуждены были пользоваться, чтобы обходить цензурные ограничения.

В Заключении изложены выводы, к которым пришел автор исследования.

Список использованных источников и литературы содержит 159 наименований.

ГЛАВА 1. ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I

1.1. Социально-политическая деятельность Николая I

Время правления Николая I является одним из самых противоречивых периодов отечественной истории. С одной стороны, это время усиления цензуры, с другой – период расцвета русской литературы и философии. Годы царствования Николая Павловича у современников ассоциируются с полицейским контролем, III отделением имперской канцелярии, с атмосферой страха, шпионажа и наушничества. Но именно в эту эпоху разгораются наиболее жаркие и вместе с тем яркие философские споры, появляются первые медиаскандалы, оппозиционные СМИ и десятки кружков самой разной направленности. Это время интеллектуального расцвета, «цветущей сложности», используя выражение К.Н. Леонтьева, русской общественной мысли. И эта цветущая пора пришлась на годы засухи, когда государство установило строжайшие цензурные запреты и ограничения.

Сам Николай I является одной из самых противоречивых фигур русской истории. Образ Николая I необычайно разнится в воспоминаниях современников³². Одни видят его ограниченным, грубым и недалеким тираном, другие отмечают трудолюбие, самоотдачу и преданность долгу.

На внутреннюю политику Николая I наибольшее влияние оказали два момента: воспитание будущего царя и обстоятельства, при которых произошло его восшествие на трон.

Будучи только третьим сыном одиозного и скандального Павла I, Николай никем не рассматривался как серьезный кандидат на престол. Российским самодержцем после Павла, согласно изданному им указу о престолонаследии 1797 года³³, становился его старший сын, то есть будущий император Александр I. За ним в случае отсутствия потомства следовал

³² Об этом см.: *Рахматуллин М.А.* Император Николай I глазами современников // Отечественная история, 2004, №6. С.74-98.

³³ Акт, Высочайше утверждённый в день священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престол Успенского Собора // Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXIV. — С. 587—589.

второй сын Павла Константин. Только в том случае, если бы Александр и Константин не оставили прямых наследников по мужской линии, власть перешла бы к Николаю. Но подобная ситуация тогда представлялась более чем гипотетической³⁴.

Александр и Константин получили великолепное образование и с детских лет готовились к роли правителей великой державы. Александр был наследником российской короны, для Константина готовилась корона другой страны. Один из самых авантюрных и вместе с тем грандиозных *проектов* Екатерины II был так называемый «Греческий проект». Грозная императрица, воодушевленная успехами русского оружия в войнах с турками, решила отнять у Османской империи древний Константинополь – центр духовного притяжения для всех православных христиан. Екатерина вынашивала план создания на Балканах Греческой империи, на трон которой собиралась посадить своего внука. Именно поэтому второй сын Павла I получил такое нестандартное для правящей династии имя. На древний престол Константина Великого должен был взойти новый Константин. Сколь бы не был этот проект утопичным, сама Екатерина верила в него.

Для Николая же была уготована участь «заштатного» великого князя: высокое положение, военная карьера и никакого влияния на большую политику. Образование и воспитание у младших отпрысков августейшей четы было соответствующим.

Таким образом, годы царствования Николая в силу условий, определивших его развитие, необходимо должны были отличаться от времени правления его старшего брата, нацеленного на реформы, приведение в порядок российской экономики и социальной системы.

Положение, которое занимал Николай при дворе своего отца, а потом брата, сыграло решающую роль в развитии его личности и определило характер царствования. В.О. Ключевский прекрасно отмечает разницу между

³⁴ Сам Николай I узнал о том, что станет монархом лишь за несколько лет до смерти своего брата. Об этом: *Высочков Л. М.* До междоусобия. «Ангел» Александр и Николай Павлович (3 июля 1819 – 1 сентября 1825) // Петербургский исторический журнал, 2019 - №2(22). С.65-81.

характером Николая и его брата-преобразователя. «Александр смотрел на Россию сверху, со своей философской политической высоты, а, как мы знаем, на известной высоте реальные очертания или неправильности жизни исчезают. Николай имел возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрят рабочие, не руководствуясь идеями, не строя планов»³⁵.

Другим фактором, определившим характер нового правления, стали события декабря 1825 года. После демарша на Сенатской площади Николай навсегда оставил мысли о либеральных преобразованиях.

Четырнадцатого декабря 1825 года произошло известное всем восстание декабристов. Тайные общества, появившиеся в России после Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. решили воспользоваться династическим кризисом, вызванным неожиданной смертью Александра I. Император умер, не оставив по себе наследника. У Александра было две дочери, умершие в детском возрасте. Соответственно закону 1797 года престол должен был перейти второму сыну Павла I Константину. Но уже в 1823 году Константин в тайном манифесте отказался от престола. Согласно этому документу новым наследником российского престола становился Николай. После смерти Александра манифест был зачитан, но ни новоиспеченный император, ни члены Государственного совета не спешили с провозглашением Николая царем. Потребовалось еще одно, «свежее» подтверждение из Польши, где великий князь Константин Павлович жил после Заграничных походов, чтобы Николай решился принять императорский титул. Воспользовавшись неразберихой, возникшей в высших эшелонах власти, декабристы вывели на Сенатскую площадь гвардейские полки, которые должны были помешать принесению присяги Николаю.

Естественно, если Николай I и питал в начале своей политической деятельности хоть какое-то желание проводить реформы, то после декабрьского восстания у него появилось только одно желание – выражаясь

³⁵ *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 т. – Москва : Госполитиздат, 1956-1959. Т.5. С.264.

словами К. П. Победоносцева, «подморозить». Подморозить, законсервировать, остановить общественное развитие, чтобы не дать взрасти плевелам революции, посеянным еще Екатериной II и пустившим корни при Александре I.

При этом большой ошибкой было бы представлять Николая I стопроцентным консерватором, единственной целью которого было сохранить существующие порядки, невзирая ни на какие обстоятельства. Этот образ устоялся во многом, благодаря Герцену, создавшему при помощи своего публицистического таланта образ бездушного и холодного тирана³⁶. Наоборот, необходимость изменений социальных преобразований Николай осознавал, но, как и его брат, не решался на резкие шаги.

Не отваживаясь на резкие шаги, император неустанно делал маленькие шажочки к решению главного социального вопроса девятнадцатого столетия – вопросу об освобождении крестьян. Для этого в тридцатых-сороковых годах была проведена колоссальная работа. Во-первых, по улучшению положения государственных крестьян (а их численность на тот момент составляла до трети населения Центральной России); во-вторых, по подготовке законодательной базы для будущей отмены крепостного права. «В царствование Николая I законодательство о крепостном праве стало на новую почву и достигло важного результата – общего молчаливого признания, что крепостной крестьянин не есть частная собственность землевладельца»³⁷.

Крестьянский вопрос, осознание необходимости преобразований и вместе с тем нерешительность, двойственность и подчас противоречивость мер, является ярким показателем деятельности российского руководства в означенный период. Иллюстрацией этого положения могут служить слова

³⁶ Пилипцов И. Н. Образ Николая I в романе А. И. Герцена «Былое и думы» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. №3. С.98-99.

³⁷ Ключевский В.О. Ук. соч. С.279.

С.Ф. Платонова: «Подавив оппозицию, желавшую реформ, правительство само стремилось к реформам»³⁸.

Такой же противоречивой представляется и просветительская деятельность в середине девятнадцатого века. «Меры в области народного просвещения при императоре Николае I отличались двойственностью направления. С одной стороны, очевидны были заботы о распространении образования в государстве; с другой же стороны, замечен был страх перед просвещением и старание о том, чтобы оно не было проводником революционных идей в обществе»³⁹.

Сложный характер личности Николая I определял противоречия общественных отношений. Как мы уже видели, это проявлялось в подходе к решению вопроса об отмене крепостного права. Такая же непоследовательность видна и в вопросах культурной жизни.

Время Николая I в сознании современников предстает эпохой цензуры и духовного голода. Николай Павлович действительно боролся с инакомыслием во всех его проявлениях, но до конца, до полного логического завершения эту политическую линию не доводил. Вводя цензурные ограничения грозный царь периодически оглядывался на общественное мнение, думал об общественном резонансе того или иного своего решения.

Это видно, прежде всего, из непростых взаимоотношений Николая с русской литературой.

Самым ярким примером здесь может служить противоречия между императором и Пушкиным. Как известно, Николай I был личным цензором поэта, лично встречался с ним и оставил об Александре Сергеевиче массу противоречивых высказываний. Пушкин отвечал ему тем же.

В целом, инициатива Николая I по нормализации отношений с творческой интеллигенцией была оправдана и поначалу приносила плоды. Пушкин в своих стихах сравнивал нового царя с Петром I. Однако

³⁸ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С.673.

³⁹ Там же. С.680.

отношения с властью у поэта до конца дней оставались натянутыми. И новое правительство не умело использовать авторитет поэта в укреплении своих позиций среди просвещенной части общества, даже в тех случаях, когда личное мнение Пушкина совпадало с интересами самодержавия. Это будет особенно заметно в истории с публикацией первого «Философического письма» Чаадаева.

Часто в отношениях с известными литераторами Николай I и III отделение вели странную игру. С одной стороны цензура, слежка, правительственный контроль, действительно, достигли небывалого размаха. С другой – царское правительство часто закрывало глаза на деятельность самых либеральных и оппозиционных изданий и авторов, зато «било по своим», запрещая издания славянофилов и изводя цензурными придирками и ограничение самых истовых консерваторов⁴⁰.

Отсюда и такая противоречивость в оценках современников. Одни видели в нем бездушного злодея и кровожадного тирана, другие – любящего семьянина и чуткого, отзывчивого к чужому горю, человека. Не стоит, как это часто делалось и делается тенденциозными историками, ставить около имени Николая I жирный знак «минус»⁴¹. Его правление было отмечено множеством преобразований самого разного толка: и в экономике, и в законодательстве, и в социальной сфере. Но чего грозный император не сумел сделать – справиться с нарождавшейся в России общественной оппозицией. Ее не надо было уничтожать: оппозиция – это нормальное явление для любого общества. Можно даже сказать, что наличие оппозиции – признак нормального общества. Но необходимо было правильно выстроить ее отношения с властью, чего Николай I не сделал.

Именно в годы его царствования в России появилась та специфическая прослойка населения, которой не было нигде в мире. А именно –

⁴⁰ Подробнее о непоследовательности цензурной политики Николая I будет сказано в гл. I.3.

⁴¹ Об оценке правления Николая I в отечественной историографии см.: *Поташев А. Ф.* Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №2. С.56-65.

интеллигенция. Сейчас мы вкладываем в это слово совершенно другие смыслы, нежели оно имело в девятнадцатом столетии. Интеллигент – это и носитель духовной культуры, это и человек, занятый умственным трудом, это просто интеллектуал. В позапрошлом веке это слово имело совершенно другое значение. Интеллигент в царской России – интеллектуал-оппозиционер. Сколько бы человек не знал, сколь бы он не был культурен и образован, но если он лоялен к власти, то интеллигентом быть не может⁴². Эту родовую травму русская интеллигенция получила в момент своего рождения. Внутреннее противление любой инициативе сверху появилось во многом благодаря политике Николая I.

Вопрос постоянного сопротивления образованной и передовой части общества власти, стал одной из главных проблем дореволюционной России. Это был внутренний раздрай, не позволявший объединить, консолидировать силы государства даже в самые тяжелые для страны времена. Мало кто из монархов пытался этот вопрос по-настоящему решить. Попытки диалога с интеллигенцией (правда, не всегда удачные) предпринимались в правление Николая II⁴³. Но изначальный посыл диссидентства, полученный в середине девятнадцатого века, не давал представителям просвещенной части общества идти на какой-либо диалог. Это особенно было заметно в годы работы I и II Государственной Думы, в которую вошли в основном представители интеллигенции. В итоге интеллигенция свергла монархию.

Замечательно высказывание С.Ф. Платонова по этому поводу: «Обе силы – и правительственная, и общественная – сторонились одна другой в чувствах взаимного недоверия и непонимания и обе терпели от рокового недоразумения»⁴⁴.

⁴² По крайней мере, такое значение и понимание термина утвердилось в предреволюционные годы. Деятельность русской интеллигенции и ее имманентной «оппозиционности» замечательно показана в ряде статей ведущих русских философов начала XX века в знаменитом сборнике «Вехи» (Вехи: Сб. ст. о рус. Интеллигенции. – Репринт. изд. 1909 г. – М.: Новости, 1990. – 211 с.).

⁴³ Усманов С.М. Император Николай II и русская интеллигенция: несостоявшийся диалог//Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 492 с., С.91-96.

⁴⁴ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С.683.

Таким образом, в личности Николая I и его политической деятельности мы можем выделить две противоречивые тенденции. С одной стороны, император был консерватором и стремился «подморозить» ход общественного развития, с другой – осознавал необходимость реформ и пытался их проводить. Проявление этой тенденции мы видим и во взаимоотношениях власти и общества. Николай I вводил строжайшие цензурные ограничения, но вместе с тем всегда действовал с оглядкой на общественное мнение. Из-за этого часто его политика была непоследовательной. Впоследствии это сказалось на характере спора славянофилов и западников и на формах их публичной активности.

1.2. Цензурные уставы николаевской эпохи

Одной из отличительных черт николаевской эпохи являлась обширная законотворческая деятельность правительствующих кругов. Засилье бюрократии, царившее при Николае I, отмечалось всеми современниками грозного монарха. Очевидно это было и для самого монарха. Однако, как известно, у каждой медали есть обратная сторона. Обратной стороной роста бумажного оборота явилась необходимость привести его к какому-то общему знаменателю. Поэтому эпоха цензуры, слежки и тайной полиции стала еще и «золотым веком» русской юриспруденции.

Важнейшим деятелем этого эпохи стал знаменитый М. М. Сперанский. В его судьбе, административной и научной деятельности, отражается, кажется, самый принцип русских реформ. Как и все, что касается русской жизни, это принцип противоречивости и абсурдности. Деятель эпохи Александра I, человек, на которого Благословенный император возлагал наибольшие свои надежды, он не смог провести в годы царствования благоволившего к нему монарха практически ни одного из задуманных им преобразований. Однако в следующее, сверхконсервативное царствование, этот крупнейший идеолог и проектор либерализма сумел развернуть

активную деятельность (уже, правда, не преобразовательную, а законотворческую). В начале тридцатых возвращенный из ссылки Сперанский издает «Полное собрание законов Российской империи»⁴⁵ – крупнейшее свод нормативных актов, охватывающий период в сто восемьдесят лет. А потом и «Свод законов Российской империи»⁴⁶ – многотомное собрание действующих законов государства.

Другим важным событием этой эпохи стало появление в 1845 году «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»⁴⁷, также подготовленный Вторым отделением имперской канцелярии (по сути дела, – командой Сперанского, правда, уже после его смерти). Это был первый Уголовный кодекс в истории России. Хотя собрание уголовных законов находилось уже в пятнадцатом томе «Свода законов Российской империи», но как отдельный кодекс оно появляется только в 1845 году. Важен здесь не только сам факт появления Уголовного кодекса, а процесс, частью которого он явился. Собственно, появление законодательства в сфере уголовных преступлений свидетельствует о начале дифференциации отраслей права в российской юриспруденции.

Не могли, естественно, николаевские чиновники обойти стороной и вопросов цензуры и печати. Это даже стало их первейшей заботой. В 1826 году, вскоре после восшествия Николая I на престол, появляется знаменитый «Чугунный» устав о цензуре⁴⁸, а в 1828 году его модифицированная, «облегченная» версия⁴⁹.

Первый российский Устав о Цензуре появился еще в начале девятнадцатого столетия. Он был одним из плодов деятельности «Негласного

⁴⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – в 48 т.: указ.

⁴⁶ Свод Законов Российской Империи. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – в 15 т.

⁴⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.

⁴⁸ Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.81-87.

⁴⁹ Устав о цензуре : [Утв. 22 апр. 1828 г. : с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. – Санкт-Петербург : тип. Деп. нар. прос., 1829. – 101 с.

комитета» - круга приближенных к молодому императору лиц. Александр I в начале своего царствования был одержим идеями всестороннего преобразования России в духе идей Просвещения. Им и его приближенными был разработан целый комплекс мер, направленных на расширение прав и свобод в российском обществе, ограничение самодержавия и произвола помещиков. Также Александр I стал первым русским монархом, который явственно осознал весь экономический, социальный и духовный вред, происходящий от крепостного права. И первым же решился проводить социальную и законотворческую политику, направленную на ослабление этого пагубного явления российской действительности девятнадцатого столетия. Так, уже в самом начале своего царствования (1803 год) Александр издает знаменитый «Указ о вольных хлебопашцах»⁵⁰ - закон, позволявший помещикам отпускать своих крестьян на волю с наделом земли. Уже во второй, консервативный, период правления⁵¹ император проводит отмену крепостного права в Прибалтике. Правда, все эти меры на практике оказались полумерами. Возможностью отпустить крестьян за выкуп воспользовались очень немногие землевладельцы. Да и дальше Прибалтики отмена крепостного права не пошла. Александр I мечтал перестроить Россию на началах права, свободы и справедливости. Но дальше полумер его действия не шли. Перед глазами царя-реформатора всегда стоял призрак его отца, свергнутого за его антидворянскую деятельность. Александр I не хотел повторить его судьбу.

Может показаться странным, что первый российский цензурный устав появляется при императоре, слывшем либералом и реформатором. Но это только кажущееся противоречие. В современном сознании либерализм и цензура воспринимаются как слова-антонимы. Однако, поскольку цензурные ограничения существовали и будут существовать всегда, даже либеральное

⁵⁰ Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Соств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – в 48 т. Т. XXVII. С. 462-462.

⁵¹ О подходах к периодизации правления Александра I см.: Чернов А.В., Блохин В.В. Периодизация правления Александра I в советской историографии // Научный диалог. 2020 №12. С. 378-393.

правительство должно осваивать эту отрасль права. Сам Устав 1804 года был либеральным. Собственно, благодаря ему стало возможно появление в двадцатых годах журналов, таких как «Невский зритель», «Мнемозина» или «Полярная звезда», которые были проводниками декабристских идей⁵².

Либеральным шагом был уже сам факт создания цензурного устава. Теперь что такое хорошо, а что такое плохо определял не монарх или чиновник, а закон. *Dura lex, sed lex*. И наличие закона, даже плохого или чересчур сурового, лучше, чем произвол и самоуправство. А Устав Александра I ни дурным, ни суровым не был. Во многих своих статьях он даже защищает автора от произвола чиновников. Например, в п.21 читаем: «...Цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, *удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений* (курсив – И.Л.) или мест в оные, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, (курсив – И.Л.) нежели его преследовать».

Другим важным моментом было положение периодической печати. В пар. 23-24 указывается, что периодические издания не должны быть задерживаемы цензурными ведомствами, поскольку главное они «долженствуют выходить в срочное время и теряют цену новости, если издаются позже» (п. 23).

В п. 27 читаем, что «книги и эстампы, выписываемые книгопродавцами из чужих краев, не рассматриваются Цензурою». Это, по сути, означало отсутствие иностранной цензуры.

Таким образом, Устав 1804 года не только не нарушал права сочинителей, но и защищал их от произвольного толкования их трудов чиновниками (все, кому довелось жить в России, понимает, насколько важен

⁵² Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. – Т.8. С.196.

этот пункт). Кроме того, он защищал периодические издания от бюрократических проволочек и, фактически, не распространял действия цензоров на иностранную литературу.

Как ни странно, но этот устав просуществовал до конца царствования Александра I. Как известно, «в первую половину правления Александра I сильного давления на печать не было»⁵³. Однако его политика изменилась после Заграничных походов и создания Священного союза сменила *modus vivendi*. Во второй половине своего царствования Александр становится консерватором. Или, скорее, более консервативным. Царь продолжает разработку преобразовательных проектов и начинаний. В этот период он проводит отмену крепостного права в Прибалтике, тогда же появляется «Уставная грамота Российской империи» Новосильцева – еще один преобразовательный проект александровских времен, который положили под стекло. Но, несмотря на отдельные проявления либерализма, магистральным направлением политики императора стал курс на реакцию.

В связи с этим изменением внутривластного курса перед правящими кругами встал вопрос и об изменении цензурной политики. В 1820-1823 гг. ведется разработка нового цензурного закона. Но Александр I не одобрил новый Устав и отправил его на доработку. А вскоре закончилось его блистательное царствование.

Вопрос о новом, более строгом и полном цензурном уставе встал перед следующим русским монархом Николаем I. Правление Николая Павловича началось с восстания декабристов – первой, по большому счету, попытки свержения (или ограничения) самодержавия. Поэтому политика нового царствования изначально носила реакционный характер, и одной из главных целей Николая I стало пресечение вольнодумства. Сразу по воцарении нового императора и окончании процесса над декабристами перед властью

⁵³ Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры, 2015, №2 (19). С.50.

стал вопрос составления нового, более строгого по сравнению с прежним, закона о цензуре.

В 1826 году увидел свет новый Устав о цензуре. «Среди общественности устав называли «чугунным», который тяжелым прессом придавил печать»⁵⁴. Такое прозвание закрепилось за новым документом из-за его объемности, неказистости и непонятности. Он был в несколько раз пространнее Устава 1804 года и охватывал не только вопросы непосредственно цензурных ограничений, но и формирования общественного мнения, книгопечатания и др. «Этот Устав отражал максимально жесткий подход, принятый во властных структурах после восстания декабристов 1825 года. Устав пресекает всякое вольнодумство, запрещая любые публикации, содержащие даже предложения о каком-либо государственном переустройстве»⁵⁵.

Главным творцом «Чугунного» Устава стал министр Просвещения А. С. Шишков. Он был выдающимся деятелем своего времени. В частности, еще до вступления своего на министерское поприще, Шишков был известен в столичных литературных кругах. В 1810-х гг. он был лидером консервативного направления в российской словесности. Тогда, в начале девятнадцатого столетия, в литературе сложилось два значительных течения. Представители первого придерживались консервативных взглядов, выступали за чистоту русского языка, высказывались против введения в отечественную словесность новых иностранных слов. Представители этого направления объединились в литературное общество «Беседа любителей русского слова». Помимо Шишкова в «Беседу» входили Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, С. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Шаховской. Сторонников этого направления называли по имени идейного вдохновителя

⁵⁴ Горячева Е. М. Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014 - №3-2. С.112.

⁵⁵ Амиров В. М., Чудинов А. П. Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика, 2010 - №2 (32), с.194-195. С.195.

«Беседы» «шишковистами». Другим направлением в отечественной словесности были «карамзинисты» – сторонники реформ русского языка. Они впоследствии образовали знаменитое литературное объединение «Арзамас».

Обратившись к государственной деятельности и достигнув высших постов в Российской империи, Шишков сохранил свой консервативный запал. Он стал бороться уже не только за чистоту языка, но и за проведение реакционной и охранительной политики во всех подведомственных ему сферах.

Созданный им Устав кардинально отличался от Устава 1804 года. Начиная с общих положений, целей и задач цензуры, кончая частными вопросами книгопечатания и издательского дела. Собственно в первом же параграфе Устава 1826 года мы видим, что на цензуру в новом документе возлагаются необычайно широкие функции. «Цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусств, при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии, дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление»⁵⁶. Т.е. функция цензуры, согласно Уставу 1826 года, не только в ограждении общества от вредных, антиправительственных, бездуховных произведений, но и в направлении общественного мнения в нужное для правящих кругов русла.

«Чугунный» устав запрещал любые проявления критического взгляда на устройство общества, какие бы ни были социальные проблемы и даже на размышления о ходе исторического процесса. В 169 параграфе устава написано: «Запрещаются к печатанию всякие частных людей предположения о преобразовании каких-либо частей Государственного управления, или изменении прав и преимуществ, Высочайше дарованных разным состояниям и сословиям Государственным, если предположения сии не одобрены еще

⁵⁶ Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.130.

Правительством»⁵⁷. Также по 171 параграфу «запрещаются всякия рассуждения, в которых говорится, без надлежащего уважения, о Государях, Правительствах и политических властях вообще, или в которых предлагаются неуместные советы и наставления какому бы то ни было Правительству»⁵⁸.

Особое негодование в обществе вызвал параграф, посвященный историческим сочинениям, которые в тот момент, благодаря стараниям Карамзина и моде на романтизм, были особенно популярны. В п.181 по этому поводу написано: «История не должна заключать в себе произвольных умствований, которые не принадлежат повествованию и коих содержание противно правилам сего устава»⁵⁹. Согласно этому пункту к печати не могли быть допущены произведения классиков античной историографии, никто из современных западных историков и даже лояльный к власти и обласканный императорами Карамзин. Собственно говоря, сам Николай I скептически отнесся к этому пункту, но уступая просьбам Шишкова, сохранил его без изменений⁶⁰.

Такое же негодование, в том числе и со стороны императора, вызвали другие сомнительные пункты Устава. Например, в Уставе запрещалось допускать к публикации сочинения, имеющие двоякий смысл, что, по сути, позволяло цензору свободно истолковывать поступившее к нему произведение.

Другой знаковой чертой Устава стало создание целой системы надзорных органов в сфере печати. Если обратиться к Уставу Александра I, то найдем, что, несмотря на создание цензурного законодательства, никаких специальных организаций или отделений предназначенных для контроля над созданием и выпуском печатной продукции практически не создавалось. Так,

⁵⁷ Там же. С.170-171.

⁵⁸ Там же. С.171.

⁵⁹ Там же. С.173.

⁶⁰ Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. – Т.8. С.197-198.

в четвертом параграфе читаем: «Для рассматривания книг и сочинений учреждаются Цензурные Комитеты при Университетах из Профессоров и Магистров и состоят под непосредственным ведением Университетов».⁶¹ Т.е. хотя цензура и цензурные ограничения, несомненно, существовали, размах их был столь невелик, что не требовал создания специальных органов и должностей. Хотя цензурные органы и создавались, они существовали при университетах и можно считать их небольшими подразделениями ВУЗов, а не отдельными бюрократическими органами. Отдельный Цензурный комитет был создан в Санкт-Петербурге, но это было, как написано в Уставе 1804 г., вынужденной необходимостью в связи с отсутствием в столице университета⁶². Законопроект 1826 года, напротив, предусматривал создание целой системы цензурных ограничений. Не случайно, что устройству цензурных комитетов, обязанностям цензоров и проч. посвящены целых три главы нового устава. Кроме того, что особенно важно, «устав определил должность цензора как самостоятельную профессию... Это ставило статус цензора в жесткие рамки: в случае проступка цензор отвечал за все сполна»⁶³.

Стало невозможно совмещать должность цензора с каким-либо другим постом. Должность Цензоров вообще, требующая постоянного внимания, и сама по себе многотрудная и важная, не может быть соединена, в одном лице, с другой должностью». ⁶⁴ Правда, «на должность цензоров правительство стало привлекать писателей и ученых, деятельность которых имела общественное значение. Этим оно старалось заручиться поддержкой общественности и повлиять на литературные круги». ⁶⁵ Но это было лишь небольшой популистский шаг, к которому правительство охотно прибегало.

⁶¹ Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.85-86.

⁶² Там же. С.83.

⁶³ *Терещенко Я. В.* Цензура и журналистика в период правления Николая I // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2008 - №11. С. 81.

⁶⁴ Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.135.

⁶⁵ *Горячева Е. М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014 - №3-2. С.112.

Особенно, в начале нового царствования. Самой, наверное, известной из таких мер было дело Пушкина, когда император в начале своего царствования возвратил опального поэта из ссылки, удостоил аудиенции, а потом отзывался о нем, как об умнейшем человеке России. Естественно, такое поведение царя было вызвано не любовью к поэзии. Новый монарх был человеком военным и чуждым эстетических тревог своего старшего брата. Для Николая I это было способом «замять» громкое дело декабристов, показать себя просвещенным, современным и даже в чем-то либеральным. Здесь, как и в случае с публикацией «Записок охотника» Тургенева, мы видим, что Николай I, вопреки сложившимся стереотипам, следил за общественным мнением и иногда даже уступал ему.

Точно также царское правительство пошло на уступки общественности в случае с цензурным уставом. Устав 1826 года подвергся всесторонней критике. Еще до его утверждения и обнародования самые скандальные его положения стали известны столичной общественности. И в салонах, переписке, личных беседах новый закон обсуждался и критиковался. О недовольствах Уставом доносили царю. Кроме того, скандальный законопроект подвергся критике не только со стороны либеральных кругов, но и «справа», от представителей консервативных и охранительных тенденций российского общества. С всесторонней критикой Устава 1826 года выступил знаменитый С. С. Уваров, творец «теории официальной народности», человек, который впоследствии станет символом цензуры и государственного контроля над образованием и культурой. В конце 1826 года им была создана записка с подробным разбором и критикой всех спорных моментов Устава⁶⁶.

Все это привело к тому, что император поддался давлению со стороны общества, и в том же 1826 году им был создан комитет для пересмотра цензурного устава. Результатом работы комитета было создание в 1828 году

⁶⁶ Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. – Т.8. – С.195-218. С.210.

нового Устава о цензуре. В новом Уставе уже отсутствовали спорные статьи, позволявшие цензору толковать смысл произведений или запрещавшие историку делать выводы и обобщения. Кроме того, Устав 1828 года, наконец, решил важный вопрос об иностранных произведениях. Вторая часть этого Устава посвящена цензуре иностранных книг. В целом, новый закон о цензуре был более либеральным, продуманным и взвешенным. Этот Устав просуществовал вплоть до эпохи Великих реформ и был заменен лишь в 1865 году.

В первые месяцы после утверждения новый Устав саботировался Министерством просвещения. Пришедший на смену консервативно настроенному Шишкову К. А. Ливен показал себя не меньшим сторонником охранительных мер. Он игнорировал новый Устав о цензуре, и для реального претворения в жизнь нового закона потребовалось личное вмешательство А. Х. Бенкендорфа⁶⁷.

Таким образом, на примере событий 1826-1828 гг., когда шел процесс разработки нового цензурного законодательства, мы видим, что Николай I отнюдь не был негибким правителем с железной волей, каким он часто представлялся современникам. Этот правитель, несмотря на усиление цензуры и полицейского контроля, очень чутко относился к изменениям общественного мнения. Собственно, само усиление цензуры об этом свидетельствует. Цензурные ведомства создавались для того, чтобы направлять общественное мнение, а тотальная слежка тайной полицией имела своей целью не только выявление и искоренение крамолы, но и выяснение общественных настроений. И хотя Николай I часто шел на непопулярные в обществе меры, его отступление перед общественным недовольством показывает, что и здесь он пытался следить за тем, какой уровень общественного недовольства эти меры вызывают. Император утвердил «Чугунный» устав 1826 года, несмотря даже на тот факт, что сам был недоволен некоторыми, наиболее ограничивающими свободу слова статьями,

⁶⁷ Там же. С.218-219.

поскольку этот Устав соответствовал его политической программе. Но когда этот законопроект подвергся всесторонней критике как слева, так и справа, царь уступил общественному недовольству и вскоре утвердил новый, более либеральный Устав.

1.3. Непоследовательность цензурной политики Николая I

Цензура в эпоху правления Николая I достигла небывалых масштабов. Неслучайно последний период его царствования в отечественной историографии называется временем «цензурного террора».

Действительно, уровень цензуры в годы правления Николая Павловича «зашкаливал». Любой журнал, любая газета, всякая статья просматривались цензорами и часто запрещались из-за самых незначительных нареканий. От цензуры не были освобождены (а иногда страдали и претерпевали от нее) даже самые последовательные консерваторы и наиболее лояльные к правительству публицисты. Однако некоторые факты из истории цензуры изучаемой эпохи заставляют задуматься о том, что Николай I, Бенкендорф и возглавляемое им III отделение, не всегда вели последовательную «жестокую» цензурную политику.

Иллюстрацией этой непоследовательности могут служить несколько эпизодов из истории цензуры 1830-1832 гг. В это время произошло свержение Бурбонов во Франции и пожар революции, вспыхнувший в стране, которая во всем была законодательницей мод, распространился по всей Европе. В Российской империи в 1830 году произошло Польское восстание. Естественно, с ростом революционных настроений в России и за рубежом, возрастала активность тайной полиции и цензурных ведомств.

Ярким примером беспрецедентных ограничений в сфере печати может служить история с публикацией пьесы М. П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская».

М. П. Погодин, выдающийся историк и публицист консервативного направления ⁶⁸, был одним из самых «благонадежных» литераторов николаевского времени. Погодин являлся ярчайшим представителем «теории официальной народности». Вместе с тем, даже он испытывал, временами, проблемы с цензурными ведомствами.

Законченная в 1830 году, первая пьеса Погодина по заведенному порядку поступила в цензурные органы. Цензором ее оказался С. Т. Аксаков – известный в свое время литератор, автор «Семейной хроники» и отец славянофилов К. С. и И. С. Аксаковых. Будучи хорошим знакомым Погодина, Аксаков помог ему исправить те места пьесы, которые могли показаться слишком бдительным цензорам крамольными. Но даже после этого «Марфа, Посадница Новгородская» не была представлена широкой публике. В 1830 году в империи вспыхнуло знаменитое «Польское восстание». С. Т. Аксаков побоялся в такое беспокойное время публиковать историческую драму, основным содержанием которой был рассказ о вооруженной борьбе новгородцев против московского владычества. Хотя пьеса и была написана с верноподданнических позиций, Аксаков испугался возможных кривотолков и доложил А. Х. Бенкендорфу о своих сомнениях. Бенкендорф принял к сведению донесение Аксакова и постановил издание пьесы отложить. Уже отпечатанный в типографии Московского университета тираж «Марфы, Посадницы Новгородской» остался лежать на складе. Пьеса Погодина увидела свет только в конце 1831 года, когда последние искры, разгоревшегося в Польше восстания, окончательно погасли.

Задержка с публикацией погодинской пьесы не является досадным недоразумением. Сам М. П. Погодин в своих статьях, написанных уже много позже, когда от цензурного гнета николаевских времен остались одни воспоминания, жалуется на излишнее внимание к его деятельности III отделения. Издаваемый Погодиным журнал «Москвитянин», бывший

⁶⁸ Погодин М. П. Избранные труды / М. П. Погодин [сост., авторы вступ. статей и коммент. А. А. Шириянц, К. В. Рсенцев, Е. П. Харченко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 776 с.

рупором всех «правых», консервативно настроенных сил общества, в том числе и славянофилов, подвергался такой же строгой цензуре, как и либеральные издания Полевого, Надеждина или Некрасова⁶⁹.

Одним из самых «ярких» и запоминающихся деяний III отделения, которое фактически контролировало все цензурные ведомства, было закрытие журнала И. В. Киреевского, будущего идеолога славянофильства. В начале 1832 году Киреевский начал выпускать журнал «Европеец»⁷⁰. Несмотря на амбициозные планы молодого издателя, который сумел привлечь к сотрудничеству многих известных литераторов (Жуковский, Вяземский, Языков и др.), журнал просуществовал лишь несколько месяцев. «Европеец» был запрещен за вышедшую в первом номере статью Киреевского «Девятнадцатый век», а также за рецензию на постановку «Горе от ума». Запрет журнала вызвал недовольство, и даже недоумение многих известных литературных деятелей. По поводу «Европейца» Жуковский имел неприятное объяснение с Бенкендорфом⁷¹. Наибольшее недоумение современников вызывал тот факт, что Киреевского в крамольных мыслях и приверженности к революционным идеям заподозрить было нельзя. Хотя славянофилом И. В. Киреевский на тот момент еще не был (скорее можно согласиться с тем, что «запрет журнала «Европеец» для Киреевского — как бы водораздел между двумя периодами его творчества: западническим и славянофильским»⁷²), но лояльность издателя к власти не подлежала сомнению. Киреевский, хотя и интересовался Западом, но для него на первом месте стояли вопросы не социальные, а эстетические. Интересы молодого издателя были сосредоточены на литературе и философии. Однако, несмотря

⁶⁹ *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // *Гражданин*. 1873. №11. 12 марта. С.347-352. №13. 26 марта. С.415-420.

⁷⁰ Хотя журнал Киреевского увидел свет уже после подавления Польского восстания, оно, вполне возможно, косвенно повлияло на судьбу «Европейца». С Польским восстанием было связана деятельность Фаддея Булгарина, знаменитого писателя и одновременно тайного агента III отделения. Об этом см.: *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // *Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкин. комис.* — СПб.: Наука, 2004. — Вып. 29. — С. 226—248.

⁷¹ *Гиллельсон М. И.* Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // *Русская литература*. 1965. № 4. С. 114—118.

⁷² *Ионайтис О. Б.* Журнал «Европеец» И. В. Киреевского и его цензурная судьба / О. Б. Ионайтис // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки.* — 2014. — № 2 (128). — С. 119-134. С.131.

на такой чисто эстетический «запал» будущего славянофила, власть увидела в нем бунтаря и потенциального революционера. «Европеец» был запрещен, а сам Киреевский, его дальнейшая литературная и издательская деятельность, оказалась под пристальным контролем III отделения.

Контрастирует с этим другой интересный факт, произошедший в том же году. В знаменитом журнале Н. Полевого «Московский телеграф» была опубликована статья, посвященная опять же разбору пьесы «Горе от ума». В этой статье в довольно резких выражениях оправдывалась возможность революции. Исходя из логики III отделения, «Московский телеграф» должен был закрыться сразу после публикации крамольной статьи. Однако этого не произошло. В итоге Полевой отделался письменным предупреждением от Бенкендорфа⁷³.

Известный историк русской журналистики XIX в. М. К. Лемке пытается найти объяснение этому казусу. Он приводит три объяснения поведения Бенкендорфа⁷⁴. Во-первых, шеф жандармов не хотел подставлять своих подчиненных, ответственных за пропуск статьи. Во-вторых, Бенкендорф, возможно, хотел припугнуть Полевого, напомнить ему, что вопрос издания его журнала целиком и полностью зависит от III отделения. В-третьих, согласно Лемке, Бенкендорф хотел прикрыть не столько своих подчиненных, но, в первую очередь, себя самого. Дело в том, что письмо Бенкендорфа Полевому, в котором указывается на нарушение «Московским телеграфом» цензурных правил, было отправлено редактору журнала спустя целых полгода после публикации крамольной статьи. Если бы Николаю I доложили о существовании такой статьи спустя полгода после публикации, то вполне резонным был бы вопрос «где были глаза у III отделения вовремя, а не полгода спустя?»⁷⁵ Таким образом, пропустив крамольную статью и не отреагировав вовремя, Бенкендорф боялся вызвать на себя царскую немилость.

⁷³ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с. С.79-80.

⁷⁴ Там же. С.80.

⁷⁵ Там же.

Мы не можем согласиться с такой трактовкой поведения шефа жандармов. Во-первых, кажется странным, что на журнал начинающего литератора Киреевского полиция обратила столь пристальное внимание, а «Московский телеграф» помощники Бенкендорфа не читали в течение полугода. Нужно отметить, что Николай Полевой в прессе тридцатых годов был фигурой первостепенной. Он внес значительный вклад в российскую журналистику (начиная с того, что ввел в русский язык само слово «журналистика»), а тиражи «Московского телеграфа» при нем достигли рекордной цифры в пять тысяч подписчиков. Вполне можно себе представить, что цензор пропустил в журнал крамольную статью. Тем более что цензурой «Московского телеграфа» занимался в те годы лояльный к Полевому С. Н. Глинка. Такие сбои «цензурной машины» случались и до, и после 1832 года. Самый яркий пример – это, конечно, публикация первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева в «Телескопе». Но представить, что никто не заметил опубликованной в самом популярном журнале империи крамольной статьи, просто невозможно. Цензурные ведомства, тайные и явные агенты, доносчики, состоявшие на жаловании III отделения, составляли на тот момент уже многотысячную армию читателей, слушателей и искателей крамолы, выраженной в любом виде.

Объяснить это противоречие в действиях Бенкендорфа можно обратившись к цензурному казусу конца николаевской эпохи. А именно, к истории публикации «Записок охотника» Тургенева. И. С. Тургенев являлся в начале пятидесятых самым известным русским писателем. Его популярность росла с каждым днем, как в России, так и за рубежом. Именно с Тургенева и его «Записок...» за границей начинается мода на русских писателей. Но интереснее не влияние этой книги на литературу, а история ее создания и публикации.

В течение нескольких лет, с 1847 по 1852 г., Тургенев опубликовал ряд рассказов в Некрасовском «Современнике». Большинство из них были посвящены описаниям природы, лирическим размышлениям на отвлеченные

темы и проч. Некоторые рассказы, правда, без всякого преувеличения можно было назвать «крамольными». В них описывался несчастный быт крепостных крестьян, положение однодворцев, беззащитных перед сильными и родовитыми соседями, и другие несправедливости российской жизни середины позапрошлого столетия. Естественно, подобного рода сочинения Николаевская охранка не могла оставить без внимания. Автор подвергся опале, а позднее, за свои рассказы и некролог о Гоголе, был отправлен в ссылку и на несколько лет лишен права проживания в столицах. Тургенев решил издать эти рассказы отдельной книгой, и... издал.

При этом Николай I уволил без права на пенсию цензора, давшего разрешение на издание книги, но саму книгу не запретил. Император, по всей видимости, не подверг запрету «Записки охотника» «потому, что не захотел еще раз привлекать внимания к писателю, уже наказанному»⁷⁶. Здесь в очередной раз сказалась непоследовательность царя в его идеологической политике.

Таким образом, мы видим, что Николай I, Бенкендорф и другие творцы эпохи «цензурного гнета» не всегда были последовательны в своих действиях. Запрещая одни журналы даже за небольшие оговорки, цензурные ведомства предоставляли свободу действия другим. Нам представляется, что это было вызвано желанием Николая I расположить к себе общественное мнение и прослыть если не прогрессивным, то, по крайней мере, терпимым к общественному прогрессу, правителем. Уничтожая оппозиционные издания средней руки, правительство позволяло выпускать самые популярные. И даже вести «флагманам» российской печати самостоятельную издательскую политику. Можно привести целый список изданий и отдельных авторов, которым была дана свобода творчества и возможность критиковать власть.

Такой свободой творчества пользовался, например, Гоголь. Его произведения, высмеивающие российскую действительность, показывающие

⁷⁶ Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6 т. / [Под общ. ред. М. Еремина]. – Москва : Правда, 1968. Т.1. С. 565.

дурные нравы высшего общества и обывателей, спокойно издавались и продавались. Показателен случай, когда на премьеру «Ревизора» пришел сам Николай I и после спектакля, довольный, отрекомендовал его следующим образом: «Ну и пьеса! Всем досталось, а мне более всех». Причем, посещение царем театра всегда имело важное значение. Как правило, Николай Павлович присутствовал на тех спектаклях, премьера которых была связана с какими-то идеологическими веяниями, а его заявления и оценки пьес были взвешены и продуманы заранее. Так, к примеру, было с премьерой знаменитой пьесы Нестора Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», за отрицательную рецензию на которую был закрыт журнал Н. Полевого «Московские ведомости». Так, судя по всему, было и с «Ревизором». Отправляясь на спектакль, царь не мог не знать содержание и основной идеи пьесы Гоголя и оценка, а может быть и сами слова, в которых эта оценка выражалась, была готова у Николая I заранее. Причем, публикация «Ревизора», «Мертвых душ» и прочие «обличительных» произведений Гоголя имела место еще до того, как Николай Васильевич совершил в своем творчестве коренной поворот к мистицизму и консерватизму. «Избранные места из переписки с друзьями» или «Размышления о Божественной литургии» – произведения, за которые власти могли «ценить» живого классика, увидели свет намного позже. Постановка «Ревизора» была осуществлена не сразу и для разрешения пьесы понадобилась личная резолюция императора. Но вдумчивый и осторожный Николай I все же одобрил пьесу Гоголя, что говорит о многом. А именно о том, что император был склонен уступать общественному мнению или время от времени с ним заигрывать.

Из тех периодических изданий, которым в первый период царствования Николая I давалась относительная свобода и негласное разрешение на «крамолу» были «Московский телеграф» Полевого и «Телескоп» Надеждина. И в том, и в другом издании периодически встречаются либеральные мысли (конечно, в рамках дозволенного). Их популярность и широкая известность

служат защитой от излишних претензий цензуры. С этим косвенно соглашается и сам М. К. Лемке, описывая историю закрытия «Московского телеграфа»⁷⁷. Журнал Надеждина был все же закрыт в 1834 году. Но причиной этого была не «крамола». «Московский телеграф» был закрыт за критическую статью в адрес пьесы Н. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Это формальная причина. А реальной причиной было назначение нового министра просвещения. С 1828 по 1833 гг. должность министра занимал барон К. Ливен. В 1833 году его на этом посту сменил знаменитый идеолог «теории официальной народности» С. С. Уваров. Именно Уварову принадлежала инициатива по закрытию «Московского телеграфа». Здесь необходимо сказать об особенностях управления «цензурной машиной» николаевских времен.

В цензурной политике 1825-1853 гг. существовало «двоевластие», превратившееся в 1848 г. в «троецарствие». Дело в том, что официально все цензурные ведомства подчинялись министерству просвещения. Соответственно, де-юре, всем, что связано с цензурой, руководил глава этого министерства. Де-факто во все вопросы, касающиеся цензуры, вмешивалось III отделение, возглавляемое всесильным главой жандармов А. Х. Бенкендорфом. Журналу Полевого Бенкендорф благоволил. Во многом, из-за умелой политики издателя, который умел заигрывать и с публикой, и с властью, а если и переступал иногда черту дозволенного, то умел сделать шаг назад. Кроме того, закрытие такого известного издания неминуемо повлекло бы за собой скандал, вызвав большой общественный резонанс. Таких скандалов на век Николая I пришлось много, и Бенкендорф, будучи самым верным и последовательным проводником царской политики, старался их по возможности избегать.

С. С. Уваров, наоборот, к Полевому не благоволил. В самом начале своей министерской деятельности он предпринял несколько попыток закрыть «Московский телеграф», одна из которых оказалась успешной. Закрытие

⁷⁷Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с. С. 87-96.

популярнейшего издания страны, конечно, скандал вызвало, чего так старался избежать Бенкендорф.

Таким образом, можно сделать вывод, что цезурная политика Николая I не была примитивной и прямолинейной. Цензурные ведомства, действительно, сильно ограничивали свободу слова и старались «задушить» любое проявление свободомыслия. Характерно, что в первом же цензурном законопроекте николаевского времени, знаменитом «Чугунном» уставе 1826 постулировалось, что «Цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусств, при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии, дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление»⁷⁸. Т. е. даже на официальном уровне, на уровне сухого языка юридических бумаг, правительство признавало, что его цензурная политика несет идеологическую функцию и должна не только отделять зерна от плевел, но и направлять развитие отечественных науки и словесности. Но вместе с тем, царское правительство допускало «заигрывание» с общественным мнением, позволяло определенную свободу самым известным литераторам, старалось избегать закрытия популярных изданий, дабы избегать возможных скандалов и развития антиправительственных настроений.

Нам представляется, что такая тактика была разумной и логичной в теории. Но на практике она принесла противоположные ожидавшимся результаты. Царская «охранка» скомпрометировала себя цензурным гнетом, закрытием газет и журналов по самым пустяшным поводам, но вместе с тем, из желания показать свою мнимую «терпимость» и избежать очередного литературного скандала, закрывала глаза на деятельность явно оппозиционных изданий, которые соблюдали лишь видимость благонадежности. А иногда и видимости не соблюдали. Так, некрасовский «Современник», в котором работали такие радикально настроенные

⁷⁸ Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.125-197. С.130.

литераторы как В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский, существовал в течение периода «цензурного террора» (самая тяжелая для русской прессы эпоха), пережил Николая I и его режим и был закрыт только в 1866 г.

Позволяя издавать явно антиправительственные журналы, николаевская «охранка» в тоже время «била по своим». Так, запретам часто подвергались издательские начинания славянофилов. Славянофилы – интеллектуальное оригинальное живое философское течение, на которое могла бы опереться николаевская идеологическая машина как на союзника (несмотря на ряд разногласий власти и философов этого направления). Однако вместо этого цензурные ведомства душат начинания славянофилов на корню. Вместе с тем, западники печатаются, выживают, переходят из журнала в журнал, становятся популярными и определяют общественное мнение. В итоге, в середине столетия мы получаем такой слой населения как интеллигенция. Слой враждебный к власти, к традиционным ценностям, слой оппозиционный. И это, по сути, сделано было руками цензоров, задачей которых было предотвратить появление крамолы.

1.4. Периодизация цензурной политики Николая I

Когда речь заходит о развитии цензуры при Николае I особо выделяют последний период царствования этого монарха. Это период 1848-1855 гг., так называемое «Мрачное семилетие» или «Эпоха цензурного террора». Для исследования публицистической и издательской деятельности славянофилов мы считаем необходимым провести более подробную периодизацию. На наш взгляд, помимо «Мрачного семилетия» можно выделить еще как минимум два особенных, непохожих на другие этапы правления Николая I, периода в развитии цензуры.

Для периодизации, по нашему мнению, можно использовать два критерия. Первый критерий: выделение периодов по находившимся у власти министрам народного просвещения, ведь именно это министерство

занималось вопросами цензуры. Действительно, за годы правления Николая I сменилось несколько министров народного просвещения. Все это были самобытные и яркие личности, вносящие в становление и развитие цензурного аппарата немалый вклад.

Первым николаевским министром был А. С. Шишков. Он покинул свою должность уже в 1828 году, поэтому, несмотря на то, что с его именем связано принятие знаменитого «Чугунного устава», деятельность Шишкова в отдельный этап выделена быть не может.

После Шишкова министром народного просвещения был К. А. Ливен. Период его министерской (1828-1833) деятельности связан со становлением цензурного аппарата николаевской России. Именно при нем был принят более либеральный, по сравнению с шишковским, *Устав о цензуре 1828 г.* При Ливене проходило постепенное ужесточение цензуры и становление цензурных комитетов.

На посту министра народного просвещения Ливена сменил знаменитый С. С. Уваров (1833-1849). Уваров являлся создателем системы гимназического образования. Созданная им система стала одной из лучших в Европе. Так что до сих пор административная и педагогическая деятельность Уварова вызывает восхищение сторонников классического образования. А многие современные школы в той или иной степени пытаются ориентироваться на классическое дореволюционное образование⁷⁹. Иначе воспринимают значение и роль Уварова историки литературы и цензуры. Цензурные ограничения при Уварове росли, многие издания закрывались, и часто эти явления были связаны непосредственно с личностью министра Просвещения. Так, судя по всему, именно из-за личной неприязни Уварова к Н. А. Полевому был закрыт популярнейший журнал своего времени «Московский телеграф»⁸⁰.

⁷⁹ Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol034.htm> [дата обращения 22.09.2021]

⁸⁰ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с. С. 87-96.

Вслед за Уваровым министерский пост занял кн. П. А. Ширинский-Шихматов (1849-1853). Об отношении князя к свободе слова, журналистике и литературе, красноречиво говорит, появившаяся вскоре после его назначения, шутка. В обществе говорили, что Ширинский-Шихматов поставил просвещению не только шах, но и мат. С деятельностью этого министра связан период «Цензурного террора». Последние два года правления Николая I должность министра народного просвещения занимал А. С. Норов.

Вместе с тем, хотя периодизация по министрам Просвещения дает возможность четкого разделения цензурной политики Николая I на отдельные этапы, нам она представляется несовершенной. И хотя такая периодизация может быть использована, у нее имеется ряд недостатков. Самый главный заключается в том, что помимо министерства народного просвещения цензурной политикой занимались еще и другие ведомства. Де-юре во главе «цензурной машины» стоял министр Просвещения. Де-факто цензурную политику страны зачастую определяли другие люди. В частности, глава III отделения С.Е.И.В.К. (т. е. тайной полиции). Четкого разделения обязанностей между тайной полицией и министерством народного просвещения не существовало. Очень часто между министром и шефом жандармов шла закулисная борьба. Так, например, было во время Ливена. III отделение тогда возглавлял всесильный Бенкендорф. И инициативы одного зачастую не находили поддержки у другого⁸¹. Так же было в описанном выше случае с закрытием «Московского телеграфа». Бенкендорф, видимо, благоволил Полевому, но Уваров добился закрытия его журнала.

Вопрос о фактическом главе цензурной политики усложнился с созданием в 1848 г. Бутурлинского комитета. Это был созданный в самом начале «Мрачного семилетия» неофициальный орган, следивший за печатью.

⁸¹ Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. – Т.8. С.217-218.

Хотя орган был неофициальный, воздействие его на внутреннюю политику России было более чем реальным.

Кроме того, периодизация по министрам народного просвещения имеет еще один важный недостаток. Усиление цензуры чаще всего было следствием не министерской или полицейской программы, а реакцией на внутриполитические или европейские события. Всплеск цензурных ограничений чаще всего был вызван революционной активностью в Европе. Французская революция 1830 г., последовавшее за ней Польское восстание привело к новым ограничениям в начале тридцатых. Весна народов (1848-1849) стала причиной «Цензурного террора».

Нам представляется, что для периодизации лучше было бы использовать факты, которые кардинально влияли на развитие цензурной политики государства, создавая новые условия для развития печати. Громких общественных и литературных событий и скандалов в николаевский век было много. И важных постановлений по цензуре тоже. Но, как нам кажется, кардинальных изменений было только два. Первое – запрет на открытие новых журналов. Это событие стало знаковым для российской журналистики и общественной мысли и полностью изменило издательские стратегии, как славянофилов, так и западников. Другое событие – начало «Цензурного террора», когда ожесточенность общественных споров уступило место осторожности. Показательно, что в этот период славянофилы смогли выпустить только один печатный сборник, а начавшаяся в 1847 г. на страницах «Москвитянина» и «Современника» полемика между западниками и славянофилами сошла на нет. По крайней мере, в печати. Основываясь на данных фактах мы предлагаем следующую периодизацию цензурной политики Николая I:

1 период – становление цензурного аппарата (1826-1836). В этот период происходит выработка правил для новой «цензурной машины». Этот процесс идет путем проб и ошибок. В 1826 г. принят первый николаевский цензурный устав. Но из-за своей излишней жесткости и непопулярности он

был переработан, и в 1828 г. появляется новый закон о цензуре. В этот период власть пытается выработать приемлемый стиль управления. Николай I искал возможность создать такой цензурный аппарат, который бы смог уберечь его от нового 14 декабря и вместе с тем не уронить авторитет монарха в глазах просвещенной публики. Именно поэтому Николай I и Бенкендорф часто в этот период отступают перед общественным мнением. Но несмотря на временные отступления, цензура все больше усиливается. Важным моментом в процессе роста цензурного гнета является официальный запрет на анонимные произведения (1833) и громкие «журнальные процессы», связанные с закрытием популярных московских изданий («Европеец» Киреевского, «Московский телеграф» Полевого).

2 период – установление тотального контроля за печатными СМИ (1836-1848). В 1836 году вышел указ, запрещающий издание новых журналов⁸². Таким образом, правительство установило контроль за выпуском печатной продукции и облегчило себе борьбу с оппозицией, поскольку теперь любой издатель сам выступал для себя в качестве цензора. До опубликования данного указа каждый издатель мог, в случае закрытия своего журнала, надеяться открыть новый. Хотя это было не так просто как сегодня. Закрытие издания часто сопровождалось запретом хозяину журнала на издательскую деятельность. Но такие запреты легко обходились. В качестве издателя мог выступить какой-то благонадежный член общества, а фигура настоящего руководителя оставалась в тени. Так, например, было в случае с «Современником». Реально журналом руководили Некрасов и Панаев, де-юре издателем был Никитенко. Теперь, после запрета выпуска новых журналов, издатель терял свой печатный орган, а новым обзавестись уже не мог. Таким образом, под контролем правительства скоро оказались все печатные СМИ.

⁸²Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Типография Морского министерства. 1862. 462 с. С.227.

3 период – «Мрачное семилетие» или «Эпоха цензурного террора». Этот период не нуждается в подробном исследовании. Его исследованию было посвящено много работ. Это ряд цензурных мер, которые последовали за охватившим Европу революционным движением 1848-1849 гг. В этот период николаевская цензура достигла своего апогея.

ГЛАВА 2. ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА» П. Я. ЧААДАЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ

2.1. Значение «Философических писем» П. Я. Чаадаева для общественной мысли 1830-1840-х гг.

В октябре 1836 года в пятнадцатом номере журнала «Телескоп» было напечатано первое «Первое философическое письмо» П.Я. Чаадаева. Это небольшое произведение, занимавшее не более десяти журнальных страниц, стало одним из самых важных текстов русской философии. Не в силу своего содержания: статья Чаадаева была полемической, поверхностной, и вряд ли ее можно назвать жемчужиной русской интеллектуальной прозы. Значение «философического письма» в резонансе, который оно имело в николаевском обществе, и в тех процессах, которые оно запустило.

В истории литературы и философии очень часто приходится сталкиваться с произведениями или персоналиями, которые оказались в учебниках, «вошли в канон», не благодаря своим личным дарованиям и творческим способностям, а в силу «побочных» обстоятельств. Так, попал в анналы философской и научной мысли Джордано Бруно, который ничего не открыл и не изобрел. Бруно занимался магией, был авантюристом и преследовался законом. Причем, часто не по идеологическим соображениям, а в силу своего противоречивого и неуживчивого характера. Спектр обвинений, предъявляемых ему, был весьма широк: от плагиата до убийства. Но поскольку он был сожжен католической церковью на заре Нового времени, в эпоху становления современной научной парадигмы, Бруно стал символом борьбы против церкви, знаменем секуляризации и антиклерикализма.

В точно таком же положении оказался и Чаадаев. При жизни автора ничего из его произведений, кроме одного «Философического письма» напечатано не было. Но вместе с тем, Чаадаев известен намного большему

числу людей, чем Хомяков, Вл. Соловьев, Лосев или любой другой из русских философов, внесших неоценимый вклад в развитие отечественной мысли. И это именно потому, что «Письмо...» было опубликовано в исторический момент, наиболее для этого подходящий.

Герцен писал, что «Письмо...» Чаадаева было подобно «выстрелу в темную ночь»⁸³. Но выстрел этот пришелся на предрассветный час, когда непроницаемая завеса сумрака уже готова отступить перед светом нового дня, а люди после долгих часов спокойного сна вот-вот проснутся. Этот выстрел «разбудил» Герцена. И многих-многих других⁸⁴.

С публикации письма начинается ряд важных процессов в интеллектуальной и культурной жизни страны. С его «Письма...» «закладывалась печальная традиция негативного восприятия... истории своей страны»⁸⁵. Многими отмечается, что Чаадаев «пробудил к активной деятельности общественное сознание»⁸⁶.

В связи с необыкновенным эффектом, вызванным «Письмом...», и тем влиянием, которое оно имело на развитие общественной мысли и русской печати, представляется необходимым рассмотреть его с нескольких позиций:

- 1.идейные источники концепции Чаадаева;
- 2.философско-историческую концепцию Чаадаева;

3.вопрос об адресате «Философических писем». Это проблема на наш взгляд важная и недооцененная в современной науке, и имеет косвенное отношение к полемике славянофилов и западников в печати. По нашему мнению, фигура адресата «Писем» для П. Я. Чаадаева была очень важна и составляла часть его философской концепции. Чаадаев, как нам кажется,

⁸³ Герцен А. И. Былое и думы. – Собрание сочинений в 30 томах, т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.139.

⁸⁴ Большинство исследователей, пишущих о Чаадаеве, предпочитают другую метафору - «эффект разорвавшейся бомбы». Так о публикации «Первого письма...» отзывался В. В. Зеньковский (*Зеньковский В. История русской философии.* – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa), С.154.), энциклопедия Britannica, в которой публикация первого «Философического письма» названа bombshell (Pyotr Yakovlevich Chaadayev//Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadayev> (дата обращения: 29.09.2020) и многие другие.

⁸⁵ Киселев А. Ф. Чаадаев и Чаадаевщина//Высшее образование сегодня, 2016, №6. С. 38-41. С.39.

⁸⁶ Богданов А. Русская идея в философских воззрениях П. Я. Чаадаева//Власть, 2011 – №10. С.61-65. С.61.

обращался не к конкретному лицу, а к «Церкви», понимаемой им в противоположность славянофилам, «экуменистически». Это становится видно из лингвокультурологического анализа первого «Философического письма»;

3. исторические условия, способствовавшие такому скандальному успеху «Письма...» и общественные дискуссии, вызванные публикацией Чаадаева. В особенности, значение письма для генезиса славянофильства и начала их издательской деятельности.

2.2. Источники философско-исторической концепции П. Я. Чаадаева

«Философическое письмо» Чаадаева является важным не только для истории русской общественной мысли, но и для истории России в целом. Его появление в журнале «Телескоп» имело эффект разорвавшейся бомбы. Какова же была начинка этого взрывного устройства, и что заставило российское общество так живо реагировать на появление «Письма...»?

Петр Яковлевич Чаадаев, молодой дворянин, герой войны двенадцатого года, входил в число самых ярких и популярных личностей Петербурга 20-30-х гг. Еще до появления в 1836 году его первой и последней прижизненной публикации, сделавшей ему литературное имя, Чаадаев был известен в высшем свете, и личность его была окутана ореолом тайны. Его дружки искали, ему завидовали и посвящали стихи (несколько стихотворений, в том числе программное «К Чаадаеву», посвятил автору философических писем А.С. Пушкин). Сам Чаадаев умело поддерживал свою репутацию мыслителя и человека, стоящего над обыденной действительностью. Он отказался от блестящей военной карьеры, которая перед ним открывалась после встречи с Александром I. Самое главное, что он не просто от нее отказался, но и всячески сторонился комментариев по поводу причин своей отставки, оставив жадному до слухов столичному

обществу выдумывать и обсуждать мотивы поведения молодого денди. А как известно, ничто так не питает слухов, как молчание.

В 1823-1826 гг. Чаадаев живет в Европе и именно там, судя по всему, знакомится с идеями, ставшими базисом его философского кредо. Можно выделить три главных источника концепции Чаадаева:

1) во-первых, это труды французских католических богословов, популярных в начале века в консервативных кругах французского общества. Это такие мыслители, как Ж. де Местр, Л. де Бональд, П.-С. Балланш, Ламенне. Эти теологи оказали на Чаадаева огромное влияние. В первую очередь на его отношение к Православию и на филокатолические позиции автора. Иногда в своих рассуждениях Чаадаев допускает даже текстуальные заимствования из сочинений французских католиков⁸⁷. Близкий к Чаадаеву А.И. Тургенев отмечал, что Первое письмо точь-в-точь повторяла систему де Местра⁸⁸;

2) другим важным источником мировоззрения Чаадаева, как и для всех русских интеллектуалов той поры, являлась немецкая классическая философия. В частности, Шеллинг. Чаадаев был лично знаком с германским мыслителем и имел с ним переписку;

3) третьим источником, о котором обычно не говорят исследователи, является немецкая философия истории начала девятнадцатого столетия. В частности, Шеллинг. Чаадаев был лично знаком с германским мыслителем и имел с ним переписку. Кроме того, как отмечают исследователи, Чаадаев был знаком с трудами Канта и Гегеля.

На наш взгляд, влияние немецкой философии кон. XVIII – нач. XIX вв. на систему Чаадаева изучено недостаточно. Традиционно отмечается, что на Басманного философа большое влияние оказал Шеллинг, чего нельзя

⁸⁷ Об этом: Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева/ НЛО, №135, 2015// <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28315-yazyk-i-kontekst-v-russkoy-intellektualnoy-istorii-pervoe-filosoficheskoe-pismo-chaadaeva.html> дата обращения 09.07.2019

⁸⁸ Мильчина А.В., Осповат А.Л. О Чаадаеве и его философии истории//Чаадаев П.Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989. – 655 с. С.6, прим.1.

отрицать. Но знакомство с содержанием концепции Чаадаева показывает, что не меньшее влияние на него оказали другие немецкие мыслители.

В первую очередь, на Чаадаева оказала влияние философско-историческая концепция, восходящая к романтизму (Гердер) и немецкой классической философии (Гегель). Если кратко охарактеризовать главный принцип философии Гердера, то его концепцию можно назвать хроно-географической. Действующая сила истории – Дух. Содержание истории – развитие Духа. И развитие это идет с Востока на Запад. Сначала носителями духовных начал были цивилизации Востока. Отжив свой век, эти цивилизации передавали эстафетную палочку другим народам и культурам. И так, от Индии и Китая, расположенных на самом Востоке Евразии, эта эстафетная палочка дошла до современной Гердеру и Чаадаеву западной Европы. Так же воспринимался исторический процесс и крупнейшим германским мыслителем девятнадцатого столетия Г.В.Ф. Гегелем. Его «Лекции по философии истории» были опубликованы посмертно и уже после выхода в свет первого «философического письма», но содержание «Лекций...» должно было быть знакомо Чаадаеву, который посещал лекции Гегеля во время своего заграничного вояжа. То есть история развивается одновременно в двух плоскостях: в социальной и в географической. В социальной – это становление Духа, рост свободы и проч. Конечно, апогей этого развития – Европа. В географическом плане – это движение с Востока на Запад. То есть, по мере приближения к Атлантическому океану мысль и дух и самосознание человечества крепнут, достигая своей вершины в германо-романском мире. Эта мысль видна уже и в первом его письме, но наиболее подробно раскрыта в «Апологии сумасшедшего» - статье, написанной Чаадаевым вскоре после скандальной публикации его «Первого письма». «Мир искони делился на две части – Восток и Запад...Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым и всемогущим анализом, овладел его трудами,

кончил, начатое Востоком, и, наконец, поглотил его в своем широком обхвате»⁸⁹. Тем, кто знаком с текстами немецкой классики и романтизма не составит труда разглядеть за этим пассажем философско-исторические построения германских мыслителей конца XVIII- начала XIX вв. Да и в «Письме...» находится немало таких размышлений. Он также отталкивается от дихотомии Восток-Запад⁹⁰. Также как и немецкие авторы, он утверждает, что существует «дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его теперешнему состоянию»⁹¹.

Таким образом, в своей философии истории Чаадаев опирается во многом на Гегеля, хотя в других аспектах своей системы, безусловно, является шеллингианцем. Это важная особенность. Она помогает дифференцировать славянофилов и западников по философским влияниям. Традиционно отмечается, что на русскую философию наибольшее влияние оказал Шеллинг. Нам представляется это высказывание не совсем точным. Влияние Шеллинга, конечно, ощутимо, но не меньшее, на наш взгляд влияние остается за Гегелем. Следует признать, что Шеллинг повлиял на славянофилов. Западники же находились под влиянием Гегеля. По крайней мере, большая и самая влиятельная часть западников были гегельянами. Многие входили в знаменитый кружок Станкевича, в котором изучение гегелевской философии было главным занятием. Были близки к Станкевичу в частности такие знаковые фигуры западнического движения как А. И. Герцен, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев и многие другие. Здесь могут быть исключения. Чаадаев, как уже отмечалось выше, был шеллингианцем, но в главном вопросе своего исследования, в вопросе о философии истории России, заимствовал схему Гегеля. Также и некоторые из младших славянофилов (Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков) были в молодости

⁸⁹ Чаадаев П.Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989. С.145-146.

⁹⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989. С.18.

⁹¹ Там же.

гегельянцами. Аксаков даже входил в кружок Станкевича. Но в дальнейшем их отношение к Гегелю изменилось.

Такое положение дел вполне закономерно. Гегель в своей философии истории объявлял Западную Европу вершиной мирового развития. Это вполне согласовалось с взглядами западников. Шеллинг со своей религиозностью и интересом к культурологическим исследованиям импонировал славянофилам.

Таким образом, мы можем говорить и про разделение журналов не только на славянофильские и западнические, либеральные и консервативные, но и на шеллингианские и гегельянские. Или, по крайней мере, на импонирующие этим философским течениям.

2.3. Философия истории России П. Я. Чаадаева

Если кратко характеризовать статью Чаадаева, то содержание ее можно свести к двум взаимодополняющим тезисам: 1) западноевропейская цивилизация является передовой и самой на свете развитой (более того, единственной цивилизацией, идущей по верному пути развития); 2) Россия – отсталая страна с темным прошлым, серым настоящим и сомнительным будущим⁹². Собственно, эти идеи были не новостью. В стране, где представители высшего сословия с детства говорили на иностранных языках, а родной с горем пополам начинали учить после французского, подобного рода мысли приходили в голову многим⁹³. Первым из них (или, может, одним из первых) был Петр Великий, имевший необыкновенную ненависть ко всему национальному и самобытному. Необычными в работе Чаадаева были два момента. Во-первых, полемический тон «Письма...», в котором выбирались самые «смачные» выражения для того, чтобы уронить образ

⁹² «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, - пишет Чаадаев, - без прошедшего и без будущего». *Чаадаев П.Я. Сочинения* / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989.. С.18.

⁹³ Показателен в этом отношении тот факт, что свои «Письма...» Чаадаев писал на французском языке. И даже переводом «Первого письма...» на русский язык занимался не сам.

России. Во-вторых, те исторические условия, в которых появилась статья. Этот момент представляет наибольший интерес для исследования. Но сначала необходимо ближе познакомиться с содержанием статьи.

«Письма...» адресованы некой Даме, которая не названа по имени. Автор начинает свое послание с духовных наставлений своей корреспондентке, пишет о необходимых для правильной религиозной жизни вещах. После вступительных слов Чаадаев переходит к характеристике своего Отечества.

В самом начале своих историософских построений Басманный философ указывает на оторванность России от всех известных цивилизаций и традиций, показывая внеисторичность своей Родины, ее вырванность из потока общеевропейского развития. «Мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, - пишет Чаадаев⁹⁴, - ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не отразилось»⁹⁵.

Кроме того, что Россия априори отстает от стран Запада, она не может быть поставлена в один ряд даже с кочевыми племенами, стоящими на самых низких ступенях общественного развития. «В городах мы похожи на кочевников, хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы – к своим городам»⁹⁶.

Собственно, никаких исторических примеров или параллелей для подтверждения своих мыслей Чаадаев не приводит. Но невидимая отсылка к определенным историческим фактам, философским концептам, безусловно, знакомым в силу своей популярности читателям, все равно присутствует. Однако в некоторых случаях гиперкритика России выходит у Чаадаева на гиперсубъективный уровень. Так, например, он пишет: «В чужих краях,

⁹⁴ Чаадаев П.Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989. С.18.

⁹⁵ Интересно, что такие же аргументы можно было бы услышать из противоположного лагеря. Об особенности исторического положения России будут говорить и славянофилы, только придавая этому другой смысл. Сегодня, положение России между Востоком и Западом является одним из важнейших постулатов Евразийства.

⁹⁶ Там же. С.19.

особенно на юге, где лица так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица моих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших выражений»⁹⁷. То есть для Чаадаева даже унылые лица его сограждан служат подтверждением выброшенности России на обочину истории.

Вместе с тем, среди пафоса Чаадаевских обвинений, среди общих фраз, повторов и полемических фигур, можно найти целый ряд философских идей, разбросанных как самородки (не самой, впрочем, высшей пробы) среди золотоносного песка. Эти идеи составляют ядро философии истории Чаадаева.

Первая, основная, идея заключается в развитии человеческого общества, мировой истории, от низших форм к высшим. С этим связано развитие Духа и высших идей. Идея эта заимствована из немецкой классической философии. Наиболее полно она была раскрыта в «Лекциях по философии истории» Гегеля и «Идеях к философии истории человечества» Гердера. Цель этого развития – построения Царства Божьего на земле. К этой мысли отсылает уже эпиграф Первого письма. «Adveniit regnum tuum – да придет Царствие Твое» - стих из молитвы Отче наш. Далее, критикуя иные, отличные от западноевропейского, пути развития, автор восклицает: «Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от Божеских и человеческих истин низведут Небо на землю?»⁹⁸

Таким образом, цель исторического развития, главная задача духовной эволюции человечества – сведение Неба на землю, создание Эдема. Но как обрести этот потерянный рай? В итоге исторического развития райский сад может (и, наверное, должен) расцвести на фундаменте западноевропейского общества.

Другой мыслью, непосредственно связанной и даже вытекающей из Чаадаевской историософии, является роль России в драме общечеловеческой

⁹⁷ Там же. С.23.

⁹⁸ Там же. С.28.

истории. Очень часто «Письмо...» воспринимается как констатация отсталости русского общества, его примитивного состояния по сравнению с западноевропейским. Однако Чаадаев говорит не об отсталости. Он считает, что Россия «выброшена» из потока мировой истории. Она не отстает, ибо отставать может тот, кто идет по той же дороге. Для нее просто нет места в потоке истории. Россия – это нонсенс, варварская страна, долгие годы стоявшая на обочине исторического процесса, а теперь ворвавшаяся в него, как варварское племя в блистающий, державный Рим.

В небольшом пассаже Чаадаев коротко описывает духовное развитие своей Отчизны. «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее – иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, - вот печальная история нашей юности»⁹⁹.

Третьей важной идеей, которая объясняет и соединяет две предыдущие, является мысль о религиозной составляющей духовного прогресса западной цивилизации. Эти размышления показывают, почему с одной стороны, именно Западная Европа стала фундаментом для грядущего Царства, почему именно там появились страны, основанные на идеях права и справедливости; с другой стороны – религиозный вопрос помогает Чаадаеву объяснить, из-за чего Россия так и не смогла влиться в дружную семью европейских государств. С точки зрения Чаадаева, главной проблемой России было... Православие. Консолидирующей силой, сплотившей европейские государства в дружную семью, объединенную общей культурой, являлась, по Чаадаеву, католическая церковь. Она стала той духовной скрепой, соединяющей такие разные народы Запада. Она дала импульс к развитию самых светлых и позитивных общественных начал и т.д. Россия, несмотря на географическую близость к западноевропейским государствам, не смогла войти в эту дружную, любящую семью из-за Православия. Оно, по мнению Басманного философа, во все времена являлось носителем

⁹⁹ Там же. С.19.

реакционных начал, отчего и стало фактором разделения между Россией и Европой.

2.4. Вопрос об адресате «Философических писем»

Важным моментом для понимания философской концепции П.Я. Чаадаева является вопрос об адресате его писем. В современной науке этот вопрос кажется решенным и однозначным. Про Чаадаева было написано много научных и популярных статей, монографий, воспоминаний. Однако, тот резонанс, который произвели «Философические письма» в русской общественной жизни, выдвинуло на первый исследований философско-историческое содержание трактата, а также личность самого Петра Яковлевича. Вопрос об адресате писем оказался в разряде второстепенных. По нашему мнению, этот вопрос нуждается в детальной проработке с привлечением не только научной литературы и источников, но и самого текста «Писем» и философских взглядов их автора.

Чаще всего в качестве адресата «Философических писем» указывается Екатерина Дмитриевна Панова. Хотя в некоторых обстоятельных исследованиях встречается утверждение о том, что адресат писем – фигура вымышленная. Например, В.В. Зеньковский в своем фундаментальном труде, посвященном истории отечественной мысли, пишет: «В эти годы (до 1830 года) полнейшего уединения у Чаадаева сложилось все его философское и религиозное мировоззрение, нашедшее (в 1829 году) свое выражение в ряде этюдов, написанных в форме писем – с вымышленным адресатом. Раньше предполагали, что письма были написаны некоей г-же Пановой, теперь доказано, что она вовсе не была адресатом. Чаадаев просто избрал эпистолярную форму для изложения своих взглядов, - что было тогда довольно обычно»¹⁰⁰. Однако в большинстве работ, статей, заметок, посвященных «Философическим письмам» по прежнему утверждается, что

¹⁰⁰ Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa), С.154.

адресатом Чаадаева является Е.Д. Панова. Так известный современный мыслитель, доктор философских наук Федор Гиренок свою статью о Басманном философе для сайта «rg.ru» начинает следующим образом: «Чаадаев написал письмо Кате Пановой, с которого начались его «Философические письма»¹⁰¹. Подобного рода указания можно встретить практически в любой посвященной данному вопросу литературе. Это утверждается практически безапелляционно, хотя никаких реальных подтверждений этому нет.

Уже в XIX веке в качестве корреспондента Чаадаева чаще всего указывается Екатерина Дмитриевна Панова. Е. Д. Панова, урожденная Улыбашева, была женщиной трагической судьбы. Она происходила из старого дворянского рода, росла и воспитывалась в творческой семье. Ее брат, А. Д. Улыбашев, был членом знаменитого литературного сообщества «Зеленая лампа», в которое среди прочих входил молодой А. С. Пушкин. Сестра Екатерины Дмитриевны, Елизавета Улыбашева, была известной поэтессой. Ее перу принадлежало два сборника стихов, написанных по-французски, пользовавшихся известностью. В 1821 г. Екатерина Улыбашева выходит замуж за В. М. Панова. В 1827 году она знакомится с Чаадаевым, поместье которого находилось неподалеку от дома Пановых. Екатерина Дмитриевна становится другом и собеседником Чаадаева. В тридцатых годах ее отношения с мужем портятся. В 1836 году Е. Д. Панова признана душевнобольной и отправлена в специализированное лечебное заведение. О дальнейшей ее судьбе известно немного. У Пановой не было детей, и после принудительного лечения она живет у родственников и умирает в бедности. Е. Д. Пановой посвящено много литературы. В основном, это мемуары или научно-популярные публикации¹⁰².

¹⁰¹ Гиренок Ф. Запад и Восток Петра Чаадаева//<https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> дата обращения: 25.09.2020.

¹⁰² Вильде Н. Корреспондентка Чаадаева // Голос Москвы. 1913. № 94. 24 апр.; Кайдаш-Лакишина С. Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь, 1979. № 7.; Кайдаш-Лакишина С. Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М. : Советский писатель, 1989. – 286 с.; Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 45–55.

Мы считаем, что, несмотря на распространенное мнение, Панова вряд ли могла быть адресатом «Писем». На это указывают два момента: во-первых, несогласие по этому вопросу источников; во-вторых, отсутствие прямых указаний на связь Пановой с «Письмами» (все аргументы в пользу Пановой как адресата «Писем» являются косвенными).

Вопрос об адресате «Философических писем» возник в российской науке и публицистике в конце 50-х годов позапрошлого столетия. Это связано с двумя историческими событиями. В 1855 году умер император Николай I. С его смертью закончилась эпоха цензурного гнета. Уже в первые годы нового царствования замечается рост количества журналов и газет; начинают появляться публикации на темы, которые при Николае I являлись запретными. А в 1856 году умирает сам Чаадаев, и это приводит к появлению в последующие несколько лет огромного количества публикаций, посвященных его памяти. В этих публикациях впервые поднимается вопрос об адресате Чаадаева.

Бликий друг философа М. Н. Лонгинов в своей публикации 1862 года упоминает, что Чаадаев адресовал «Философические письма» Е. Д. Пановой¹⁰³. Однако не менее близкий к Чаадаеву И. С. Гагарин указывает в качестве адресата Е. Н. Орлову. А Герцен, который также был знаком с мыслителем, называет имя Е. Г. Левашовой. Таким образом, современники и близкие к Чаадаеву люди называют в качестве возможного адресата «Писем» сразу несколько имен. Если прибавить к этому, что сам Чаадаев, а также его племянник и литературный наследник М. И. Жихарев, которому автор «Писем» завещал все свои бумаги, преуменьшали роль Пановой в жизни философа, то фигура Екатерины Дмитриевны в качестве адресата знаменитого трактата представляется более чем сомнительной¹⁰⁴. Но уже к концу XIX века Панова везде называется корреспондентом Чаадаева. В

¹⁰³ Лонгинов М. Н. Рец. на: Oeuvres choisies de P. Tchaadaef / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // Русский архив, 1863. № 3. С. 270–271.

¹⁰⁴ Чаадаев П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. М. : Правда, 1989. 655 с. С. 568–569.

первой научной монографии, посвященной Петру Яковлевичу, книге знаменитого М. О. Гершензона, адресатом «Писем» также названа Панова. После этого имя Пановой упоминается уже безапелляционно практически во всех исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопрос личности адресата «Философических писем».

Какие же факты свидетельствуют о том, что именно Панова является адресатом знаменитых «Писем...»? Таких фактов не много. И в подавляющем большинстве они являются лишь «косвенными доказательствами». Эти указания собраны в статье А. А. Штейнберга «Пушкин и Е. Д. Панова»¹⁰⁵.

1. Первым из таких косвенных аргументов рго является письмо Д.В. Давыдова к Пушкину от 23.11.1836. В нем Давыдов упоминает в связи с делом Чаадаева о некоей *Католичке*. «Но полно; если б ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем; я не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Т<ургенева>, который на днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я, и успокоит на счет *Католички*»¹⁰⁶. Этот аргумент, однако, даже сам Штейнберг находит неубедительным, поскольку из контекста письма не ясно о ком идет речь. *Католичкой* Давыдов мог называть и самого Чаадаева, которого очень не любил. Известны его стихи о Басманном философе:

Старых барынь духовник,

Маленький аббатик,

Что в гостиных битъ привык

В маленький набатик.

(Д. В. Давыдов. «Современная песня»)

¹⁰⁵ Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 45—55.

¹⁰⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959, Т.16, С. 194.

Да и о философской системе Чаадаева Давыдов был не самого высокого мнения. В том же стихотворении через пару строф читаем:

Все, что есть,- все пыль и прах!

Все, что процветает,-

С корнем вон!- ареопаг

Так определяет.

И жужжит он, полн грозой,

Царства низвергая...

А России — боже мой!-

Таска... да какая!

(Д. Давыдов. «Современная песня»)

2.Еще одним аргументом в пользу Е.Д. Пановой как адресата знаменитого «Письма...» является личное знакомство и многолетняя дружба, связывающая Чаадаева и чету Пановых. Он был знаком и с Екатериной Дмитриевной, и с ее супругом, часто бывал у них в гостях и, что самое главное, состоял с Пановой в переписке. Но это тоже вряд ли может быть доказательством того, что «Философические письма» были обращены к ней. Круг знакомых дам Чаадаева был весьма велик. Неспроста Давыдов называет его «старых барынь духовником». Это живое и яркое (как и все стихи Давыдова) свидетельство того, что барыни за советом к Чаадаеву обращались не редко. Правда, Пановой на момент написания писем не было и тридцати. Но, видимо, в басманном аббатстве были и молодые барыни;

3.филокатолические пристрастия Пановой. Это, конечно, создавало атмосферу духовной близости. О латинофронстве Чаадаева знают даже школьники, но, опять-таки, Панова была не единственной любительницей западного христианства в Москве. Нужно помнить, что вплоть до запрета Александром I деятельности иезуитов в России, в Москве и Петербурге проповедники католичества вели активнейшую деятельность. И среди знакомых и друзей Чаадаева под эти два критерия (1.дама, 2.католичка) подходили очень многие;

4. Четвертый аргумент, который приводит в своей статье Штейнберг, представляется наиболее убедительным из всех. Это общая участь, постигшая Чаадаева и Панову в 1836 году. Как известно, после публикации «Философического письма» в журнале «Телескоп» Чаадаев был признан сумасшедшим. В течение долгого времени его посещали врачи для наблюдения за его психическим состоянием. В таком же положении оказалась в декабре этого года и Е.Д. Панова. «17 декабря 1836 г. Московское губернское правление освидетельствовало умственные способности Екатерины Дмитриевны Пановой по просьбе ее мужа и определило считать ее сумасшедшей и поместить в лечебное заведение»¹⁰⁷. Здесь может возникнуть представление о том, что правительство, преследующее Чаадаева за крамольную публикацию, подвергло точно таким же преследованиям и адресата известного «Письма». Однако два эти клинических случая друг с другом никак не связаны. В случае Пановой, судя по всему, приходится говорить о реальных психических отклонениях. Об этом могут свидетельствовать два факта: 1) свидетельство самого Чаадаева. Он признавал Панову психически нездоровой; 2) последнее письмо Пановой Чаадаеву. В этом письме она рассказывает о своих бедствиях, издевательствах, которым подвергал ее муж. Причем описание издевательства, которые приводит Панова, кажутся плодом больного воображения. Панова писала про своего мужа: «Он заключил меня в комнату, где наглухо забил окна и дверь, и через маленькое отверстие, проделанное в стене, мне давали еду, от которой отказались бы и собаки. Часто оставалась я сидеть на полу, без еды и питья, целыми днями погруженная в глубокую тьму, всю мебель убрали, в 10—12 градусов мороза комнату эту никогда не отапливали. Поверите ли, сударь, что он приходил смотреть на меня через это отверстие, и рассматривал меня с насмешливой улыбкой. Всякий раз он приходил, чтобы сказать мне то, что вернее всего могло разбить мое сердце.

¹⁰⁷ Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 45—55. С.49.

Он извещал меня о смерти маменьки, или об отъезде моего брата за границу; я верила всем его ужасным новостям и испускала крики тоски и отчаяния, которые он передразнивал со своею любовницей, издеваясь надо мной! Скажите, неужели Вы считаете меня способной выдумывать такие вещи! Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь — у меня не было больше сил бороться против стольких бед; моей навязчивой идеей стала мысль о смерти. Когда они приходили насладиться моим несчастьем, я на коленях умоляла о смерти, я ничего больше не хотела, я говорила только одно: *дай мне умереть*. Тогда, надеясь, что я действительно сошла с ума, он сказал своей любовнице — *Слава богу*, да, он сказал «Слава бога!, - теперь нам нечего бояться, выздоровеет она или нет, теперь она сумасшедшая, и никто не поверит ей, надо отвезти ее в Москву, поместить в сумасшедший дом, я буду управлять ее состоянием, и все будет кончено!»¹⁰⁸

Даже если представить, что все, описываемое в письме, не выдумка воспаленного воображения, то необходимо признать, что дело о сумасшествии Пановой носит не политический, а бытовой характер. Либо она сошла с ума до памятных событий 1836 года, и ее муж просто произвел медицинское освидетельствование своей несчастной супруги. Либо, если верить письму Пановой, он долгое время пытался свести ее с ума. В любом случае, никакого отношения у публикации «Письма...» дело Пановой не имеет отношения. Проблемы, с которыми столкнулась Екатерина Дмитриевна носили не политический, а семейный характер.

Как видно, все аргументы в пользу Пановой как адресата «Философических писем» могут быть приняты только со многими оговорками. И совсем странным является тот факт, что сама Панова с «Письмом...» вплоть до его публикации не была знакома. Хотя это произведение уже несколько лет ходило по рукам и обсуждалось в салонах.

¹⁰⁸ Цит. по: *Штейнберг А. А.* Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 45—55., С.54.

Если письмо действительно предназначалось Пановой, как объяснить тот факт, что его прочитало пол Москвы, а сам адресат познакомился с ним посредством журнальной публикации?

Объяснить это противоречие можно обратившись к предположению Гершензона. Знаменитый отечественный философ и историк культуры Михаил Осипович Гершензон является автором, наверное, самого известного и значимого исследования о жизни и творчестве Чаадаева. Его выпущенная еще до революции книга «Чаадаев. Жизнь и мышление» стала важнейшей вехой в исследовании творчества знаменитого философа. В этой книге Гершензон выдвигает гипотезу о том, что Чаадаев долго искал подходящую литературную форму для изложения своих идей, но не мог найти. Когда же он написал письмо Пановой (письмо личное, не предназначавшееся сначала для печати или хождения по салонам), то оказался доволен формой, написал еще несколько писем, и все это превратилось в целый философский трактат. Именно поэтому, если согласиться с гипотезой Гершензона, первое «Философическое письмо» действительно изначально было адресовано Пановой, но так и не было ей отправлено, потому что стало началом целого ряда статей, в которых Чаадаев изложил свою философско-теологическую систему. «Теперь случайно найденная форма показалась ему настолько удобной и самая работа – так увлекательной, что он не мешкая стал продолжать ее»¹⁰⁹. Так личное превратилось в публичное.

Но это опять-таки только предположение. Попытка снять явное противоречие, которое мы видим, когда речь заходит об адресате «Первого письма».

Более правдоподобной представляется версия о том, что никакого адресата не было: Чаадаев просто воспользовался популярной в XVIII-XIX вв. эпистолярной формой. Но даже когда адресат вымышленный, его личность может играть большое значение. Вопрос о том, кого представлял

¹⁰⁹ Гершензон М. П.Я. Чаадаев. Жизнь и Мышление. СПб.: 1908. – 320 с. С.69.

себе в качестве адресата Чаадаев, может помочь пониманию тех смыслов, которые он вкладывал в свой опус.

А для понимания Басманного философа, его концепции и личности, необходимо помнить, что «философское мировоззрение Чаадаева носит ярко выраженный религиозный характер»¹¹⁰. Учитывая это, возможно предположить, что за адресатом может скрываться не конкретное историческое лицо и не вымышленная безликая жительница столицы. Для Чаадаева, его мистически одаренной натуры, фигура Корреспондента может быть центральным пунктом всей философской системы.

Нам представляется, что образцом для «преамбулы» первого «Философического письма» стало Второе Соборное послание Святого Евангелиста и Апостола Иоанна Богослова. Это послание входит в Новый Завет. Нам представляется, что обращение к Даме, с которого философ начинает свой труд, было навеяно первым стихом этого апостольского послания.

Послание Апостола Иоанна начинается с обращения к адресату: «Стáрецъ избрáнный госпожѣ» (2 Ин. 1:1). Чаадаев читал Библию. И читал ее часто. Но вряд ли часто читал ее на церковнославянском языке¹¹¹. Стопроцентный западник, для которого писать на французском было проще, чем пользоваться родным наречием, и Библию читал, скорее всего, не на языке отцов. Скорее всего, Чаадаев пользовался либо французским текстом, либо латинским. Для последовательного сторонника католицизма последний вариант представляется более предпочтительным. Если мы обратимся к классическому французскому тексту, то окажется, что слово *Госпожа* (по-гречески κυρία) оставлено там без перевода. В оригинальном греческом тексте читаем ὁ πρεσβύτερος ἐκλεκτῆ κυρία. В классическом французском переводе (LSG) видим L'ancien, à **Kyria** l'élue. И в том, и в другом тексте,

¹¹⁰ Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С.52.

¹¹¹ Про чтение Библии на русском языке в то время и говорить не приходилось. Во времена Чаадаева переводы Священного Писания на русский язык были редкостью. Знаменитый Синодальный перевод был осуществлен при Александре II. До этого момента русские переводы были редкостью и чаще всего имели сектантское происхождение.

когда речь идет о *Госпоже* мы встречаемся с одним и тем же словом. Один из тех случаев, когда слово (причем то слово, аналоги которому есть в языке) остается без перевода. Можно найти много подобных явлений в отечественной традиции перевода византийских богослужебных текстов, когда слова остаются без перевода, а иногда даже почему-то переводятся наполовину. Так в Херувимской песне на Великом входе встречаемся с прилагательным *δоруφορούμενος*. На церковнославянский язык оно переведено как *дориносимый*. Т.е. в сложном слове была переведена вторая корневая основа, а первая часть (*δору* - копье) осталась без перевода. В западном христианстве такая практика перевода греческих текстов тоже существовала. Так, без перевода часто оставалась фраза *Кирие элейсон* (Господи помилуй). Здесь, во французском переводе Второго послания ап. Иоанна мы видим то же явление. И опять без перевода оставлено слово *Кириос* (в данном случае – его женская форма *Кириа*).

Больше информации для размышления мы получаем, обратившись к латинскому переводу. Естественно, это повсеместно употребительная в католических странах даже во времена Чаадаева Вульгата блаженного Иеронима. Там эта фраза выглядит так: *Presbyter electae dominae*. Здесь без перевода наоборот оставлено слово *старец*. Здесь *πρεσβύτερος* просто принял латинскую форму *Presbyter*. А вот в обращении в *Госпоже* мы видим *domina*. Т.е. если руководствоваться латинским переводом Иеронима Стридонского, то ап. Иоанн обращает свое послание к *domina*. На русский язык это слово можно перевести как *госпожа, сударыня*. А во французском от *domina* произошло всем нам известное слово *Дама (dame)*. Соответственно, *domina=dame*. Именно к *некоей Даме* и адресованы письма Чаадаева. Еще одним косвенным аргументом в пользу влияния 2Ин. на Чаадаева является форма слова *dame*, которую использует философ. Он начинает свое письмо обращением *Madame*. Это *Madame*, как всем известно, обозначает даму, которая находится замужем. Из текста послания св. Иоанна видно, что и *domina*, к которой обращается Апостол Любви, также является особой

замужней. Таким образом, можно предположить, что Чаадаев решил вместо своей современницы обратиться к адресату св. Иоанна Богослова.

К кому же обращено это послание любимого ученика Христа? Ни у средневековых экзегетов, ни у современных исследований однозначного ответа на этот вопрос нет. Здесь ситуация с адресатом еще более сложная, чем с «Письмами...» Чаадаева. По этому поводу в разное время высказывались разные предположения¹¹². Кто-то думает, что это письма адресованные реально существовавшей женщине. Некоторые, как, например, Климент Александрийский, считают, что определение *избранной* (ἐκλεκτῆς) является на самом деле именем собственным. Тот же автор указывает даже на национальность Еклектῆς, называя ее вавилонянкой. Видимо, здесь он опирается на какие-то недошедшие до нас раннехристианские предания. Другие считают именем собственным Κυρία. Но нам представляется верной версия блж. Иеронима Стридонского. Он считает, что это послание обращено к Церкви. То есть к собранию верующих. Авторитет блаженного Иеронима кажется нам наиболее значимым. Во-первых, он представляется нам самым эрудированным из раннехристианских толкователей. Блж. Иероним всегда очень глубоко понимал библейский текст и извлекал из него те смыслы, которые другие толкователи, именно из-за отсутствия таких глубоких, как у Иеронима, филологических способностей, не замечали. Во-вторых, когда речь идет о библейской экзегезе и истории Древней Церкви, свидетельства Иеронима бесценны, поскольку он работал с огромным количеством источников, которые нам сегодня недоступны. Но самое главное – это значение Иеронима для Чаадаева. Русский философ, будучи религиозным западником, обращался к католической традиции, для которой авторитет Иеронима был важнейшим. Более того, эта традиция развивалась в духе и направлении, заложенных блж. Иеронимом, – одним из авторитетнейших богословов католической церкви. Восточные отцы, иначе трактовавшие

¹¹² Об этом: Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета под ред. А.П. Лопухина. Т.10. Петербург, 1910. С.341-343.

Второе Послание ап. Иоанна, были Чаадаеву не интересны и, скорее всего, неизвестны. Таким образом, согласно трактовке, которую Чаадаев только и мог воспринять, ап. Иоанн в своем послании обращается к Церкви. Об этом же свидетельствует и само словоупотребление, которое мы встречаем во Втором Послании. Возможно, речь идет о Церкви какого-то города. Скорее всего, малоазийского, учитывая, что жизнь и проповедническая деятельность ап. Иоанна проходила именно там. Такое словоупотребление встречается у того же ап. Иоанна в Апокалипсисе, где он именует Церкви по городам, в которых они расположены. «Ангелу Эфесской церкви напиши» (Ап. 2:1); «И Ангелу Смирнской церкви напиши» (Ап. 2:8); «И ангелу Пергамской церкви напиши» (Ап. 2:12). Таким образом, за безымянным адресатом скрывается Церковь какого-то малоазийского города, а ап. Иоанн пишет от лица своей, Эфесской (скорее всего) Церкви. На такое толкование наталкивает последний стих послания: «Приветствуют тебя дети сестры твоей избранной» (2Ин. 1:13). Дети сестры избранной – это христиане Церкви (возможно - Эфесской), от лица которых обращается с посланием ап. Иоанн. Дети избранной Госпожи, которой адресовано послание, - это христиане какого-то другого малоазийского города. Такое именование (Церковь – мать, чада – христиане) понятно всем, погруженным в христианскую традицию. Особенно, в традицию древнехристианской письменности. Даже Феофилакт Болгарский – один из авторитетнейших (если не авторитетнейший) византийских экзегетов, комментируя последний стих послания, пишет: «Некоторые на основании этих слов думают утверждать, что послание сие писано не к женщине, а к Церкви. С тем, кто так думает, я нисколько не спорю»¹¹³. Такое же словоупотребление мы можем найти у других новозаветных авторов, что показывает, что оно было распространено повсеместно. Например, в Первом послании ап. Петра (церковнославянский текст) мы читаем: «Целуют вы яже в Вавилоне соизбранная» (1Пет. 5:15).

¹¹³ *Феофилакт Болгарский*. Толкования на Деяния святых апостолов и на Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. М.: Сибирская благовонница, 2009, С.199.

По-гречески: ἀσπάζεται ὑμᾶς ἡ ἐν Βαβυλῶνι συνεκλεκτή. Ни греческом тексте, ни в церковнославянском переводе, который практически всегда буквально следует за первоисточником, слова *Церковь* нет. Однако из контекста и практики словоупотребления раннехристианской эпохи безусловно следовало, что этот обращается апостол именно к Церкви, находящейся в Вавилоне (а на самом деле в Риме. Вавилон, как известно, к тому моменту был давно разрушен, а в раннехристианской письменности название этой древней мировой столицы обозначало Рим). Это нашло свое отражение в переводах Библии на современный русский язык. В синодальном тексте этот стих переводят: «Приветствует вас избранная, подобно вам, *церковь* в Вавилоне». Курсивом выделены те слова, которых нет в оригинальном греческом тексте. Почти также и у еп. Кассиана (Безобразова): «Приветствует вас церковь, которая в Вавилоне».

Таким образом, если допустить, что текстуальное совпадение между началом письма Чаадаева и первым стихом апостольского послания не случайны, то окажется, что адресатом Чаадаева была не какая-то женщина (реально существовавшая или вымышленная), а Церковь. Церковь как собрание верующих. Только между понятием Церкви для Иоанна Богослова и Чаадаева нельзя ставить знак равенства. Апостол Иоанн, как уже говорилось выше, обращаясь к Церкви, имел ввиду христианскую общину какого либо малоазийского города. Для Чаадаева Церковь – это, судя по всему, томящаяся в ужасной русской действительности масса верующих.

Это вполне согласуется с внутренними посылами произведений Чаадаева. Анализируя текст «Апологии сумасшедшего» С.А. Нижников отмечает, что Чаадаев в своем творчестве «претендует не только на то, что он познал истину, но и на то, что он является благодетелем, ну если не человечества, то, по крайней мере, России»¹¹⁴.

¹¹⁴ Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу//Вестник Российского РУДН. Серия: Философия, 2017. №4, С.488-494. С.490.

Чаадаев писал свое произведение для просвещения Церкви русской, плененной – не только по его мнению, но и по мнению славянофилов – властью и мрачной действительностью. Автор «Писем...» ставит перед собой цель пробудить, вразумить, показать путь, по которому нужно идти, чтобы выбраться из того бедственного положения, в котором оказалась его *Дама*. Чаадаев видел свое предназначение в том, чтобы осветить путь к небу, для томящейся в египетском плену Церкви. Церкви не православной, не католической, а христианской, понимаемой Чаадаевым экуменистически.

Именно в этом, по нашему мнению, видел философ цель своего литературного и просветительского труда. Соответственно, «Философические письма» поэтому нужно понимать как трактат в первую очередь религиозный, произведение, в котором вопросы государственные и культурологические стоят на втором плане. Хорошо написал об этом М.О. Гершензон: «Для всякого ясно, что философия истории, изложенная в этих письмах, представляет собою чистейший мистицизм... А за мистической философией истории мы должны предполагать столь же мистическую метафизику»¹¹⁵.

Если действительно адресатом Чаадаева была Церковь, то это могло объяснить направление полемики между славянофилами и религиозными западниками. К сожалению, этот аспект «Великого спора» сороковых годов позапрошлого века находится на периферии интересов исследователей. Внимание историков и философов привлекают салонные споры Хомяковым и Герцена, публикации на страницах «Современника» и «Москвитянина», но в противостоянии славянофилов и западников была еще одна важная часть – религиозные споры между филокатоликами и сторонниками Православия. И эти споры начались с самого момента появления конфликта между московской и петербургской партиями.

Богословские сочинения А. С. Хомяков, которые еще до революции были изданы его учеником и другом Ю. Ф. Самариным, составляют в первую

¹¹⁵ Гершензон М. П.Я. Чаадаев. Жизнь и Мышление. СПб.:1908. С.89.

очередь полемические статьи отца славянофильства. Это еще одна часть публицистической и издательской деятельности славянофилов. Во второй половине пятидесятых годов Хомяков на страницах французских журналов вел полемику с последователем и учеником Чаадаева кн. И. М. Гагариным, который под влиянием своего наставника перешел в католичество. Одним из главных вопросов этой полемики была экклесиология. Вполне возможно, что это могло стать отражением посыла и обращения, которым дышало чаадаевское «Письмо...». Исследование полемики Хомякова и Гагарина выходит за пределы данного исследования, поскольку оно имело место уже в годы правления Александра II, и, кроме того, никак не связано с вопросами цензуры. Однако мы надеемся обратиться к этому вопросу в дальнейшем.

2.5. Влияние публикации «Философических писем» на издательскую деятельность славянофилов

Изучение «Философических писем», их содержания, значения, личности их автора, является обязательным условием не только при изучении западничества в различных его проявлениях, но и славянофильства. Знаменитый польский исследователь славянофильства Анджей Валицкий в своем фундаментальном труде «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства» отмечает важную роль Чаадаева в становлении и развитии этого философского течения. В первой части своего исследования он выделяет целую главу для описания системы Чаадаева. Валицкий пишет о важности взглядов Чаадаева для генезиса славянофильства. «Мыслитель... был скорее антагонистом, чем предшественником славянофильства, но, в отличие от либерально-демократических западников сороковых годов, антагонистом в рамках во многом общей, консервативной системы ценностей. Идеи Чаадаева, особенно его философия истории России, сыграли в формировании славянофильской идеологии роль катализатора; их анализ позволяет понять, почему

дворянский консервативный романтизм николаевской эпохи не мог в длительной перспективе ужиться с западничеством... Славянофильство – особенно историософия Ивана Киреевского – было, согласно предлагаемой мною интерпретации, своего рода «ответом Чаадаеву»¹¹⁶.

Фигура Чаадаева важна не только для истории философии, но и для истории печати и цензуры. И в отношении влияния на славянофилов мы можем констатировать, что Чаадаев стал катализатором не только для их интеллектуальной, философской деятельности, но и для их издательских начинаний. После того, как «Письмо» Чаадаева увидело свет, славянофилы (в частности, А. С. Хомяков) стали искать возможность ответить автору на шумевшей статьи в «Телескопе» не только лично, но и публично. Собственно, и А. С. Хомяков, и И. В. Киреевский, и другие идеологи славянофилов лично обсуждали с Чаадаевым его концепцию, критиковали ее, не соглашались с нею. Произведения Чаадаева еще за несколько лет до скандальной публикации передавались из рук в руки, переписывались, обсуждались. Интересно, что одним из тех людей, которые переписывали и распространяли рукописи Чаадаева, была сестра одного из известнейших славянофилов И. В. Киреевского. Мария Васильевна Киреевская была страстной почитательницей личности и таланта П. Я. Чаадаева. Здесь стоит отметить удивительное значение роли личности Чаадаева не только в истории России, но и в жизни семьи Киреевских. Иван Васильевич Киреевский, как уже было отмечено выше, создал свою систему как ответ на философию истории Чаадаева. Его родной брат Петр Васильевич яростно ненавидел Чаадаева и часто говорил о «Чаадаевщине» как негативном явлении. А их сестра Мария Васильевна была его большой поклонницей.

Старшие славянофилы были хорошо знакомы с Чаадаевым. Они составляли один дворянско-аристократический круг. Они встречались в салонах, на приемах, на балах, где философские взгляды «Басманного

¹¹⁶ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С. 42.

философа» давно дискутировались. Но после публикации «Философического письма» и вызванного этой публикацией скандала, славянофилы начинают искать возможность высказывать свои взгляды и идеи не только в устной форме, как это было ранее во время салонных дискуссий, но и при помощи печати. С этого момента, можно сказать, начинается, или, правильнее, впервые замечается печатная активность славянофилов. По началу, во второй половине тридцатых, это стремление не находит себе выражения из-за жестких цензурных ограничений. И без того строгая цензура и тайная полиция после «дела Чаадаева» стала еще пристальнее следить за деятельностью различных кружков, философских собраний и других проявлений общественной активности со стороны нарождающейся интеллигенции. Однако первую попытку публикации славянофильской статьи мы видим в 1836 году вскоре после выхода в свет нашумевшего «Философического письма».

Успех и скандальная известность статьи Чаадаева объясняется не столько новизной и неожиданным содержанием, сколько историческими условиями, в которые «Философические письма» увидели свет. Преклонение перед Западом и «национальное самоотрицание» появляются на русской почве уже в семнадцатом веке – в эпоху обмирщения культуры. Ярчайшим примером такого этнического и культурного самоуничтожения является Петр I и его ближайшие сподвижники. Замечательным представляется в этом отношении пассаж из «Очерков по истории Русской церкви» Антона Павловича Карташева, знаменитого историка, ставшего в начале XX века значимой для истории личностью. Рассказывая о приключившемся в конце XVII столетия деле латинствующего дьякона Артемьева, Карташев пишет: «Как ни странна эта истерика латинизма у природного русского поповича, но она является предшественницей будущих политических крайностей русской пол-интеллигенции XIX века. Это церковная «нечаевщина». В красивом, более интеллигентном виде, это — пафос национального самоотрицания неистового Виссариона Белинского. Углубленный татарщиной и чрезмерно

затянувшийся отрыв наш от остальной христианской Европы породил эту духовную болезнь национального самоотрицания, которая и после устаревших Чаадаевских парадоксов, продолжает еще давить на русское культурное и даже церковно-историческое сознание. Словом, Артемьев — это наша карикатура, но не лишенная для нас некоторой поучительности»¹¹⁷.

То есть идеи Чаадаева были не новостью в российском обществе. Эти идеи витали, высказывались, печатались на протяжении полутора столетий до появления в «Телескопе» Чаадаевской статьи. Более того, даже для тридцатых годов XIX века статья Чаадаева не выглядела революционно. Справедливо утверждение, согласно которому появление в печати первого «Философического письма» стимулировало кристаллизацию течений западничества и славянофильства, однако этот аргумент свидетельствует скорее о резонансе чаадаевского дела, нежели о новизне (но не радикальности!) его утверждений как таковых. Западничество и славянофильство начали формироваться в начале 1830-х годов через поляризацию воззрений на судьбы Европы и России после подавления польского мятежа, а в 1836 году публикация чаадаевского сочинения заставила оппонентов положить на бумагу содержание их салонных бесед»¹¹⁸.

Таким образом, мы видим, что значение Чаадаева для истории русской общественной мысли состоит не в содержании его произведения, а в том, какие процессы оно запустило. Публикация «Философических писем» стало точкой бифуркации в процессе генезиса консервативного и либерального направлений русской интеллигенции. Собственно, оба эти направления существовали уже давно. Но «кристаллизация» их, выяснение идеологических позиций, а самое главное — начало публичной деятельности

¹¹⁷ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Том II. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004; Библиополис, 2004. — 590 с. С. 271.

¹¹⁸ Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28315-yazyk-i-kontekst-v-russkoy-intellektualnoy-istorii-pervoe-filosoficheskoe-pismo-chaadaeva.html> (дата обращения 09.07.2019).

и использование в этой деятельности СМИ (на тот момент, представленных газетами и журналами) началось с «Письма» Чаадаева.

Именно поэтому П. Я. Чаадаев, человек, написавший несколько сравнительно небольших по объему философских произведений, сумевший опубликовать при жизни только одно из них, является важнейшей фигурой для истории общественной мысли России.

ГЛАВА 3. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ

3.1. Развитие консервативных взглядов в печати в кон. XVIII – нач. XIX вв.

3.1.1. «Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель»

Журнальная полемика между славянофилами и западниками начинается в середине XIX столетия. Но как у славянофилов, так и у западников были свои предтечи, мыслители, публицисты и даже целые периодические издания, развивавшие соответствующие идеи. Иногда на страницах зарождающейся российской печати можно было встретиться с полемикой между представителями этих противоборствующих мировоззрений. Первым в истории отечественной журналистики эпизод публицистической полемики между западниками и ревнителями отечественной старины встречается в конце XVIII века. Он разыгрался на страницах петербургского журнала «Зритель», выпускавшегося И. А. Крыловым.

В отечественной историографии этому эпизоду из истории российской печати внимания уделяется немного. У В. О. Ключевского, например, мы встречаем упоминание о люборуссах (так он называет Крылова и близких к нему авторов), но занимает оно менее страницы¹¹⁹.

Журнал «Зритель» выходил в Санкт-Петербурге с февраля по декабрь 1792 года. Создателем и идейным вдохновителем издания был молодой Иван Андреевич Крылов, тогда еще начинающий литератор и издатель. Кроме Крылова в издании журнала принимали участие А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков, И. А. Дмитриевский и другие авторы. В журнале

¹¹⁹ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения в 8 тт. Т.8, с.396-453. М.: 1959. С.413.

публиковались оригинальные и переводные произведения, проза и поэтические тексты, размышления и полемические статьи. Одной из отличительных черт журнала был сатирический настрой. Авторы высмеивали нравы современного им общества, следование западной моде, расточительность и прочие пороки высшего света.

Одним из самых активных авторов «Зрителя» был П. А. Плавильщиков – известный театральный деятель конца XVIII столетия. Плавильщиков являлся одной из наиболее ярких фигур театральной и литературной жизни петербургского общества. Актер, режиссер и знаменитый драматург, который «своим творчеством предвосхитил А. Островского»¹²⁰. Его можно назвать одним из предтеч славянофильства. В своих статьях, появлявшихся на страницах журнала «Зритель», он защищал национальную самобытность русского народа, рассуждал о характере великороссов и утверждал необходимость национального искусства. В частности, национального театра, теоретиком которого он являлся. Плавильщиков «ратует за русскую народность» и, не отрицая значения западной культуры, «убеждает... не класть в основу русской образованности чужие начала»¹²¹.

Плавильщиков, Крылов и их соратники не были первыми идеологами анти-западнического направления. В своих рассуждениях о России и Европе они, наоборот, шли в ногу со временем. Уже в годы правления Елизаветы Петровны (1741-1761) наблюдается рост национального самосознания, выразившийся в интересе к истории России и спорах по поводу некоторых ее аспектов. Самым известным из них был спор Ломоносова и Миллера¹²². В екатерининскую эпоху эта тенденция нашла свое развитие в многочисленных политических и идеологических концептах императрицы.¹²³

¹²⁰ Случкая Е. А., Махрова Э. В. «Купеческий театр» в русской культуре XVIII - начала XX веков // «Общество. Среда. Развитие» («TERRA HUMANA»), 2013 - №3(28), с.188-192. С.189.

¹²¹ Уманский А.М. Плавильщиков, Петр Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 46 СПб: 1898 – 513 с. С.789.

¹²² Соколов С. С. Первая дискуссия по варяжскому вопросу в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Лит.Исторический альманах. 2014. №5. С.252-271.

¹²³ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... : лит. и гос. идеология в России в послед. трети XVIII - первой трети XIX в. / Андрей Зорин. - М. : Новое лит. обозрение, 2004. - 414, [1] с. : ил.; 22 см. - (Historia Rossica).

Уже в дебютном номере журнала «Зритель» появляется первая «славянофильская» статья Плавильщикова «Нечто о врожденном характере душ российских»¹²⁴. В этой статье знаменитый актер и драматург выступил со своей концепцией русской народности и ее особых, отличительных черт. Статью Плавильщикова можно разделить на три части:

- первая часть – доказательство самобытности русского характера, опровержение мнений об исключительной подражательности русского человека;
- вторая часть – мысли о вреде европейского просвещения для российского общества. В частности, о вреде иностранных воспитателей;
- третья часть – выделение специфических свойств русской характера.

Как отмечает В. О. Ключевский¹²⁵, эта статья явилась ответом на разговоры в обществе о национальном характере и о характере великороссов в частности. Поэтому свою статью Плавильщиков начинает без предисловий, как будто продолжая когда-то уже начатый спор. «Если бы российский народ отличался от всех племен земнородных единым только подражанием, и никакой другой способности не имел, то чем бы он мог удивить вселенную, которая смотрит на него завистными глазами?»¹²⁶ В доказательство тезиса о самобытности русского народа автор многократно апеллирует к факту внешнеполитического могущества России. «Пусть докажут мне, кому подражают россияне, когда ополчаются на врагов Государя и следовательно Отечества? Кто устоял перед мужеством россиян? Перед ними все бежало; едина слава на следах у них»¹²⁷.

В коротком и импульсивном начале статьи автор отмечает такие качества россиян как мужество, милосердие, прощение и способность к грандиозным преобразованиям. Это качество проявляется на примере деятельности Петра Великого¹²⁸.

¹²⁴ Зритель, 1792. Ч. I. Февраль. С.9-26.

¹²⁵ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения в 8 тт. Т.8, с.396-453. М.: 1959. С.413.

¹²⁶ Зритель, 1792. Ч. I. Февраль. С.9-10.

¹²⁷ Там же. С.11.

¹²⁸ Там же. С.11.

После короткого вступления Плавильщиков переходит к критике современного ему западничества. В первую очередь автор обрушивается с критикой на воспитание в европейском духе. В частности, на распространенную практику приглашения воспитателей из-за рубежа¹²⁹. Плавильщиков утверждает, что иностранный воспитатель либо человек недостойной жизни, вынужденный покинуть родину, либо стяжатель, оставивший отечество ради наживы. И тот и другой случай неприемлемы, когда речь идет о воспитании будущих граждан. Кроме того, иностранный воспитатель возрастит в своих подопечных скорее любовь к Западу, чем к России¹³⁰. Повсеместно распространившаяся практика приглашения иностранных учителей привела, согласно Плавильщикову, к пренебрежению всем российским, родным, отечественным. Это касается и законов, и обычаев, и самого национального языка.

В третьей части автор переходит к выделению специфических для русского характера свойств. Это делается бездоказательно, эмоционально и субъективно. Плавильщиков находит, что русским людям свойственна скромность. Доказывается это следующим образом. Россияне совершали великие дела, но о многих из этих дел вселенского масштаба неизвестно или плохо известно. А это оттого, что «россияне скромничают от того, что превозноситься собою не любят»¹³¹. Другими добродетелями россиян являются гостеприимство и радушие¹³². В конце статьи Плавильщиков возвращается к вопросу просвещения, утверждая, что такие замечательные свойства души не могли без него появиться. А, значит, просвещение в Древней России было, в доказательство чего приводятся в пример различные литературные памятники русского Средневековья¹³³.

Статья Плавильщикова похожа на восторженную речь, посвященную победам русского оружия. Она пламенна, красноречива, патриотична, но

¹²⁹ Там же. С.13.

¹³⁰ Там же, с.16.

¹³¹ Там же. С.22.

¹³² Там же. С.23.

¹³³ Там же. С.24-25.

сбивчива и ненаучна. Наличие у великороссов храбрости, скромности, гостеприимства и прочих добродетелей утверждается голословно, без опоры на исторические факты. Хотя Плавильщиков предвосхитил некоторые взгляды славянофилов, уровень критичности, глубины суждений в его статьях намного ниже, чем у авторов XIX в. Однако нельзя не отметить некоторые важные вопросы, которые поднимал Плавильщиков и в которых он стал предтечей славянофилов. В частности, это вопрос о связи народного характера и особенностей национального просвещения. Эта тема станет в XIX веке одним из основных мотивов в философии И. В. Киреевского – основателя и крупнейшего (наряду с Хомяковым) представителя славянофильства. А позднее приведет даже к полемике между Киреевским и Хомяковым. Хотя, правильнее, наверное, называть это не полемикой, а обменом мнений. В ответ на публикацию Киреевского 1852 года¹³⁴, помещенную в «Московском сборнике», Хомяков пишет статью¹³⁵, в который соглашается с основными выводами своего друга и единомышленника, но в некоторых пунктах критикует его¹³⁶.

В апрельском номере «Зрителя» появилось продолжение февральской статьи Плавильщикова¹³⁷. Если в первой публикации автор посвятил значительную часть своего труда критике европейского просвещения, то продолжение статьи почти полностью посвящено исследованию «природных свойств россиян». Плавильщиков находит, что россиянам свойственна стыдливость¹³⁸, мягкосердие и праводушие (т.е. умение держать слово и быть честным)¹³⁹, неустрашимость¹⁴⁰, бодрость и веселость¹⁴¹, благочестие и

¹³⁴ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

¹³⁵ Хомяков А. С. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

¹³⁶ Об этом: Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // Quaestio Rossica, 2019 - №1. С.243-254.

¹³⁷ Зритель. 1792. Часть I. Апрель. С.163-181.

¹³⁸ Там же. С. 164-164.

¹³⁹ Там же. С. 164-166.

¹⁴⁰ Там же. С. 177-178.

¹⁴¹ Там же. С.178-179.

веротерпимость¹⁴². Последнее качество объясняется тем, что Россия никогда не знала такого явления как инквизиция. Русский человек тверд в вере, но снисходительно относится к ошибкам других людей и никому не пытается насильственно навязать веру. Отсылка к феномену инквизиции – единственный случай, когда Плавильщиков пытается подтвердить свою мысль фактами и привести веские исторические аргументы. В остальных случаях он обходится голословными утверждениями и риторикой.

Среди позитивных качеств русского человека, которые, однако, зачастую приводят к негативным последствиям, Плавильщиков называет доверчивость. Русский человек не подозрителен. «Вот главная слабость россиянина!»¹⁴³ Именно этим качеством пользуются иностранцы. Доверчивые россияне верят западной рекламе и считают французов и итальянцев сведущими во всем лучше их. Из-за этого и наводнили Россию иностранные учителя, развращающие нравы воспитанников. Здесь Плавильщиков возвращается к одной из главных тем своих статей – к критике «модного воспитания». Но если в февральском номере «Зрителя» этому вопросу Плавильщиков отводит значительную часть своей публикации, то в апрельском продолжении статьи он только несколько раз мимоходом касается этой проблемы¹⁴⁴.

Главным выводом статьи «О врожденном свойстве россиян» является мысль о том, что русские, в отличие от представителей других наций, способны ко всем наукам и искусствам. «Русский все удобен понимать»¹⁴⁵, тогда как представители других европейских наций сильны в чем-то одном. Хотя Плавильщиков и не отрицает слабостей и пороков у представителей русского общества, но они, во-первых, являются случаями редкими и единичными, а во-вторых, «они при блистании сих великих добродетелей не весьма приметны»¹⁴⁶.

¹⁴² Там же. С.179-180.

¹⁴³ Там же. С.166.

¹⁴⁴ Там же. С.177, 181.

¹⁴⁵ Там же. С.175.

¹⁴⁶ Там же. С.181.

Важной чертой апрельского продолжения статьи является поднимаемый в ней (правда, лишь мимоходом) вопрос о заимствовании европейских наук и искусств. «Я не отрицаю, чтоб не нужно было занять чего у иностранцев, - пишет автор «Зрителя», - но как и что занимать? В том вся важность»¹⁴⁷. Внимание к этому вопросу сближает Плавильщикова со славянофилами.

Кроме двух статей, посвященных нравам россиян, на страницах «Зрителя» в 1792 году появлялись статьи Плавильщикова о театре. Всего их было опубликовано пять, по одной в июньском, августовском, сентябрьском, октябрьском и декабрьском номерах¹⁴⁸. Предметом для размышления стал в этих работах зарождающийся национальный театр. И хотя эти публикации были посвящены вопросам искусства, а не национальности, «прото-славянофильских» идей в этих заметках Плавильщикова тоже было много. В частности, в них поднимаются излюбленные для Плавильщикова темы превосходства всего русского над всем европейским и вреде западного просвещения. Показательным является начало второй статьи, опубликованной в августовском номере «Зрителя». «Нельзя не чувствовать нам, россиянам, превосходства своего языка, когда все то, что человеческое сознание представить себе может, мы ясно воображаем; самотончайшие тени мысли имеют у нас особливые и свойственные названия... И так еще повторяю мое недоумение, от чего преимуществует в модном кругу французский язык перед своим? Неужели постыдное незнание своего языка, внедренное модным воспитанием, есть истинная причина отвращению даже и от свойств природных?»¹⁴⁹

В ответ на публикации Плавильщикова в сентябрьском номере «Зрителя» появилось письмо неизвестного из Орла¹⁵⁰. Житель Орла, подписавший свое письмо N. N., критикует Плавильщикова по нескольким

¹⁴⁷ Там же. С.168.

¹⁴⁸ Зритель. 1792. Часть II. Июнь. С.121-145, Зритель. 1792. Часть II. Август. С.251-269, Зритель. Часть III. Сентябрь. С.25-40, Зритель. Часть III. Октябрь. С. 113-137, Зритель. Часть III. Декабрь. С.249-257.

¹⁴⁹ Зритель. 1792. Часть II. Август. С.251-252.

¹⁵⁰ Зритель. 1792. Часть III. Сентябрь. С.4-23.

направлениям. Во-первых, в вопросе национального театра. Оппонент Плавильщикова в пику заявлениям о необходимости национального театра говорит, что «мы не имеем ни сочинителей трагических, ни актеров»¹⁵¹. То есть Н. Н. не против русской драматургии, отечественных спектаклей на отечественные сюжеты, но коль скоро не находит их на современной ему российской сцене, оставляет за собой право восхищаться Расином и другими французскими авторами.

Неизвестный из Орла спорит с Плавильщиковым об исключительности эстетических и языковых способностей россиян. «Все народы, все языки имеют собственный вкус в красноречии»¹⁵², – пишет орловский критик. И если русский язык и богат от природы содержанием, то «беден в отделке»¹⁵³.

Н. Н. не отрицает красоты русского слова, русской музыки и других искусств, но указывает на то, что все величие русского языка и литературы началось только с Ломоносова. Т.е., к моменту написания статьи, всего несколько десятилетий назад. И пока кроме Ломоносова ничего великого не дала. Поэтому называть великою словесность, которая родила пока что только одного большого автора, рано. Русская культура и искусство находятся на стадии зарождения, «все это похоже на неоконченное изваяние, которого нельзя сравнить с *Венерою Медицис*»¹⁵⁴.

В этом же сентябрьском номере «Зрителя» появляется «Ответ на критику», которой подвергал Плавильщикова Н. Н. из Орла¹⁵⁵. В ней Плавильщиков не приводит, по сути, контраргументов против Н. Н. (как и последний против Плавильщикова), а весь ответ сводит к риторике и повторению собственных мыслей. Он соглашается с Н. Н., что французские пьесы лучше отечественных¹⁵⁶, однако это не должно быть причиной того, чтобы не использовать в театре сюжеты из российской истории. Главная

¹⁵¹ Там же. С.8

¹⁵² Там же. С.10.

¹⁵³ Там же. С.16.

¹⁵⁴ Там же. С.21.

¹⁵⁵ Там же. С.40-65.

¹⁵⁶ Там же. С.44.

функция театра воспитательная, но ребенка лучше воспитывать примером собственного отца, а не чужого. Также и зритель будет лучше воспринимать нравственные примеры из прошлого своей родины, а не из поэм Гомера и Вергилия¹⁵⁷. Да и достойные сочинители, по мнению Плавильщикова, в России уже появились. «Сумароков, Княжнин, Херасков, Николаев, Майков суть доказательством, что они у нас есть»¹⁵⁸. Далее Плавильщиков также субъективно, не опираясь ни на какие факты или основания, кроме собственного красноречия, опровергает основные положения Неизвестного из Орла. Плавильщиков указывает, что русская музыка лучше итальянской (по меньшей мере - не хуже), кроме Ломоносова в XVIII в. в России были достойные сочинители, творчество которых может стать основой для национального театра (здесь он повторяет ранее уже высказанную мысль), а русский язык превосходит французский. В последнем случае Плавильщиков даже проводит что-то наподобие лингвистического анализа. По крайней мере, в доказательство того, что русский язык мягче французского, он приводит две строки французского текста, а в дальнейшем рассуждении ссылается на французского автора¹⁵⁹.

Нам, как и В. О. Ключевскому¹⁶⁰, представляется, что данная журнальная полемика является первым в истории отечественной публицистики противостоянием славянофилов (точнее, их предшественников) и западников. Для этого есть много оснований.

Во-первых, в статьях Плавильщикова мы видим пробуждение национального самосознания. Причем именно в той специфической форме, которая характерна для позднейшего движения славянофилов. Это не просто осознание себя нацией со своими особенностями, достоинствами и недостатками. Это осознание себя в противопоставлении Европе.

¹⁵⁷ Там же. С.45.

¹⁵⁸ Там же. С.47.

¹⁵⁹ Там же. С.58.

¹⁶⁰ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения в 8 тт. Т.8, с.396-453. М.: 1959. С.413.

Плавильщиков говорит не только о русском, но (и это главное), о том, чем это русское отличается от западноевропейского и в чем оно его превосходит.

Во-вторых, это критика Запада. Все статьи Плавильщикова, посвященные даже чисто эстетическим вопросам, полны критики западной культуры. Везде Плавильщиков указывает на превосходство России над Западом. Этот вопрос, естественно, будет впоследствии подниматься всеми консервативными мыслителями XIX века, в том числе и славянофилами. Некоторые из них будут занимать позицию по своей непримиримости к европейской культуре близкую к Плавильщикову (например, К. Аксаков).

В-третьих, у Плавильщикова мы находим много идей, которые предвосхитили мысли славянофилов. Самая главная из них – это вопрос просвещения. Как уже отмечалось, вопрос о характере просвещения русского и европейского был одной из основных тем старших славянофилов. Особенно он был важен для И. В. Киреевского. Правда, нужно отметить, что Плавильщиков и Киреевский используют термин «просвещение» по-разному. Для Плавильщикова европейское просвещение – это просто воспитание русских юношей европейскими гувернерами, обучение их, в первую очередь, не национальному языку, а французскому, и т.д. Такое просвещение приводит к забвению национального, родного, российского. В этом Плавильщиков видит один из главных пороков его времени. Киреевский вкладывает в вопрос о «просвещении» более глубокие смыслы. Для него «просвещение» – это характер образования, воспитания и даже мировосприятия, свойственный культуре и определяющий ее основные ценности и установки. Но, несмотря на то, что Киреевский глубже изучает этот вопрос и наделяет его новыми смыслами, само внимание Плавильщикова к проблеме просвещения сближает живших в разные эпохи мыслителей.

В-четвертых, это мимоходом поднимаемая Плавильщиковым тема заимствований из европейской культуры. Не отрицая самой возможности заимствований, Плавильщиков призывает делать это осторожно и

осмысленно, чтобы не уничтожить национальную идентичность. Как известно, вопрос заимствований стал для славянофилов и западников одним из основных.

Однако эти черты сходства, которые сближают славянофилов и творческий коллектив «Зрителя» во главе с Плавильщиковым, ни в коем случае нельзя преувеличивать. Несмотря на некоторую близость позиций, разделяет их тоже не мало.

Первое, что бросается в глаза при чтении статей «Зрителя» и сравнении их со славянофильством – это уровень образования и аргументации. Противостояние западников и славянофилов – это спор просвещеннейших людей своего времени: профессоров, ученых, писателей, ведущих литературных критиков. В этом споре они апеллируют к фактам, демонстрируя глубокое знание и понимание исторической и социальной действительности. Полемика на страницах «Зрителя» – чистой воды риторика, в которой к истории, социологии или лингвистике никто практически не обращается. Это спор не ученых, а ораторов. Причем, речи этих ораторов изобилуют не только риторическими фигурами, но и фактическими ошибками. Чего стоит хотя бы утверждение Н. Н. о том, что слово *талант* французского происхождения¹⁶¹. Сам Плавильщиков никак не прокомментировал эту ошибку своего оппонента. Видимо, не заметил.

Другим важным моментом, уже смысловым, а не качественным, является отношение к фигуре Петра I. Спор о роли Петра I в русской истории – один из ключевых моментов, разделяющих славянофилов и западников. Для славянофилов Петр – фигура по большей степени отрицательная. Собственно говоря, фигура Петра I является ключевой в историософских построениях славянофилов. И критика его реформ и начинаний является органичной частью классического славянофильства. Плавильщиковым и его соратниками (как и противниками) историческое значение Петра для судеб русской культуры было еще не осмыслено. Плавильщиков восхищается

¹⁶¹ Зритель. 1792. Часть III. Сентябрь. С.17.

деяниями великого реформатора. Он еще не видит связи между петровскими реформами и засильем западного просвещения. Плавильщиков находится еще под обаянием образа великого монарха, созданного в эпоху, когда Россией правили «птенцы гнезда петрова». В конце XVIII столетия в обществе уже возникает понимание негативных для народной культуры последствий петровских реформ¹⁶². Но это понимание встречается пока только у единиц (Фонвизин, Дашкова), и, конечно, в прессе того времени освещения и развития эти мысли получить не могли. Петр I был исторической фигурой в тот момент слишком важной для идеологической политики Екатерины II.

Но, несмотря на указанные различия, можно утверждать, что в 1792 году мы впервые сталкиваемся с полемикой «уже тогда зарождавшихся противных партий славянофилов и западников»¹⁶³. Эта полемика не могла быть долгой и разрастись в настоящий идеологический спор, как это случилось полвека спустя с противостоянием западников и славянофилов. Для этого еще не появилось важных общественных условий. И в первую очередь, этому мешал уровень развития печати. Газеты, журналы, альманахи, существовавшие в тот период, имели, как правило, недолгую жизнь. Занятие журналистикой было делом не доходным, а чаще всего просто убыточным. Кроме того, отсутствие цензурного законодательства и каких-либо четких норм функционирования печати, способствовало тому, что власти могли закрыть любой журнал по своему усмотрению. При таком уровне развития права, печати и общественных отношений не могло идти и речи о какой-то серьезной и длительной идеологической полемике. Но тем значительнее и ярче представляется ряд статей Плавильщикова и вызванный ими спор, который развернулся на страницах «Зрителя».

¹⁶² Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения в 8 тт. Т.8, с.396-453. М.: 1959. С.414.

¹⁶³ Давидович И. Плавильщиков, Петр Алексеевич // Русский биографический словарь : в 25 томах / Под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. — СПб., 1905. — Т. 14: Плавильщиков — Примо. — С. 2—6. С.6.

3.1.2. Развитие консервативной печати в начале XIX в.

Начавшаяся полемика между люборуссами и западниками XVIII в., которая имела место на страницах журнала «Зритель» в 1792 году, закончилась едва начавшись. Как закончил своё существование и сам журнал. Екатерининское время еще не создало условий для широких общественных дискуссий. Не появилось еще прослойки, которая бы в этих широких дискуссиях принимала бы участие. Не было, соответственно, и условий для существования независимых периодических изданий, которые являются необходимым условием для такого рода общественных явлений.

В начале девятнадцатого столетия ситуация начала меняться. Во-первых, этому способствовали успехи журналистики. В начале столетия российская пресса совершила качественный скачок в своем развитии. Либеральное царствование Александра I, «дней александровых прекрасное начало», создавало условия для развития печати. При Александре Павловиче появился первый в России цензурный устав. Уже сам факт его появления был благоприятным явлением для отечественной журналистики. Наличие специального закона создавало правовое поле для развития печати. Кроме того, сам Устав 1804 г. и по духу, и по букве был либеральным и наделял издателей (а в особенности - издателей периодических изданий) широким кругом прав. Всё это способствовало развитию печатных СМИ. В первое десятилетие царствования Александра I в России было открыто 87 новых газет и журналов. Подавляющее большинство появилось, конечно, в столицах, но три издания начали выходить в провинции.

В социальном плане тоже происходят изменения. В XVIII веке монопольным правом на просвещение и литературную деятельность владело дворянство. В следующем столетии в России из числа разночинцев начинает выкристаллизовываться новая, специфически русская, прослойка населения – интеллигенция. Из числа мещан, купцов, чиновничества и духовенства выдвигаются писатели, литературные критики, общественные деятели.

Влияние этих элементов в печати растет. Уже в начале правления Александра I в Санкт-Петербурге появляется «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». В это творческое объединение входили писатели в основном недворянского происхождения. «Вольное общество» стало первым литературным объединением, состоящим преимущественно из разночинцев. В 1800-1810-х гг. «Общество» и близкие к нему люди выпускали ряд газет, журналов и альманахов («Свиток муз», «Периодическое издание вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и др.). Большинство этих изданий оказались недолговечными (судьба почти всей периодики начала столетия) и среди выпускаемых «Обществом» журналов не было значимых для истории отечественной журналистики изданий, таких, например, как «Вестник Европы», но сам факт существования уже в 1801 году группы активных литераторов и издателей недворянского происхождения говорит о многом.

В конце царствования Александра I появляется журнал «Московский телеграф», созданный выходцем из купеческого сословия Н. А. Полевым. Это знаковый момент, поскольку «Московский телеграф», благодаря своему предприимчивому издателю, вскоре станет самым популярным журналом империи. Другим знаменитым издателем не дворянского происхождения был Н. И. Надеждин, выпускавший журнал «Телескоп». Таким образом, уже в первой половине столетия выходцы из непривилегированных сословий часто становятся законодателями мод в журналистике. Впоследствии число таких «неродовитых» тружеников пера будет все увеличиваться.

Все эти изменения создали благоприятную почву для перенесения идеологических споров из гостиных на страницы печатных СМИ, и, как следствие, возникновению полемики по поводу основного вопроса русской философии – вопроса о месте России в мировой истории. Уже в начале XIX в. стали возникать литературные споры, получавшие освещение в СМИ, которые можно без всяких оговорок назвать предтечами полемики славянофилов и западников.

Среди периодики консервативного направления выделялся ряд изданий. Во-первых, это «Русский вестник» периода 1808-1824 гг. Нужно отличать «Русский вестник» этого периода от одноименного журнала сороковых годов. У «Русского вестника» было как минимум три рождения. В начале XIX столетия им руководил С. Н. Глинка и журнал отличался патриотическим анти-французским направлением. В начале сороковых журнал издавали знаменитые Н. А. Полевой и Н. И. Греч. В этот период он особой популярности среди читателей не сникал. В середине пятидесятых «Русский вестник» издавался М. Н. Катковым. За время редакторства Каткова политика и направление журнала менялись вместе с идеологией его редактора. В «катковский» период можно выделить, по крайней мере, два этапа в истории журнала: либеральный (в дореформенный период) и консервативный (после 1861 г.). Издание прекратило существовать в 1906 г.¹⁶⁴. Интересно, что в постперестроечное время мы наблюдаем еще одно возрождение «Русского вестника». С 1991 «Русский вестник» (уже в качестве газеты) становится органом крайне правых, монархически и националистически настроенных, кругов. Издание было известно своим антисемитизмом и крайней оппозиционностью. В настоящее время *modus vivendi* издания снова сменился. Теперь, при сохранении правого, ультранационалистического антуража, газета стала носить откровенно проправительственный характер. На примере издания «Русский вестник» видна интересная особенность русской журналистики (особенно журналистики XIX в.): издания, отжившие свой век, очень часто «воскрешаются» в другую эпоху. При этом редакционная политика вновь созданного печатного органа может кардинально отличаться от политики исторических предшественников. Эта особенность русских изданий связана с рядом причин.

¹⁶⁴ Орнатская Т. И., Бабаев Э. Г. «Русский вестник» // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 6: Присказка — «Советская Россия». — 1971. — С. 511—513.

Самая первая и самая банальная причина – цензура. С ней пришлось столкнуться как раз таки журналистам николаевской эпохи. В начале тридцатых власть начинает устанавливать препоны на пути издателей. С каждым годом получить разрешение на выпуск нового печатного СМИ становится все сложнее. Апогея этот процесс достигает в 1836 году, когда появляется законодательный запрет на издание новых журналов. Тогда для литераторов, желающих проводить собственную издательскую политику, остается только один выход – купить у кого-нибудь уже существующее издание. Поскольку запрещено выпускать новые журналы, а не покупать и реорганизовывать старые. Таким образом, держатели старого, непопулярного журнала могли сбыть его с рук и хорошо заработать.

Второй (и самой главной) причиной появления новых журналов со старыми названиями была идеология. Называя новое издание старым именем редакция протягивала идеологическую нить между прошлым и настоящим. Второе рождение какого-то значимого издания означало, что новая редакция позиционирует себя продолжателем давно исчезнувшего журнала. Продолжателем, в первую очередь, политических идей. Так было, как мы уже видели, с «Русским вестником». Во второй половине девятнадцатого столетия журнал Каткова был рупором консерватизма; в конце двадцатого его возродили представители ультра-консервативных правых течений. Такое же явление мы видим неоднократно и в XIX в. Легендарные издания получают новую жизнь. Одним из ярчайших примеров такой «реинкарнации» является история альманаха «Полярная звезда». Точнее, история названия этого издания.

«Полярная звезда» была задумана будущими декабристами К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым-Марлинским в 1822 году. Всего было выпущено три книжки «Полярной звезды» (за 1823, 1824 и 1825 гг.), но, несмотря на короткую историю, влияние альманаха на развитие русской печати и публицистики было колоссальным. Именно название «Полярная звезда» выбрал А. И. Герцен для первого своего альманаха, который он начал

издавать за границей. На обложке «Полярной звезды» были изображены портреты декабристов, казненных после восстания на Сенатской площади.

Выходивший в начале XIX столетия «Русский вестник» Глинки можно считать первым журналом, проводившим антизападную редакторскую политику. «Вестник» критиковал галломанию, популяризировал русскую культуру и литературу. Как мы видели выше, такие взгляды высказывались уже в XVIII веке. Например, на страницах журнала «Зритель». Но ключевое отличие «Русского Вестника» от «Зрителя» и подобных ему изданий состояло в том, что журнал Глинки выходил в свет в течение двенадцати лет и стал знаковым явлением в русской общественной жизни, а не был лишь эпизодом в истории становления отечественной журналистики. На «Русском вестнике» было воспитано целое поколение. В начале XIX в. он стал флагманом патриотической (иногда, правда, «ура-патриотической») прессы. «Русский вестник» выходил в Москве в 1808-1812 гг.

Приблизительно в то же время, что и «Русский вестник» в России появилось еще одно консервативно настроенное издание. Это было «Чтение в Беседе любителей русского слова». Инициатором его создания стал А. С. Шишков – выдающийся российский общественный деятель, вызывавший яростные нападки со стороны западников и бесконечное уважение славянофилов. Достаточно сказать, что Шишков был другом С. Т. Аксакова, отца славянофилов К. С. и И. С. Аксаковых, часто бывал в его доме, дружил с семьей. Кроме того, Шишков был первым в отношении кого использовали термин «славянофильство». «Белинский видел в шишковистах предшественников славянофильства; не отказывались от Шишкова и сами славянофилы, хотя его имя приводило на память прежде всего языковые нелепицы., которые он выдумывал для устранения из русского языка слов иностранного происхождения... Сергей Аксаков до самой смерти сохранял благодарную память о Шишкове и даже приписывал его влиянию

достоинства своей автобиографической трилогии, которую писал на склоне лет, в эпоху расцвета русского реализма»¹⁶⁵.

С Шишковым, его литературной и общественной деятельностью связан и первый, наверное, полноценный спор между сторонниками западного влияния и отечественной старины, который вошел в историю как спор карамзинистов и шишковистов. Он касался, в первую очередь, литературы и вопросов языка, возможности использования в русском языке галлицизмов и других заимствований. Но вместе с тем, иногда касался и вопросов более общих. В частности, Шишков начал противопоставление дворян, как носителей чуждой, европейской культуры, простому народу. Симпатии автора были, естественно, на стороне низших, еще не изживших национальную культуру и традиции, сословий¹⁶⁶.

Еще одним важным моментом в истории русской консервативной печати является издательская деятельность профессоров Московского университета М. П. Погодина и С. П. Шевырева. В 1840-х гг., в период наивысшего накала спора славянофилов и западников, Погодин при ближайшем участии Шевырева издавал журнал «Москвитянин», который часто использовали в качестве трибуны деятели славянофильской партии. Однако еще до издания этого знаменитого журнала начиная с конца двадцатых годов Шевырев и Погодин вели активную издательскую деятельность и внесли огромный вклад в развитие отечественной консервативной мысли. Некоторые из них были чисто литературными и не несли идеологического подтекста. Таким, например, был альманах «Уrania», единственный выпуск которого увидел свет в 1830 г. Но некоторые из издательских проектов ученых литераторов были важны и общественно-политическими вопросами, затрагиваемыми в них, потому сыграли важную роль в генезисе славянофильства. Тем более что старшие славянофилы (в

¹⁶⁵ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.288.

¹⁶⁶ Альтигуллер М. Шишков и Карамзин о судьбах России // Литературоведческий журнал. 2011. №28. С.43-57. С.47.

особенности А. С. Хомяков) были активными участниками литературных проектов Шевырева и Погодина.

Первым журналом, в котором «ковались» основы будущего славянофильства был «Московский вестник». Журнал занимался в первую очередь вопросами эстетики, философии и литературы и, опять-таки, был далек от славянофильско-западнической тематики. Но вместе с тем, «Московский вестник» иногда вступал в полемику с умеренно-либеральным изданием Н. А. Полевого «Московский телеграф». Здесь, в противостоянии успешного либерального издания и шеллингианского органа консервативного романтизма, можно увидеть предтечу будущего «Великого спора» сороковых годов.

Но публицистическая полемика, которая действительно имела значения для истории противостояния славянофилов и западников связана с другим журналом – с издававшимся С. П. Шевыревым «Московским наблюдателем». Во многом новое детище Шевырева походило на «Московский вестник». По крайней мере, у «Наблюдателя» было такое же эстетическо-философское направление. С. П. Шевырева больше насущных общественных и политических дел интересовало искусство, поэзия, философия¹⁶⁷. Вместе с тем, в журнале появляются новые темы. На страницах «Московского наблюдателя» мы встречаемся с выработкой оппозиции «Москва – Петербург». Москва как средоточие старой, патриархальной жизни; Петербург – как центр западного просвещения и культуры¹⁶⁸. Но самое большое значение для истории становления славянофильства и западничества «Московский наблюдатель» сыграл благодаря полемике с журналом «Телескоп». Здесь мы впервые встречаемся со столкновением консервативно-романтического журнала и откровенно западнического. Кроме того, по разные стороны баррикад были люди,

¹⁶⁷ О направлении научных и публицистических поисков Шевырева в этот период см.: *Цветкова Н. В.* Дневник С. П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835-1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. №1. С.75-84.

¹⁶⁸ *Сытина Ю. Н.* Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 20016. №14. С.172-184.

которые впоследствии возглавят партии задников и славянофилов. Постоянным автором наблюдателя в те годы был А. С. Хомяков. Правда в непосредственной публицистической полемике между «Телескопом» и «Наблюдателем» он не участвовал. Главным критиком «Телескопа» в те годы был будущий лидер западников В. Г. Белинский. Правда, существо спора заключалось в обсуждение вопросов и принципов журналистики и историософских построений не касалось¹⁶⁹, но уже сам факт столкновения двух групп авторов, которые уже через несколько лет станут идеологами западничества и славянофильства, примечателен. Еще более примечательным является тот факт, что после 1837 г. «Московский наблюдатель» был приобретен издателем Н. С. Степановым, который привлек к участию в нем Белинского. Так «неистовый Виссарион» стал главным критиком журнала, а «Наблюдатель» за свою недолгую историю успел побыть и органом консерваторов, и журналом либерального, западного направления.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в журнальной и общественной жизни Российской империи у славянофилов были предшественники, которые в той или иной степени касались вопросов, поднятых впоследствии московскими мыслителями. «Великий спор» русской философии родился не на пустом месте. Ему предшествовал ряд журнальных и внежурнальных полемических столкновений, в которых сталкивались позиции консервативной и прозападной партий. Самыми яркими эпизодами такой борьбы были:

- в конце XVIII в. – полемика между Плавильщиковым и Неизвестным из Орла на страницах журнала «Зритель» в 1792 г. Это незначительный эпизод истории русской общественной мысли, но он показателен тем, что впервые в отечественной печати мы встречаемся противостоянием

¹⁶⁹ Об этом: *Прохоров И. Е.* В. Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. №2. С.68-83.

поборников русского языка и образа жизни и защитников Запада¹⁷⁰. Здесь же высказываются некоторые идеи, воспринятые позднее и славянофилами;

- в начале XIX в. – спор шишковистов (или архаистов) и карамзинистов. Здесь впервые появляется слово «славянофилы». Кроме того, в этой полемике А. С. Шишков впервые противопоставляет образованное по западному образцу дворянство народу – носителю духовных и культурных ценностей. Это мысль впоследствии станет одной из главных идей славянофилов;

- в 20-30-х гг. XIX в. – журнальные и салонные споры между сторонниками консервативно-романтического направления, к которому относились и будущие славянофилы, и разрозненным и разнородным, но объединенным общими идеями следования европейскому пути развития, западниками. В этот период Погодин и Шевырев с одной стороны, и Хомяков с Киреевскими с другой, еще находятся в одном лагере. Впоследствии их интеллектуальные (но не жизненные) пути разойдутся. Шевырев и Погодин станут защитниками «Теории официальной народности»; Хомяков и братья Киреевские – основоположниками славянофильства.

3.2. Публицистическая деятельность славянофилов и цензура николаевской эпохи

3.2.1. Попытка славянофилов обзавестись собственными печатными СМИ и трансформация издательской деятельности кружка

В годы правления Николая I охранительная политика власти проходила под лозунгом «Православие. Самодержавие. Народность»,

¹⁷⁰ В действительности, споры между западниками и консервативно-русской партией имели место в общественной жизни России задолго до 1792 г. Даже если брать только XVIII в., то можно отметить нарастание таких полемических настроений в годы правления Елизаветы Петровны (1741-1761). Тогда, в эту эпоху ренессанса всего русского (или псевдорусского) мы встречаемся со знаменательным для отечественной культуры столкновением М. В. Ломоносова с рядом немецких ученых, работавших в Петербурге. Но пример «Зрителя» важен в другом отношении. В 1792 г. на страницах этого издания мы видим, что эта полемика приняла публицистический характер, а значит вышла за пределы академического сообщества.

сформулированным знаменитым министром народного просвещения С. С. Уваровым. Эта идеологема получила название «Теории официальной народности». То, что эта народность была именно «официальной», показывает крайняя враждебность власти к народности и религиозности «неофициальной». То есть те общественные течения, которые, выступая с консервативных и даже монархических позиций, все же не укладывались в прокрустово ложе охранительной политики николаевского режима, подвергались различным прещениям. Таким образом, власть, пытаясь при помощи небывалого доселе цензурного гнета, сохранить свой контроль над общественным мнением, достигала совершенно противоположных результатов, создавая себе оппозицию не только в среде либерально настроенной части общества, но и в «правом», изначально дружественном к существовавшему режиму, лагере интеллигенции.

Одной из самых ярких иллюстраций недалёковидности николаевской идеологической политики является цензурный пресс, под которым в 30-50-х гг. XIX столетия оказались славянофилы – представители общественно-политического течения, лояльного к власти и защищающего традиционные ценности. Эпизоды, связанные со столкновением славянофилов и николаевской идеологической машины, можно условно разделить на две части: цензурную и уголовную. Исследуя вопрос о публицистической и издательской деятельности славянофилов, мы встречаемся, во-первых, с рядом цензурных прещений, которым подвергались издания, статьи или сборники представителей «московского» направления. С другой стороны, перед нами открывается череда арестов, допросов и политических дел, по которым проходили славянофилы и близкие к их направлению люди.

Не существовало, наверное, в XIX веке общественного течения, которое так же горячо как славянофилы разделяли все три главных тезиса «теории официальной народности». Но вместе с тем для творцов этой теории не было более «недружественного» течения, чем славянофилы. Часто

цензурные ведомства, которые выступали невольными арбитрами в споре славянофилов и западников, занимали сторону последних.

Несмотря на видимое совпадение взглядов, фактически интересы николаевской цензуры и славянофильской партии расходились – смысловое содержание, которое вкладывала в уваровскую формулу власть, отличалось от того, что под православием, народностью и монархией подразумевали славянофилы.

Если говорить о цензурных запретах, то тут первые столкновения с охранкой у деятелей московского направления появляются еще до возникновения славянофильства. В 1832 году был закрыт журнал И. В. Киреевского. Киреевский тогда еще не был славянофилом. Как, в целом, не было еще и самого течения. Тридцатые годы – это как раз период генезиса славянофильства. Видимо, в начале 30-х оно как раз и начало складываться. Киреевский к 1832 году был скорее западником, отчего и журнал его назывался «Европеец». Причем, западником он был «безобидным». Революционных идей не проповедовал, а больше интересовался философией Шеллинга и эстетикой. Однако даже этого было достаточно, чтобы его журнал был закрыт властями. Более того, еще до начала своей издательской деятельности Киреевский уже находился «под колпаком» у III отделения Бенкендорфа, как человек, вызывающий подозрения. Это было связано с тем известным фактом, что в правление Николая I жандармы интересовались не столько порядком на улицах, сколько чужой перепиской. Прочитав в 1827 году одно из «темных» по содержанию писем, адресованных Киреевскому, тайная полиция взяла молодого человека «на заметку». Полиция навела справки о знакомствах Киреевского, роде его занятий и характере знакомств, и некоторое время вело слежку за молодым литератором, но, конечно, ничего предосудительного не нашла¹⁷¹.

Это был первый, частный случай конфликта цензурных ведомств с И. В. Киреевским; случай, не имеющий отношения к основанному впоследствии

¹⁷¹ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с. С.68-71.

Киреевским славянофильству, а просто характеризующий методы и общий настрой III отделения. Череда столкновений между славянофилами и властью последует позднее, когда славянофильство оформится как самостоятельная идеология, и когда его представители начнут активную публицистическую деятельность. То есть в 40-х гг. XIX столетия.

К середине 40-х годов относится период активизации деятелей славянофильства. В это время небольшой кружок московских славянофилов заметно расширился. К Хомякову и братьям Киреевским присоединились Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков (а потом и его младший брат – И. С. Аксаков), Ф. В. Чижов, Д. А. Валуев и др. Новые члены кружка получили в историографии название «младшие славянофилы».

В отличие от своих «старших товарищей», молодое поколение славянофилов обладало тягой к действию. Новая генерация московских интеллектуалов осознавала недостаточность салонной проповеди своих идей. Для противостояния западникам нужны были печатные органы. Тем более что сами западники таковые имели. Белинский уже давно блистал на страницах различных журналов, сначала московских, потом петербургских. Активно печатался Герцен. В первой половине сороковых огромной популярностью у публики пользуются «Отечественные записки», издаваемые западником Краевским. Издательской деятельностью в середине сороковых годов занялся Н. А. Некрасов. С 1843 года Некрасов начинает выпускать альманахи, а с 1847 года – журнал «Современник», который стал главным печатным органом западничества.

Таким образом, славянофилы проигрывали общественную борьбу прозападнической партии. Возглавляемые Белинским и Некрасовым журналы были популярнейшими изданиями своего времени, тогда как славянофилы, не имея собственного печатного органа, могли надеяться только на публикации в дружественном им «Москвитянине» – одном из самых невостребованных изданий николаевской эпохи.

Но собственным изданием Хомяков и его сподвижники обзавестись так и не смогли. Всякий раз, когда славянофилы пытались в обход царской цензуры завести печатный орган, они встречались с сопротивлением властей. И, что удивительно, власти сопротивлялись консервативно настроенным славянофилам больше, чем западникам.

Для того чтобы в 40-х гг. XIX в. обзавестись печатным изданием, необходимо было обойти многочисленные цензурные ограничения. С 1836 года в Российской империи действовал запрет на издание новых журналов. Иногда по высочайшему повелению журналы все-таки разрешались. Так было, например, в случае с журналом «Москвитянин». М. П. Погодин получил разрешение на издание этого журнала в 1837 году, вскоре после введения запрета на основание новых изданий. Более того, его инициативу активно поддерживали власти¹⁷². Но появление таких журналов как «Москвитянин» вопреки всем запретам вполне объяснимо. Руководство журналом брал на себя М. П. Погодин – лояльный к власти публицист, один из главных представителей «официальной народности». В лице нового журнала власть пыталась найти опору и поддержку. Точно также, согласно воспоминаниям Погодина, еще до запрета 1836 г. при поддержке и отчасти по инициативе властьпридержащих был открыт журнал «Московский наблюдатель»¹⁷³. Редакционную политику «Наблюдателя» определял С. П. Шевырев, коллега Погодина по преподаванию в Московском университете. Таким образом, совершенно очевидно, что Николай I пытался создать в лице преданных ему литературных и научных деятелей противовес либеральным СМИ. Также уже после указа 1836 года появился печально знаменитый своим реакционным направлением журнал «Маяк». «Москвитянин» в Москве, «Маяк» в Санкт-Петербурге: так в столицах при поддержке

¹⁷² Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. / А. Г. Дементьев. - Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художественной литературы, 1951. - 500, [3] с. С.187.

¹⁷³ Рамазанова Г. Г. Журнал «Московский наблюдатель» в оценках отечественного литературоведения // Вестник ВятГУ. 2012. №2. С.79.

правительства и в обход действующих цензурных запретов были созданы два органа «официальной народности».

Славянофилы, хотя и были близки к Погодину и Шевыреву¹⁷⁴, не могли рассчитывать на благосклонность власти. Поэтому для обхода цензурных ограничений им приходилось использовать уже выработанные и опробованные западниками тактики.

Таких тактик было две. Во-первых, можно было купить журнал, который начал издаваться до 1836 года. «Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество», - так охарактеризовал эту практику В. Г. Белинский¹⁷⁵.

Самым известным примером такой покупки старого бренда и наполнения его новой жизнью является некрасовский «Современник». В 1846 году Н. А. Некрасов и И. И. Панаев купили у П. А. Плетнева журнал, который последний создал в 1836 году вместе с Пушкиным. После смерти Пушкина в 1837 г. журнал уже не представлял для читателей значительного интереса. Реорганизованный Некрасовым «Современник» сразу стал одним из самых популярных изданий России, а на его страницах печатались произведения В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и многих других.

Другим примером «ребрендинга» непопулярного издания может служить судьба «Московского наблюдателя». Консервативный и лояльный к власти орган, потерявший подписчиков и интерес самих издателей, был продан в 1838 году Н. С. Степанову и стал, после приглашения в него Белинского, либеральным и западническим.

¹⁷⁴ Самого С. В. Шевырева в XIX в. часто относили к числу славянофилов. Например, так о нем писал сам Погодин. См: *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // *Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA : творчество и деятельность славянофилов в оценке современников : антология / Северо-Западное отд-ние Российской акад. образования, Русская христианская гуманитарная акад. ; [сост., вступ. ст., коммент., библиогр.: В. А. Фатеев]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. - 1054 с. // URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/slavyanofilstvo.html> [дата обращения 17.05.2021].*

¹⁷⁵ *Панаева А. Я.* Воспоминания / А. Я. Панаева (Головачева); [Вступ. ст. К. Чуковского; Примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова]. - М.: Правда, 1986. - 508,[1] с. С.163.

Славянофилы также многократно пытались купить журнал. Несколько раз они обращались к Погодину с просьбой продать им «Москвитянин», но всякий раз получали отказ. В 1846 году славянофилам, наконец-то, удалось обзавестись собственным журналом. Ими был приобретен основанный в начале века С. Н. Глинкой «Русский Вестник».

В 1846 году «Русский Вестник» чуть было не стал славянофильским. Его издание было поручено самому деятельному литератору из числа младших славянофилов Ф. В. Чижову. Но, несмотря на близость успеха, славянофилы опять остались без журнала. В 1847 году Чижев был арестован по подозрению в связи с кирилло-мефодиевским обществом.

Ф. В. Чижев является исключительной фигурой славянофильского движения как по своей общественной активности, так и по убеждениям. Он, в отличие от подавляющего большинства московской партии, не был монархистом, хотя свои политические убеждения широко не освещал. Чижев являлся поклонником республиканской формы правления и сторонником федерализма. Несмотря на то, что он испытывал воздействие славянофилов и близких к ним литераторов (Языков, Гоголь), другим источником, повлиявшим на генезис его взглядов, являлась деятельность кирилло-мефодиевского общества, которое было намного более радикально настроено, чем московские мыслители. И хотя сам Чижев не был членом кирилло-мефодиевского братства, его связь с ними представляется бесспорной¹⁷⁶.

После ареста последовала высылка. Чижев несколько лет был вынужден проживать вне столиц. Вместе с тем, по результатам дела Чижева тайный надзор был учрежден за А. С. Хомяковым, который скомпрометировал себя перед властями участием в подготовке к изданию журнала. Более того, помимо запрета славянофилам иметь собственное издание, правительство поощряло западника Краевского, издателя

¹⁷⁶ Симонова И. А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижев и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. N 1. С. 42-54.

«Отечественных записок», «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней»¹⁷⁷.

После случая с арестом Чижова мы встречаемся еще с несколькими случаями полицейского преследования славянофилов. Все они относятся к эпохе «Цензурного террора» (1848-1855 гг.). В 1848 г. под следствие попал один из самых ярких представителей младших славянофилов Ю. Ф. Самарин. Причиной этого стали его знаменитые «Письма из Риги». Будучи чиновником министерства внутренних дел, Самарин служил в Прибалтике. Здесь он столкнулся со сложной системой взаимоотношений различных этнических образований. Основную массу населения края составляло крестьянское туземное население. Помещиками в большинстве случаев были остзейские немцы.

Не сумев обзавестись собственным печатным органом, славянофилы вынуждены были перейти к выпуску сборников. Сборники выходили нерегулярно и не могли составить конкуренцию популярным изданиям западников. Таким образом, можно сделать, что причиной идеологической победы западников в «Великом споре» сороковых годов является цензурная политика николаевского режима. Созданная для борьбы с идеологически чуждыми элементами, цензура была по консервативно настроенным деятелям, увеличивая этим накал оппозиционных настроений в обществе.

3.2.2. Участие славянофилов в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» и издание сборников

Единственным периодическим изданием николаевской эпохи, который на протяжении многих лет сотрудничал со славянофилами и который отчасти можно даже назвать славянофильским – «Москвитянин» М. П. Погодина. Тот факт, что славянофилы имели тесные связи с «Москвитянином», привел к тому, что многие исследователи называли это издание славянофильским или

¹⁷⁷ *Симонова И. А.* Федор Чижов / Инна Симонова. - Москва : Молодая гвардия, 2002. - 335 с. С.71.

даже рупором славянофильства. Такие отзывы можно встретить как в дореволюционной, так и в современной литературе. Например, С. А. Венгеров в статье о Молодой редакции «Москвитянина» пишет, что этот журнал в первый период своей истории был «органом правоверного славянофильства»¹⁷⁸. Также и современный исследователь Б. И. Есин причисляет «Москвитянин» к числу славянофильских изданий¹⁷⁹.

Безусловно, причисление «Москвитянина» к числу славянофильских журналов является ошибочным. Этот журнал являлся органом официальной народности. Все время существования его издателем был профессор Московского университета М. П. Погодин – один из самых известных представителей и последовательных сторонников Уваровской формулы¹⁸⁰.

Невольное смешивание славянофильства с другими представителями консервативных общественно-политических сил началось уже во время жизни и деятельности старших славянофилов. Так, уже в эпоху «Великого спора сороковых» западники видели в Хомякове и Погодине «два крыла одной антизападной «московской партии»¹⁸¹. А для Белинского «Москвитянин» был органом славянофилов¹⁸².

Исследователь славянофильства Н. И. Цимбаев так объясняет появление подобных неточностей: «В дальнейшем (и по настоящее время) невнимание к терминологии, к истории слова «славянофил», к его семантике, небрежное использование расплывчатого понятия «славянофил» освещении процессов русской идейной жизни 1840-х годов неизменно приводили (и приводят) к смешению истинного славянофильства с направлением

¹⁷⁸ Венгеров С. Молодая редакция «Москвитянина». Вестник Европы. 1886. №2. 581-613. С.582.

¹⁷⁹ Есин Б. И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении : Учеб. пособие по специальности 021400 - Журналистика / Б. И. Есин. - М. : Флинта : Наука, 2000. - 100, [2] с. С.18.

¹⁸⁰ Однако даже у современных исследователей, глубоко знакомых с творчеством славянофилов и с контекстом эпохи, можно встретить иногда подобные утверждения. Например, крупный современный ученый-филолог И. А. Виноградов называет славянофилами и Погодина, и Шевырева. См.: Виноградов И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: невостреченное и забытое // Два века. 2020. №1. С.62-153. С.69, 81.

¹⁸¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.483.

¹⁸² Там же.

«Москвитянина», с мнениями российских охранителей, с идеологией «официальной народности»¹⁸³.

Насколько и в какие периоды своей истории «Москвитянин» может считаться славянофильским изданием, можно разобраться, только проанализировав подробно историю публикаций в нем славянофилов. В данном разделе мы будем исследовать и разбирать публикации славянофилов, в которых выражается их учение и которые были направлены против западников. Мы не будем останавливаться на тех произведениях «московской партии», которые печатались в «Москвитянине», но не несли в себе специфически славянофильского учения. Таковы, в первую очередь, многочисленные стихотворения А. С. Хомякова, Н. М. Языкова и близких к ним литераторов.

Хомяков печатал свои стихи в «Москвитянине» довольно активно (относительно его собственной активности как прозаика). Его поэтические творения появляются на страницах журнала даже в последний период истории «Москвитянина» (1849-1856), когда во главе литературного отдела журнала стала так называемая «Молодая редакция» во главе с А. Григорьевым, а активность славянофилов на страницах журнала практически сошла на нет. В первой же книжке «Москвитянина» мы встречаемся со стихами А. С. Хомякова. Более того, редакторами журнала он назван «нашим любимым поэтом»¹⁸⁴. Хотя, как известно, сам «любимый поэт» очень скромно ценил свои поэтические заслуги¹⁸⁵. Однако стихи Хомякова, несмотря на свой патриотический и консерваторский настрой не представляют интереса для исследования славянофильства. В них нет ничего специфически философского и никакого значения для спора с западниками они не имеют.

¹⁸³ Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). – М. : изд-во Моск. ун-та, 1986. – 274 с. С.25.

¹⁸⁴ Москвитянин. 1841. I. С.341.

¹⁸⁵ Гаврюшин Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Изд. 2-е. Нижний Новгород. 2011. – 670 с. С.175.

Интерес для истории спора славянофилов и западников представляют стихи другого постоянного автора поэтического раздела «Москвитянина» Н. М. Языкова. Языков приходился братом жене Хомякова и был близок к кружку славянофилов. Именно ряд его стихотворений, написанных в 1844 году, привел к окончательному разрыву между западниками и славянофилами и превращению вялотекущего интеллектуального противостояния в настоящую войну. Самое известное из этой стихотворение Языкова «К ненашим».

О вы, которые хотите
 Преобразить, испортить нас
 И онемечить Русь, внимлите
 Простосердечный мой возглас!
 Кто б ни был ты, одноплеменник
 И брат мой: жалкий ли старик,
 Её торжественный изменник,
 Её надменный клеветник;
 Иль ты, сладкоречивый книжник,
 Оракул юношей-невежд,
 Ты, легкомысленный сподвижник
 Беспутных мыслей и надежд;
 И ты, невинный и любезный,
 Поклонник тёмных книг и слов,
 Восприниматель достослезный
 Чужих суждений и грехов;
 Вы, люд заносчивый и дерзкой,
 Вы, опрометчивый оплот
 Ученья школы богомерзкой,
 Вы все — не русский вы народ!
 Не любо вам святое дело
 И слава нашей старины;

В вас не живёт, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живёт
Любовь не к истине, не к благу!
Народный глас — он Божий глас, —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам её преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрёт неверный ваш язык:
Крепка, надёжна Русь святая,
И русский Бог ещё велик!

После обращения к западникам «Вы все – не русский вы народ!», не стоило надеяться на сближение и поиск консенсуса. Стихи Языкова стали последней каплей в уже переполнявшейся чаше терпения представителей противоборствующих лагерей. Несмотря на значение стихов Языкова для спора славянофилов и западников, для истории журнальной полемики сороковых они особенной важности не представляют. Стихотворение «К ненашим» как и многие другие «антизападнические» произведения Языкова ходили в списках, читались в салонах, а были опубликованы лишь в 1871 году, спустя много лет после смерти автора.

Таким образом, в сфере внимания исследователя «Великого спора» должны быть статьи, содержащие славянофильское учение.

При первом же знакомстве с номерами «Москвитянина» за 1841-1843 гг. бросается в глаза, что единственным славянофилом, принимавшим в этот период участие в деятельности журнала, был А. С. Хомяков. Причем участие это нельзя назвать активным. В основном, творчество Хомякова представлено стихотворениями. Иногда их могло быть по несколько в номере, а иногда лидер «московской партии» не отдавал своих произведений в печать месяцами и даже годами. Как известно, Хомяков не обладал привычкой к постоянной литературной деятельности, и создание новых трудов зависело зачастую от настроения. Единственной «славянофильской» по содержанию работой Хомякова, опубликованной в период 1841-1843 гг. на страницах «Москвитянина», была его статья «О сельских условиях» 1842 г.¹⁸⁶ Позднее, в том же 1842 г. в «Москвитянине» появилась работа «Еще раз о сельских условиях»¹⁸⁷. Она была создана в ответ на критическую заметку сотрудников журнала по поводу первой статьи Хомякова¹⁸⁸, и появилась в разделе «Антикритика».

¹⁸⁶ Москвитянин. 1842. III. С.293-299.

¹⁸⁷ Москвитянин. 1842. V. С.512-522.

¹⁸⁸ Москвитянин. 1842. IV. С.376-382.

Никто из мыслителей «московского кружка», за исключением Хомякова и Языкова, которого все-таки нельзя назвать философом-славянофилом, несмотря на значительную роль в споре с западниками, в «Москвитянине» в те годы не печатался. Исключение составляют две публикации К. С. Аксакова. В 1841 году в «Москвитянине» был напечатан поэтический текст Аксакова (перевод из «Фауста»)¹⁸⁹, а в 1842 году статья «Объяснение»¹⁹⁰. Интересно, что, несмотря на то, что статья 1842 г. была направлена против журнала «Отечественные записки» (в те годы – главный орган западничества), специфически славянофильской или относящейся к «Великому спору» ее назвать нельзя. История появления статьи весьма проста и спора с западниками она касается в последнюю очередь. Аксаков написал книгу о творчестве Гоголя. «Отечественные записки» раскритиковали ее. Аксаков написал ответ. Таким образом, славянофильство аксаковской статьи лишь видимое. Спор с «Отечественными записками» был не философско-историческим, а эстетическим. Хотя даже в этом литературоведческом споре уже чувствовались нотки партийной борьбы и негативного отношения к «петербургскому направлению». «В сущности же дух и свойства всех Петербургских Журналов... совершенно одни и те же»¹⁹¹, – пишет Аксаков в завершении своей статьи.

Переломным в плане участия славянофилов в деятельности журнала является 1844 год. В этом году, помимо статьи Хомякова, в журнале публикуются и работы других членов кружка. Причем, в сравнении с предыдущими годами их довольно много и они затрагивают разнообразную тематику.

В 1844 году на страницах «Москвитянина» появляются работы Чижова и Самарина. Это особенно важно, потому что в дальнейшем эти представители младшего славянофильства станут одними из главных деятелей кружка. В 1844 году они впервые выступили на страницах

¹⁸⁹ Москвитянин. 1841. I. С.61-62.

¹⁹⁰ Москвитянин. 1842. V. С.220-229.

¹⁹¹ Москвитянин. 1842. V. С.229.

«Москвитянина» и это символизировало усиление кружка и появление в нем новых активных деятелей. Однако нужно отметить, что, опять-таки, работы этих авторов нельзя отнести к чисто к славянофильским трудам. В. Ф. Чижов на тот момент еще не был членом кружка. Он познакомится со славянофилами позже. Хотя на тот момент идеи «московской партии» ему уже были известны и он их, безусловно, разделял.

Работы Чижова того периода, в том числе, и печатавшиеся в «Москвитянине», носили славяноведческий, а не славянофильский характер. В течение всех 1840-х гг. Чижов путешествовал по Европе и активно собирал этнографический материал. Его труды этого периода посвящены либо эстетике, либо изучению славянских культур.

Также и участие Самарина в «Москвитянине» было обусловлено не его борьбой с западничеством, а академической деятельностью. В «Москвитянине» в 1844 году была опубликована его магистерская диссертация и сообщение отзыв о ее защите, проходившей в Московском университете. Конечно, сама диссертация Ю. Ф. Самарина содержала славянофильские взгляды, но урезанная цензурой, превратилась в заурядный исторический экскурс в эпоху Петра I. Интересно, что в диссертации, безусловно, блестящей, содержались предпосылки теологического учения, развитого потом А. С. Хомяковым в его знаменитой работе «Церковь одна»¹⁹².

В дополнение к статьям Самарина и Чижова в 1844 году в «Москвитянине» появилась также статья Хомякова, который, как уже говорилось, печатался в «Москвитянине» до этого. Но появление статей лидера славянофилов даже в славянофильских или околославянофильских изданиях было редкостью. И издателей «Москвитянина» Хомяков радовал своими произведениями, а тем более статьями, далеко не каждый год. Работа

¹⁹² Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.356.

Хомякова «Опера Глинки: Жизнь за царя»¹⁹³ была уже специфически славянофильской, затрагивая вопросы взаимоотношения слоев российского общества, их единства, соборности.

Еще одним славянофилом, кто разместил в «Москвитянине» в 1844 г. свою работу был К. С. Аксаков. Его отношения с постоянным редактором «Москвитянина» М. П. Погодиным всегда были непростыми. Непростым было и отношение К. С. Аксакова к журналам и газетам. Он предпочитал серьезные толстые неперiodические издания. Поэтому его появление на страницах журнала в 1844 г. можно расценивать как еще одно свидетельство активизации кружка славянофилов в этот период.

Несмотря на то, что не все опубликованные славянофилами в «Москвитянине» работы носили полемический антизападнический характер, нарастание публицистической активности деятелей кружка налицо.

Эта активность достигла своего пика в 1845 году, когда в качестве редактора первых трех номеров «Москвитянина» выступил И. В. Киреевский. К сожалению, этот союз продлился недолго и, выпустив три номера журнала, Киреевский покинул свой пост. Славянофилы хотели заведовать «Москвитянином» безраздельно, несколько раз предлагали Погодину продать журнал, но всякий раз получали отказ.

После этого статьи славянофилов появлялись в «Москвитянине» эпизодически и большого значения для полемики с западниками не имели. За исключением большой, почти на сто страниц, работы Ю. Ф. Самарина, направленной против реорганизованного Некрасовым «Современника»¹⁹⁴.

В дальнейшем журнал перешел в руки так называемой «Молодой редакции» во главе с А. Григорьевым. Ее деятельность и полемика с «Современником» очень важны для развития отечественной консервативной мысли¹⁹⁵, однако громких работ славянофилов в журнале уже не появляется.

¹⁹³ Москвитянин. 1844. III. С.68.

¹⁹⁴ Москвитянин. 1847. II. С.133-222.

¹⁹⁵ Об этом см.: «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850- годов / изд. Подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб. : Нестор-История, 2015. 872 с.

С конца 1840-х гг. работы славянофилов на страницах «Москвитянина» становятся редкостью.

После разрыва с «Москвитянином» у славянофилов остался только один возможный вариант для популяризации своих идей – издание сборников. Сборники – переродившиеся альманахи 1820-30-х гг. – стали очень популярны в середине 1840-х. В условиях запрета на издание новых журналов, это был практически единственный шанс обойти цензурные ограничения. Самым известным журналистом, использовавшим эту тактику, был Н. А. Некрасов. В середине 1840-х гг. им было выпущено несколько сборников, самым известным из которых стал «Петербургский сборник». Он важен не только для истории журналистики и общественной мысли, но и для русской литературы, поскольку на его страницах был напечатан первый роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Можно сказать, что Некрасов «открыл» Достоевского. Также как позднее он «откроет» Л. Н. Толстого, напечатав в «Современнике» его первую повесть «Детство».

С 1845 г. славянофилы взяли на вооружение эту же тактику. Нужно сделать оговорку, что представители кружка начали работать над изданием сборников еще в 1844 году. Т. е. за год до истории с передачей «Москвитянина» И. В. Киреевскому. Здесь стоит отметить «подражательный» характер их издательской деятельности. Первый сборник Некрасова вышел в 1843 году. Славянофилы начали работать над своим первым сборником в 1844.

Но, несмотря на то, что первые сборники стали готовиться еще до разрыва с «Москвитянином» необходимо признать, что основной причиной, побудивших славянофилов бросить все литературные силы на издание сборников, стала размолвка с Погодиным и необходимость отказаться от редактирования журнала. В этом случае восторжествовала позиция К. С. Аксакова, который настаивал на том, что кружок должен заниматься изданием солидных научных и философских изданий, а не размениваться на легковесную журналистскую болтовню, как это делали «петербуржцы». Его

более практичные товарищи по «московской партии», понимавшие необходимость иметь собственное периодическое издание, вынуждены были перейти к выпуску сборников: цензурные ограничения не оставляли иного выхода.

Всего славянофилами было выпущено пять сборников: «Синбирский сборник» (1845)¹⁹⁶, «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных» (1845)¹⁹⁷, Московские сборники 1846¹⁹⁸, 1847¹⁹⁹ и 1852²⁰⁰ гг. К этому необходимо прибавить, что был подготовлен еще и шестой сборник, но его издание было остановлено цензурой.

Эти сборники условно можно разделить на две группы по хронологическому признаку: издания середины 1840-х гг. (четыре опубликованных сборника) и издания начала 1850-х (один опубликованный сборник и один, не пропущенный цензурой).

Другим принципом, позволяющим разделить славянофильские сборники и лучше в них разобраться, является дифференциация по издателям.

Издателем первых двух сборников был Д. А. Валуев, молодой участник кружка, талантливый ученый и журналист, несколько лет до этого работавший в журнале «Библиотека для воспитания». Его сборники были талантливо составлены, он чуждался «партийности» в научной и публицистической деятельности. В частности, для участия в своих сборниках он пригласил западников Т. Н. Грановского и К. Д. Кавелина. Как отмечает Т. Ф. Пирожкова, «мало кто из славянофилов был способен на подобную

¹⁹⁶ Синбирский сборник [Текст] : часть историческая / [предисл. изд.: П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев]. - Москва : Тип. А. Семена, 1844-. - 26 см.

¹⁹⁷ Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. Москва : Б. и., 1845.

¹⁹⁸ Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1846. - 579, [2] с.

¹⁹⁹ Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1847. - 910 с.

²⁰⁰ Московский сборник : [т. 1, 2] / подгот. В. Н. Греков. - Санкт-Петербург : Наука, 2014. - 1307 с.

широту взглядов»²⁰¹. К сожалению, Д. А. Валув умер в 1845 году. Ему было двадцать пять лет. Сколько этот, несмотря на возраст, уже опытный журналист мог принести пользы издательскому направлению деятельности славянофилов, сказать непросто. Ясно одно: в лице Валуева «московская партия» потеряла одного из немногих своих деятелей, настроенных на практический лад и способных найти способ донести идеи кружка до широкой публики.

Московские сборники 1846 и 1847 гг. издавались В. А. Пановым. Уже после первого сборника стало очевидно, как славянофилам не хватает такого деятельного и талантливого издателя как Д. А. Валуев. Сборники этого периода получились толстыми, неинтересными, откровенно слабыми. Известен отзыв Н. В. Гоголя, который в письме к Н. М. Языкову про первый «Московский сборник» написал: Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантизма много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить. Вышел тот же мертвый номер «Москвитянина», только немного потолще»²⁰². Этот отзыв великого русского писателя как нельзя лучше передает ощущение, возникавшее у современников после знакомства со «Сборником». Никакой конкуренции изданиям западников «Московские сборники» времен редакторства Панова составить не могли. В первую очередь, потому что не имели единого направления и продуманности; во-вторых, из-за контента. Если издания западников наполнялись прозой известных авторов и, кроме того, как говорилось выше, открывали новые имена, то сборники славянофилов составляли, в основном, научные или полемические статьи и поэзия. Причем, поэзия, по большей части, самих членов кружка. Видно было, что в отличие от «петербуржцев», прекрасно чувствовавших ритм эпохи, славянофилы (по крайней мере, в сборниках 1846 и 1847 гг.) показали свою журналистскую

²⁰¹ Пирожкова Т. Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика : 1840-1850 гг. : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва, 2000. - 83 с. С.46.

²⁰² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков; Ред.: В. В. Гippiус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т.13. С.55.

некомпетентность. В 1840-50-х гг. поэзия уже потеряла то значение, которое имела во времена Пушкина и Лермонтова. Теперь читателей привлекала проза, и чтобы сделать журнал популярным, необходимо было привлекать известных писателей. Или, как это успешно делал Некрасов, открывать новые имена. В этом отношении вышедшее в один год с «Петербургским сборником» издание славянофилов никак не могло с ним конкурировать. Громкие дебюты, такие как роман «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, про который Белинский писал, что после его выхода «в продолжение нескольких месяцев имя г. Достоевского одно занимало наши журналы»²⁰³, делали сборники Некрасова главными литературными событиями России середины 1840-х гг.

Несмотря на «тяжеловесность» «Московских сборников» времен Панова, в заслугу редактору можно поставить то, что он сумел объединить авторов кружка и найти средства на издание сборников. Хотя сборники «москвичей» и проигрывали петербургским, все же без В. А. Панова славянофилы, возможно, остались бы совсем без печатных изданий в 1846-1847 гг. К сожалению, вскоре славянофилы остались даже и без такого редактора. В 1849 г. В. А. Панов скончался.

После выпуска второго по очередности «Московского сборника» славянофилы на несколько лет замолчали. В 1848 г. после череды революционных потрясений, охвативших Европу, правительство Николая I усилило деятельность цензуры и тайной полиции. Наступила эпоха так называемого «Цензурного террора». Славянофилы, как и многие другие представители российской общественности, были напуганы. И не без основания. Как раз в этот период многие активные деятели кружка попадают под пристальный надзор полиции. Самарин, И. С. Аксаков и В. Ф. Чижов задерживались и арестовывались; за другими устанавливался тайный надзор.

²⁰³ Белинский В. Г. Бедные люди. Роман Федора Достоевского / Современник. 1848. Т. VII. Отд. III "Критика и библиография". С. 43-44.

На издание следующего сборника славянофилы решатся только через пять лет.

В 1852 год выходит третий по счету «Московский сборник». Его редактором стал И. С. Аксаков. Молодой Аксаков учел все недостатки изданий В. А. Панова. Иван Сергеевич сумел придать сборнику единое направление, сделать его более читабельным. Для этого он решил разделить его на две части, чтобы объем тома не доходил, как это было у Панова, до тысячи страниц. Кроме того, Аксаков, чтобы популяризировать «Московский сборник» попытался привлечь к его изданию литературные и научные знаменитости. В том числе из среды западников. Так, для первой части сборника должен был подготовить статью Т. Н. Грановский. Правда Грановский не успел сдать ее до начала печати издания. Также Аксаков договорился с И. С. Тургеневым о помещении во второй части сборника его рассказа «Му-му».

«Московский сборник» 1852 года вызвал большой общественный резонанс и множество откликов. Наверное, его вторая часть вызвала бы еще большее внимание публики, учитывая, что в сборнике должно было появиться одно из главных произведений в писательской карьере И. С. Тургенева. Однако второй половине сборника не суждено было увидеть свет. Ее публикация была запрещена цензурой.

В условиях все более усиливающегося цензурного гнета славянофилы вынуждены были прибегать к другим, «непечатным» формам общественной активности.

3.2.3. «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов

В условиях жесткой цензуры и славянофилы, и их оппоненты должны были искать какие-то иные формы публицистической активности для того, чтобы доносить и популяризировать свои идеи. Причем для славянофилов этот вопрос стоял острее, чем для западников, журналистская судьба которых

была более успешной. И в тридцатых, и в сороковых годах, и даже в период «Мрачного семилетия» западники имели собственные печатные органы. Некоторые из западнических журналов находились под непосредственной, хотя и тайной, «опекой» правительства, как, например, «Отечественные записки» Краевского. У славянофилов такого издания не было. Как отмечает известный польский исследователь славянофильства А. Валицкий, между славянофилами и западниками «публичных полемик было сравнительно мало – в частности, потому, что в сороковые годы славянофилы не имели собственного регулярно выходящего печатного органа и главные свои труды опубликовали лишь в пятидесятые годы»²⁰⁴.

Они могли рассчитывать только на публикации в «Москвитянине», но этот журнал, конечно, нельзя назвать славянофильским. Иногда критике сотрудников «Москвитянина» подвергались статьи и славянофилов. Так, например, было со статьей А. С. Хомякова «О сельских условиях» 1842 г.²⁰⁵, на которую последовал ответ в восьмом номере журнала за этот же год²⁰⁶. Похожая ситуация была со знаменитой статьей Ю. Ф. Самарина «О мнениях «Современника» литературных и исторических»²⁰⁷. Вскоре после публикации на страницах того же самого «Москвитянина» появилась критика этой статьи²⁰⁸. Это особенно важно, если учесть, что Самарин писал свою статью как ответ «Современнику» - главному литературному антагонисту «Москвитянина». Этих примеров достаточно, чтобы показать насколько редакция «Москвитянина» была далека от безоговорочной поддержки славянофильства.

В ходе своей полемики с западниками славянофилы вынуждены были выработать иные, непечатные формы публицистической активности, которые были бы неподотчетны цензурным ведомствам. Такие «нецензурные» формы

²⁰⁴ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.512.

²⁰⁵ Москвитянин. 1842. III. С.293.

²⁰⁶ Москвитянин. 1842. IV. С.376-382.

²⁰⁷ Москвитянин. 1847. II. С.133-222.

²⁰⁸ Москвитянин. 1847. III. С.147-158.

борьбы использовали и западники, также как и их оппоненты, страдавшие от прессинга николаевской идеологической машины.

Первый из таких видов массовой коммуникации были диспуты в салонах и на литературных вечерах. Славянофилы и западники собирались на вечерах у Свербеевых, Елагиных и во многих других домах. Там часто завязывались нешуточные словесные баталии. Особенно знаменит был своим умением спорить А. С. Хомяков. Его любовь к словопрениям стала притчей во языцех. Это было причиной того, что публицистическая пассивность славянофилов в начале сороковых годов многие исследователи объясняют изначальным настроем Хомякова и его сторонников на словесные баталии. Так, П. Ф. Пирожкова пишет: «Время с 1839 по 1845 гг. они (славянофилы – прим. И. Л.) посвятили устному «воспитанию общества», которое было продолжено и в последующие годы»²⁰⁹. Сама эта идея «задержала журнально-издательскую деятельность славянофилов»²¹⁰.

В этом вопросе мы не можем согласиться с выдающейся отечественной исследовательницей славянофильства. Слова Хомякова в этом случае опровергаются его делами. А. С. Хомяков, несмотря на то, что предпочитал устное слово письменному, периодически писал статьи. Причем не просто статьи, а такие, в которых высказывал и развивал типично славянофильские представления или отвечал на публикации западников. Это мы можем наблюдать уже после публикации «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Сразу после его выхода в свет Хомяков написал ответ на это печально знаменитое «Письмо...»²¹¹. Ответ этот по цензурным соображениям напечатан не был: власти решили предать «Философическое письмо» забвению и даже критические статьи в адрес Чаадаева в печать не пропускать. До 1845 года, когда «Москвитянин» ненадолго перешел в руки славянофилов, Хомяковым было опубликовано четыре статьи в

²⁰⁹ Пирожкова Т. Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика : 1840-1850 гг. : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва, 2000. С.23.

²¹⁰ Там же. С. 24.

²¹¹ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М.: Московский философский фонд Издательство "Медиум", 1994.- 591 + 479 с. Т.1. С.449-456.

«Москвитянин»²¹², а кроме статей множество стихотворений. И помимо статей увидевших свет на страницах «Москвитянина» Хомяков писал работы, ходившие «по рукам» в рукописях.

Таким образом, мы видим, что Хомяков в наиболее горячий период своей устной проповеди славянофильства не избегал и писания статей. Но писал и публиковался он редко. Объяснением этому служит версия о неспособности старших славянофилов к систематическому публицистическому и издательскому труду. Именно поэтому славянофилы писали и публиковались редко (во многом поэтому; не стоит забывать о цензуре, которая часто не пропускала сочинения «московской партии»).

«Изустное» распространение своих взглядов во время вечеров, приемов и дружеских встреч стало в кон. 1830-х – нач. 1840-х гг. главным источником проповеди славянофильства. Естественно, не только славянофилы использовали эту форму распространения своих идей. Западники также активно осваивали эту модель распространения своих взглядов.

Другой «непечатной» формой популяризации своих взглядов стало для славянофилов распространение рукописных статей. Это, естественно, не было новшеством в Москве XIX в. Философские статьи и художественные произведения ходили в списках по Москве и в XVIII, и в XIX, и, как известно, даже в XX в. Такой «самиздат» использовался и славянофилами. В 1839 г. Хомяков написал статью «О старом и новом»²¹³, с написанием которой связывается появление славянофильства. Вскоре И. В. Киреевский ответил на статью Хомякова²¹⁴. Ответ этот, конечно, тоже распространялась в рукописной форме.

Но самым, наверное, известным и скандальным примером славянофильского «самиздата» были «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина²¹⁵. В

²¹² Хомяков А. С. О сельских условиях. Москвитянин. 1842. III. С.293; Он же. Еще о сельских условиях. Москвитянин. 1842. V. С.512-522; Он же. Письмо в Петербург о выставке // Москвитянин. 1843. IV. С.211-222; Он же. Опера Глинки: Жизнь за царя. Москвитянин. 1844. III. С.68.

²¹³ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т.3. М.: 1900. – 504 с. С.11-30.

²¹⁴ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского : В 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1 - Москва : Путь, 1911. С.109-121.

²¹⁵ Самарин Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. - Москва : Д. Самарин, 1877-1911. Т.7. С.3-163.

своих «Письмах...» Самарин критикует политику Российской империи в Прибалтике, засилье немцев, угнетенное положение туземного элемента. Не имея возможности опубликовать свой труд, Самарин приложил все усилия, чтобы распространить его в списках и привлечь как можно большее общественное внимание к проблемам прибалтийских крестьян. Даже не опубликованные в журналах «Письма из Риги» привлекли внимание цензуры и тайной полиции. Самарин был арестован. Николай I лично выразил ему недовольство за его статьи.

Интересно, что впоследствии, уже в годы правления Александра II, Самарин в течение нескольких лет печатал за границей продолжение «Писем из Риги». «Окраины России» - так озаглавил Самарин продолжение «Писем...» – продолжали исследование вопроса о положении прибалтийских крестьян и их притеснении со стороны остзейских немцев. «Окраины России» вызвали не меньший резонанс, чем в свое время «Письма из Риги»²¹⁶.

Переписывание и распространение публицистики и художественных произведений в первой половине XIX в. было для России нормой. Переписывались стихи, памфлеты и даже целые пьесы. Так, «Горе от ума» Грибоедова впервые увидело свет именно в качестве «самиздата».

Естественно, западники не остались в стороне от такого вида публицистической активности. Еще до появления «О старом и новом» по Москве в списках ходили «Философические письма» Чаадаева. Примечательны здесь два момента. Первый – личность одного из самых преданных «полиграфистов» Чаадаева. Многие списки «Философических писем» были переписаны М. В. Киреевской. Мария Васильевна Киреевская – сестра славянофилов И. В. и П. В. Киреевских – была горячей поклонницей Чаадаева. В первую очередь, поклонницей его личности, а не учения. Это интересный факт прекрасно иллюстрирует положение дел у враждующих

²¹⁶ Пирожкова Т. Ф. «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. №3. С.130-150.

партий. Несмотря на идеологический антагонизм, славянофилы и западники принадлежали к одному дворянско-консервативному общественному кругу и философские противоречия никак не могли помешать их личному общению и даже дружбе. По крайней мере, такая ситуация сохранялась до сер. 1840-х гг.

Интересно отметить еще одну особенность русского общества николаевской эпохи, связанную с фактом существования рукописного варианта «Философических писем». Как известно, публикация первого из восьми «Писем...» в журнале «Телескоп» вызвала широкую общественную реакцию и стала главным литературным событием эпохи. Автор «Писем...» подвергся преследованиям. Сначала Чаадаев прошел через ряд допросов, потом был объявлен сумасшедшим. Редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин был отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, а сам журнал закрыт. Герцен сравнивал появление «Философического письма» в печати с «выстрелом в темную ночь»²¹⁷. Одним словом, такого резонанса как от публикации статьи Чаадаева до этого российская пресса не знала. Но интересен не сам резонанс от чаадаевского произведения, а то, что «Философические письма» были написаны в начале тридцатых годов и к моменту публикации (1836 г.) идеи Чаадаева были известны всей образованной Москве. Но именно появление их в печати вызвало небывалый резонанс. Это показывает, насколько важным в период правления Николая I было иметь возможность публиковаться. Опубликованная статья вызвала в разы больший эффект, чем распространявшаяся в списках. Это еще раз показывает, в насколько более выгодном положении находились по сравнению со славянофилами западники, у которых были собственные печатные органы.

Наконец, помимо салонной полемики, журнальных публикаций и распространявшегося в рукописной форме «самиздата» существовала еще одна форма обмена мнениями между славянофилами и западниками. Мы называем ее «смешанной». Это те случаи, когда на опубликованную работу

²¹⁷ Герцен А. И. Былое и думы. – Собрание сочинений в 30 томах, т. IX. М., Изд-во АН СССР, 1956. С.139.

пишется возражение, но за неимением возможности публикации, статья остается и получает распространение в рукописной форме. Таких примеров в 1830-50-х гг. мы видим много.

Первый пример такой «смешанной полемики» – уже упоминавшийся ответ Хомякова на «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Другим, более ярким и интересным примером «смешанной полемики» является ряд статей, написанных представителями разных философских течений сороковых годов в 1842 г. Началом этой «смешанной полемики» стала опубликованная в «Москвитянине» Хомяковым статья «О сельских условиях». Как уже упоминалось, на нее последовал ответ от редакции журнала. Здесь против Хомякова выступили уже представители «теории официальной народности», рупором которой был «Москвитянин». Но уже в следующем номере в разделе «Антикритика» появился ответ Хомякова на статью редакции. Здесь мы видим столкновение, хотя и мирное, представителей консервативного крыла русской общественной мысли. Но самое интересное, что в том же 1842 г. ответ на статью Хомякова «О сельских условиях» написал П. Я. Чаадаев²¹⁸. Естественно, Чаадаев не мог отдать ее ни в один журнал. После появления «Философических писем» ему был закрыт доступ к любой официальной публицистической деятельности. Поэтому Чаадаев писал свой ответ на статью Хомякова, не имея никакой надежды на размещение своей работы в печатных СМИ. Но он считал этот способ активности вполне уместным и действенным для того, чтобы высказать свои контраргументы на статью Хомякова.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что славянофилы использовали для распространения и популяризации своих взглядов несколько «непечатных» форм:

1. форма устного диспута;
2. распространение своих произведений в рукописной форме;

²¹⁸ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. — М.: Наука, 1991. — Т. 1. — 798 с. С.539-546.

3.форма «смешанной полемики», когда на опубликованное произведение приходилось отвечать рукописями.

В освоении всех этих форм славянофилы не были первопроходцами. Не менее активно все эти способы использовали и западники. Несмотря на то, что западники, в отличие от адептов славянофильства, имели собственные печатные органы, николаевская цензура не давала возможности говорить «в полный голос» и волей неволей и той, и другой из враждующих направлений приходилось пользоваться намного менее эффективными по сравнению с печатью способами проповеди своих взглядов. Это не могло не сказаться негативно на развитии русской философии и общественной мысли. Основной вопрос русской философии, «Великий спор» сороковых годов, дал лишь эпизодические примеры философской полемики. Цензурная политика Николая I не давала возможности общественно-политическому противостоянию двух философских течений перерасти в широкую публицистическую полемику.

3.3. Дальнейшее развитие печати в России и появление периодических изданий славянофилов

3.3.1. Революция в формах и характере массовой коммуникации в середине XIX века: Крымская война и развитие СМИ

Крымская война является одним из важнейших эпизодов не только в отечественной истории, но и в истории Европы девятнадцатого столетия. «По целям, количеству жертв и театрам военных действий она была не региональным, а мировым конфликтом» (1, 56)²¹⁹. Последствия ее, как для политической, так и для других сфер российского общества были огромны. В России она сыграла важную роль в деле отмены крепостного права, тормозившего на протяжении столетий экономическое и социальное

²¹⁹ Галушко Ю.А. Крымская кампания как вектор внешней политики Англии в середине XIX века//Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 26. С. 54-65. С.56.

развитие страны. Предпосылок для крестьянской реформы было достаточно и без Восточной войны, и скорее всего Александр II решился бы на отмену крепостной зависимости и без позорного поражения в Крыму (хотя история и не знает сослагательных наклонений), но фиаско русского оружия в Севастополе дало мощный импульс для реформаторских преобразований нового царя. Вступив на престол, Александр II получил моральную санкцию на самые радикальные реформы. Более того, общество требовало их.

Для Европы эта война также имела большое значение и оказала немалое влияние на расстановку сил в Старом Свете. По утверждению британского историка А. Ламберта, «Крымская война... кардинально изменила баланс сил в Европе и подготовила почву для Первой Мировой войны»²²⁰. Во-первых, исход Крымской кампании способствовал усилению Сардинии, укреплению ее международного авторитета. Теперь Пьемонтские монархи еще сильнее утвердились в качестве лидеров в деле объединении Италии. Последствия войны способствовали сближению России и Центральных держав (Пруссии и Австрии). Это впоследствии привело к союзу трех императоров. Желание Петербурга добиться отмены условий Парижского мира сблизило российскую дипломатию с Пруссией, которая в те годы стала лидером в деле объединения Германии. Можно вслед за А. Ламбертом сказать, что «Крымская война лежала в основании появления двух новых могущественных государств – Италии и Германии»²²¹.

Эта война нашла широкое отражение в литературе. Всем известны «Севастопольские рассказы» Толстого; упоминание о Крымской войне находится в «Левше» Лескова и многих других отечественных произведениях эпохи. В английской литературе широко известна баллада Теннисона «Атака легкой кавалерии», описывающая события под Инкерманом. В Британии в годы Крымской войны «все печатные издания,

²²⁰ Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 06.02.2019)

²²¹ Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 06.02.2019)

получившие огромную популярность именно благодаря своей моментальной реакции на события, были также заполнены стихами на военную тему»²²².

Но сколь бы не были важны крымские события для европейской политики или литературы, еще более значима Восточная война для истории журналистики. Можно без преувеличения сказать, что в летописи развития мировой журналистики нет более важного события, чем Русско-турецкая война 1853-1856 гг. Естественно, важны для истории журналистики не военные баталии и политические хитросплетения, а те нововведения и инновации, которые впервые были использованы западными, по преимуществу английскими, журналистами при освещении этого столкновения.

Сегодня исследователи называют Восточную войну первой в истории человечества медиавойной²²³. И это нельзя назвать преувеличением. В годы крымской кампании впервые новейшие технологии были использованы для создания образа врага.

Первым ноу-хау, использованным британскими СМИ, была быстрая доставка новостей при помощи телеграфа. Лидером в использовании этого нового технического средства стал флагман британской прессы газета «Times». Благодаря быстрой доставке сообщений Times оперативнейшим для девятнадцатого столетия образом информировала своих читателей о последних новостях Крымского войны. Даже военные использовали эту знаменитую газету как источник информации.

Другим важным моментом стали военные репортажи непосредственно с места событий. «Times» имела в Крыму собственного спецкора. Вообще наличие у периодического издания специальных корреспондентов – неслыханная вещь для прессы первой половины/середины девятнадцатого столетия. Именно английская газета начала впервые

²²² Сидорова О.Г. Изображение Крымской войны в английской литературе// Известия Уральского Федерального Университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014, №3, с.106-113. С.107.

²²³ Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 06.02.2019)

использовать это новшество. «В годы Крымской войны тираж газеты превысил 70 тысяч благодаря репортажам с поля боя корреспондента газеты Уильяма Ховарда Рассела»²²⁴. Таким образом, в Крыму началась еще и история военной журналистики.

Еще одной важной вехой в летописи журналистики стала деятельность фотографа Роджера Фентона. После репортажей Рассела, критиковавшего английское командование войсками, буря негодования пронеслась по британскому обществу. Королевский дом и правительство Туманного Альбиона решили в противовес обличительным статьям Рассела об ужасах войны создать в общественном сознании положительное, альтернативное видение Крымской кампании. Для этого личный королевский фотограф Роджер Фентон был отправлен в Крым. Из трехмесячной экспедиции на полуостров, имевшей место в 1855 году, Фентон привез сотни фотографий. На его снимках нет кровавых сцен, ужасов обыденной солдатской жизни. Фентон изображал повседневные занятия солдат и офицеров, фотопортреты главнокомандующих, колоритных турок и местных жителей, а также виды Тавриды.

В годы Крымской войны о себе заявило крупнейшее на сегодня новостное агентство «Рейтерс». Основанное за два года до начала войны предприятие так же как и «Times» делало ставку на использование телеграфа. Главной специализацией «Рейтерс» как тогда, так и сейчас, были финансовые новости. Но и освещением общественно-политических событий уделялось немалое внимание. Информационное агентство – новый продукт на английском медиарынке долгое время не воспринимался всерьез. Большим прорывом для «Рейтерс» стало освещение севастопольских событий. Именно «Рейтерс» первым сообщило о падении города, что значило де-факто окончание войны.

²²⁴ Косарев С. И. «The Times» и ее роль в жизни Англии во второй половине XIX века. Вестник Брянского государственного университета, 2012, №2, с.118-121. С.119.

Еще один важный момент медиавойны, проводимой Британской короной против России, было использование «пятой колонны» российского общества в своих идеологических целях. А именно – деятельность русских социалистически настроенных авторов, поддерживаемых Англией. Не секрет, что оппозиционные настроения в российском обществе на тот момент были сильны. Особенно в среде интеллигенции. Самыми популярными публицистами Николаевской эпохи были Белинский, Герцен и близкие к ним авторы. Все они негативно относились к самодержавию (по крайней мере, к абсолютизму точно) и зачастую не скрывали своих чувств. В годы правления Николая I частыми явлениями становятся закрытия журналов, ссылка негодных правительству публицистов и пр. Несмотря на цензурные ограничения и деятельность III отделения, литературная критика антиправительственной направленности не перестает существовать, а авторы пользуются небывалым авторитетом в общественных кругах.

Одним из таких популярных литераторов, подвергавшихся ссылкам, запретам и прочим пресечениям, был Александр Иванович Герцен. Эмигрировав из России в сороковых годах, Герцен вместе со своим другом и сподвижником Н. П. Огаревым организует революционную антиправительственную издательскую деятельность. Ими выпускается знаменитый «Колокол» - печатавшееся за рубежом издание на русском языке, распространявшееся в среде русских эмигрантов и тайно ввозившееся в Россию. Первые выпуски «Колокола» появляются в 1857 году уже после окончания Крымской войны, но издательская деятельность Герцена начинается еще до выпуска этого журнала. В 1853 году им организована Вольная русская типография. Типография начинает свою работу в самый канун начала Крымской войны. Выпускаются листовки, и готовится к печати альманах «Полярная звезда». Сами боевые действия начались через несколько месяцев после выхода первой листовки, однако, то, что война предстоит, если не реальная, то, по крайней мере, дипломатической, на тот момент уже было очевидно. Герцен надеялся, что издания его типографии

станут агитационной и дискуссионной площадкой по вопросам, на освещение которых в николаевской России было наложено табу. Он обращался к читателям с просьбой предоставлять материалы для публикации: запрещенные статьи, неопубликованные по цензурным соображениям стихи и рассказы. Но ответа с Родины Герцен так и не дождался. В первых номерах его газет и альманахов находятся в основном его собственные произведения.

Неизвестно, было ли это совпадением, но издательская деятельность Герцена началась в год Крымской войны, и местом, где располагалась Вольная русская типография, был Лондон. Вполне возможно, что это совпадение. Герцен, при всей своей спорности, не производит впечатления ренегата, готового на предательство интересов своей Родины. Однако его нелюбовь к царившему в России режиму могла быть использована странами-союзницами по антироссийской коалиции. Известно, по крайней мере, что Герцену в решении его финансовых трудностей, а также в распространении печатной продукции оказывал Джеймс Ротшильд – известный банкир, близкий к правящим кругам и английского, и французского общества.

Таким образом, Крымская война стала знаковой не только для политической жизни Европы, но и для развития СМИ. А. Ламберт говорит о том, что Восточная кампания была срединной точкой (midway point) между Ватерлоо и Первой мировой²²⁵. Для истории медиа это противостояние представляется таким же центральным пунктом. После Крымской войны, а во многом благодаря ней, в СМИ появляется целый спектр новых явлений. Это использование новейших технологий, таких как телеграф и фотография; это использование СМИ в качестве оружия для создания образа врага – медиавойна. Это появление военных репортеров и спецкоров, а также развитие новых медиапродуктов (новостное агентство). И, наконец,

²²⁵ Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 06.02.2019)

использование общественной оппозиции в стане противника в качестве медиаоружия, создание «пятой колонны».

Нельзя сказать, что все эти новшества появились благодаря или из-за Восточной войны. Телеграф использовался бы СМИ, конечно, и без нее. Новостное агентство «Рейтерс» было основано за два года до начала военных действий. Точно также и фотография стала бы использоваться в печати и без крымских событий. Но в середине столетия вектор развития европейской политики совпал с развитием прессы, технологий и социальной динамикой западноевропейского общества. Благодаря этому Крымская война вошла в историю не только как знаковое вооруженное противостояние, значительным образом повлиявшее на политическое развитие Европы, но и как важное событие в развитии СМИ.

Военный конфликт 1853-1856 годов между Россией и коалицией европейских держав изменил представление о войне, о прессе, и о значении прессы в условиях войны. С. Марковиц, исследовательница английской литературы и общественного мнения той поры, утверждает, что Восточная война кардинальным образом изменила в представлении английского общества викторианской эпохи мнение и представление о вооруженном конфликте. Если до Севастополя первыми ассоциациями, связанными с войной были аристократические денди, то после – неизвестный солдат, «рядовой Смит». Единственные не обезличенные герои этой поры – это Флоренс Найтингейл и Вильям Говард Рассел. «С одной стороны мужчина, владеющий пером, с другой – женщина, держащая лампу: в поле зрения ни меча, ни даже мушкета»²²⁶.

Эта война тоже стала также *midway* в развитии российской прессы. В 1855 году в самый разгар Крымской кампании умирает Николай I. Пришедший ему на смену либерально настроенный Александр II, проводит ряд либеральных реформ, одной из причин которых стали неудачи русской

²²⁶ *Markovits S.* On the Crimean War and the Charge of the Light Brigade [Electronicresource]. URL: http://www.branchcollective.org/?ps_articles=stefanie-marcovits-on-the-crimean-war (mode of access: 06.02.2019)

армии в Севастополе. В связи со сменой политического курса происходит ослабление цензуры. На арену медиабаталий выходят крупнейшие полемисты девятнадцатого века: Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, сотрудничавшие в «Современнике» Некрасова; близкий им по духу критик «Русского слова» Писарев и многие другие. Они выступают с острой критикой правительства, коллег-либералов, проводимых в обществе реформ. Хотя цензура полностью еще не исчезла, но уровень общественного накала, создаваемый некрасовским журналом не идет ни в какое сравнение с критическими статьями предшествующей эпохи. Появляются новые медиа скандалы, самым известным из которых стало хрестоматийное дело Чернышевского. Посаженный в Петропавловскую крепость за свою публицистическую деятельность, Чернышевский пишет свой знаменитый роман «Что делать?», который цензура неожиданно пропускает в печать. Роман, утопический и революционный по своему содержанию, наделал много шума. До сих пор остается загадкой, как могли цензурные ведомства разрешить к печати такое революционное по своему духу произведение, написанное к тому же революционером №1. Вполне возможно, что факт публикации «Что делать?» сильнее всего свидетельствует об ослаблении цензурных ограничений в первые годы царствования Александра II. Хотя есть и другие версии этого казуса. Традиционно высказывается предположении о том, что цензура не заметила всей крамольности романа. Хотя трудно поверить, что десятилетиями создававшаяся машина III отделения по борьбе с инакомыслием вдруг так сплеховала. Интересное предположение выдвинул в своем романе «Дар» выдающийся русско-американский писатель В. В. Набоков.²²⁷ Он утверждал, что цензура пропустила «Что делать?» в печать намеренно, с целью дискредитации автора в глазах литературной общественности. Произведение Чернышевского написано таким ужасным языком, что появление такого

²²⁷Набоков В. В. Дар; Приглашение на казнь; Другие берега; Весна в Фиальте / В. В. Набоков ; гл. ред. Д. В. Тевекелян ; сост. В. П. Старк ; Ин-т "Открытое общество". – Москва : Слово / Slovo, 1999. – 679 с. – (Пушкинская библиотека).

«шедевра» должно было полностью уронить авторитет его создателя. Но, как оказалось, либеральная публика была далека от эстетства, и, невзирая на бездарный слог Чернышевского, подняла его на копы. Трудно сказать, насколько верно предположение Набокова, но с главными его аргументами трудно не согласиться: действительно, стиль Чернышевского просто ужасен, в чем имели возможность убедиться многие поколения отечественных школьников.

Большие изменения произошли и в публицистической деятельности славянофилов. С началом реформ у них появляются собственные журналы, которые, правда, существуют очень непродолжительное время. Несмотря на смягчение цензуры, ограничение свободы слова еще действуют, и, как это было и в николаевскую эпоху, ограничения эти бьют по своим. Оппозиционные журналы, подвергающие правительство и его реформы огульной, неконструктивной критике, существуют на протяжении всего правления Царя-реформатора. Иногда они закрываются, иногда их деятельность ограничивается каким-то периодом времени, иногда они мимикрируют, меняют окрас, подчас создавая новые издания, но сохраняя свой антимонархический настрой. С другой стороны, славянофилы со своими консервативными убеждениями, поддерживающие существующий гос. строй, и только в частностях расходящиеся с государственной идеологией, подвергаются опале. Но в любом случае, последовавшие за Крымской войной Великие реформы дали стимул к развитию изданий славянофилов и близких к ним групп. Поэтому со второй половины 50-х мы встречаемся с новым феноменом в российской прессе – изданиями славянофилов.

3.3.2. Издания славянофилов 1856-1860 гг.

С 1855 по 1860 гг., в период подготовки крестьянской реформы, славянофилами выпускались несколько периодических изданий, важнейшим

из которых была «Русская беседа», редактировавшаяся А. И. Кошелевым, а с 1858 г. – И. С. Аксаковым.

«Русская беседа» (1856-1860) была коллективным детищем славянофильского кружка, в котором принимали участия все активные деятели «московской партии». Несмотря на то, что «Беседа» стала первым журналом славянофилов, и теперь они могли, наконец, высказывать свои взгляды, к которым в обществе был неподдельный интерес, «Русская беседа» не смогла завоевать признания читателей.

Кроме «Русской беседы», которая была общим для всех славянофилов, «соборным» изданием, в котором они все в той или иной мере были задействованы, были и «частные» издательские проекты. Константин Аксаков в 1857 г. выпускал газету «Молва», которая по сложившейся за годы предыдущего царствования традиции была закрыта цензурными органами. Интересно отметить, что запретили газету Аксакова за его же статью «Народ и публика. Опыт сравнения», которую можно назвать резкой, может быть немного провокационной, но никак не крамольной. Здесь мы опять, уже в царствование нового, либерального царя видим предвзятое отношение к славянофильской партии со стороны власти. Вместе с тем, в эти же годы в «Современнике» продолжают работать и печататься Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, антиправительственный запал которых известнее всем.

Помимо этих изданий славянофилами выпускались журнал «Сельское благоустройство» (1858-1859) и газета «Парус» (1859). «Сельское благоустройство» издавалось А. И. Кошелевым, и было посвящено вопросам проведения близившейся тогда Крестьянской реформы. Издание было закрыто Кошелевым в 1859 г. Снова из-за проблем с цензурой. В этот раз запрета на издания не было, но многочисленные проволочки, урезание и запрет к публикации многих статей, сделали издания журнала для Кошелева невозможным.

Газета «Парус» издавалась И. К. Аксаковым. В ней приняли участие ведущие деятели славянофильского кружка и близкие к ним люди, такие как

М. П. Погодин, Н. М. Языков и другие. Уже после выпуска второго номера газета была закрыта цензурными органами.

Несмотря на то, что после смерти Николая I славянофилы все же обзаводятся собственными печатными органами, их деятельность в этот период на наш взгляд уже нельзя рассматривать как продолжение «Великого спора» сороковых годов между славянофилами и западниками. Польский исследователь славянофильства Анджей Валицкий приводит этому следующие объяснения:

- во-первых, изменился дух эпохи. «Конец николаевской эпохи, - отмечает польский автор, - стал также началом конца славянофильской утопии. Условия, созданные «оттепелью», хотя и не означали принципиальных изменений в структуре самодержавия, в корне изменили общий идейный климат эпохи, повлекли за собой настоящую революцию в общественном сознании»²²⁸. Теперь, когда на пороге стояли неслыханные для России перемены, и характер этих перемен призывал всех принять в них посильное участие, время отвлеченных историософских концепций прошло. После 1855 года в философской и общественной мысли России наблюдается переход от теоретических построений к поиску практических путей решения насущных социальных проблем. Это привело к тому, что многие начинания славянофилов в этот период, как в личной активности, так и в сфере печати и публицистики, носят именно практический характер. Так, А. И. Кошелев, один из самых активных деятелей славянофильского кружка, занимается не только изданием главного органа «москвичей» журнала «Русская беседа», но и организовывает издание с чисто практическим направлением «Сельское благоустройство»;

- во-вторых, в период подготовки и проведения Крестьянской реформы наблюдается сближение славянофилов и западников по ряду практических вопросов. И часто они превращаются из философов-антагонистов, не

²²⁸ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.526.

желающих лично общаться друг с другом, в соратников. Правда, в соратников по поводу отдельных вопросов. В это время появился «фундамент долговременного союза между славянофильскими деятелями и их недавними противниками либерально-западнического толка»²²⁹. Ярчайшим примером такого сближения была позиция Кавелина по крестьянскому вопросу. Следует напомнить, что Кавелин в 1847 году был участником журнальной полемики между славянофилами. Главным антагонистом как «Современника», в котором печатались западники, так и лично Кавелина был Ю. Ф. Самарин. Теперь же, с началом подготовки Крестьянской реформы «автор антиславянофильского синтеза истории России занял в крестьянском вопросе позицию, почти целиком совпадающую с позицией его славянофильского антагониста Самарина... Это сходство распространялось даже на вопрос об общине: мыслитель, защищавший «принцип личности», в шестидесятые годы признал, что в споре об общине правота – а стало быть, и великая историческая заслуга – была на стороне славянофилов, а не западников»²³⁰. И это касается не одного только Кавелина. «Близость к славянофилам ощущал тогда не только Кавелин, но и Чичерин – «кошмар» славянофилов, решительный противник общины, последовательный сторонник либеральной, даже вульгарно-либеральной политэкономии. В своих воспоминаниях он высоко оценивал вклад славянофильских деятелей реформы и отмечал свое полное согласие с ними «в самом существе дела»²³¹.

Эти факторы, по мнению Валицкого, привели к тому, что «славянофильская утопия, родившаяся в условиях, при которых была невозможна любая деятельность, не могла пережить эпоху Великих реформ Александра II»²³².

²²⁹ Там же. С.532.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. С.533.

²³² Там же. С.517.

По нашему мнению, самым главным и простым аргументом в подтверждение мнения Валицкого о том, что уже в дореформенный период спор славянофилов и западников угас (или получил иную, несвойственную «Великому спору» сороковых, форму) является простой факт смерти основных участников этого философского противостояния. Главные представители западников, самые яркие фигуры этой партии, скончались либо до 1855 г., либо вскоре после. В 1848 г. умер признанный лидер западников В. Г. Белинский. В 1855 г. скончался Т. С. Грановский. Через год после него умер самый известный и харизматичный западник П. Я. Чаадаев – человек, с которого во многом спор со славянофильской партией и начался. Другой лидер западников А. И. Герцен бежал из России и в пятидесятых годах жил и занимался издательской деятельностью в Англии, также как и его сподвижник Н. П. Огарев, покинувший Россию в 1856 г. М. А. Бакунин в 1851-1861 гг. находился в ссылке в Сибири, а после бежал из России. Таким образом, можно сказать, что самые известные и деятельные представители западников к моменту воцарения Александра II или вскоре после него либо скончались, либо оказались за границей.

Кружок славянофилов тоже потерпел значительный урон. Еще в 1845 г. умер один из самых деятельных участников кружка Д. А. Валуев. Валуев скончался в возрасте двадцати пяти лет, не успев внести существенного вклада в развитие славянофильской доктрины, но, вместе с тем, для истории славянофильства это очень важная фигура. Именно он выпустил в 1845 г. первые сборники славянофилов²³³. Таким образом, Валуев не оказав значительного влияния на идейное развитие славянофильства, повлиял на развитие кружка в институциональном аспекте. Именно им была заложена форма публицистической активности, которой только и могли в условиях жесткой николаевской цензуры пользоваться славянофилы.

²³³ Синбирский сборник : часть историческая / [предисл. изд.: П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев]. - Москва : Тип. А. Семена, 1844; Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовременных и единоплеменных. - Москва : Б. и., 1845.

В 1856 г. славянофильство понесло еще большую утрату. В этом году скончались И. В. и П. В. Киреевские. Братья Киреевские, в особенности Иван Васильевич, играли важнейшую роль в кружке старших славянофилов. Можно сказать, что в 1856 г. славянофильство потеряло двух важнейших членов, стоявших в свое время у истоков этого течения. На закате дореформенного периода царствования Александра II и другие лидеры «славян» оканчивают свой земной путь. В 1860 г. умирают Т. С. и К. С. Аксаковы и А. С. Хомяков – самый известный представитель кружка, с именем которого у большинства людей ассоциируется славянофильство.

Говоря о главных представителях славянофильства, создавших его доктрину, известный нижегородский исследователь Л. Е. Шапошников пишет: «Обычно, когда дают характеристику раннему славянофильству, называют не более десяти имен людей, составляющих костяк этого течения. Если же говорить о вкладе в развитие идеологии славянофильства, то можно ограничиться четырьмя именами. Это прежде всего А. С. Хомяков, сформировавший основополагающие принципы этого течения; И. В. Киреевский, известный в первую очередь стремлением разработать основополагающие установки славянофильской философии, а также К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин, внесшие ряд новаций в славянофильское учение и ставшие талантливыми пропагандистами его идей»²³⁴. А. Валицкий в своей книге ²³⁵ рассматривает в качестве главных идеологов славянофильства только А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и К. С. Аксакова. Значит между 1855 (смерть Николая I) и 1861 (Крестьянская реформа) годами славянофильство потеряло всех (или почти всех) своих главных идеологов.

Таким образом, после 1855 г. и славянофилы, и западники потеряли своих главных представителей. И это, на наш взгляд, служит главным подтверждением тезиса Валицкого. Это не значит, что славянофильство

²³⁴ Шапошников Л. Е. А. С. Хомяков, его жизнь и учение. Нижний Новгород, 2005. С.25.

²³⁵ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica).

исчезло. Наоборот, если посмотреть с институциональной точки зрения, то эпоха Александра II была расцветом этого учения. Славянофильство имело собственные печатные органы, пользовалось известностью в России и за рубежом, влияло на общественное мнение. Просто *modus vivendi* этого философского течения изменился. Если время «Великого спора» было эпохой генезиса идеологии противоборствующих партий, выражаясь языком неоплатонизма, временем «пребывания» (*monē*), то шестидесятые годы – период «исхода» (*epistrophe*). Правление Александра II дало славянофилам возможность (которой они успешно воспользовались) обзавестись собственными печатными СМИ и транслировать свои идеи на широкую публику. В первую очередь, этим занимался И. С. Аксаков, который в 1850-80-х гг. был издателем и редактором нескольких славянофильских журналов и газет. Но это уже не было временем идеологического столкновения двух философских кружков. Это стало столкновением двух больших общественных движений, имеющих многих сторонников, собственные печатные органы и влияние на широкие массы.

Можно сказать, что славянофильство и западничество, выйдя из своих узких рамок, как реки из берегов, превратились в огромные течения, мало имеющих общего с истоками. Если в 1840-е славянофильство и западничество были именами собственными, которыми обозначались конкретные философские кружки, то начиная с эпохи Великих реформ эти названия стали именами нарицательными. Теперь они включали в себя представителей различных социальных групп; к западникам относили себя тысячи читателей «Современника» - славянофилами были подписчики «Дня» и других издательских проектов Аксакова.

Кроме того, после 1855 г. славянофильство и западничество уступили место новым общественно-политическим движениям. Продолжателями западничества стали теоретики социализма. Если в 1840-х в «Современнике» задавали тон Белинский и Кавелин, то в 1850-х главные критики журнала – Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. «Москвитянин», орган, который

поддерживал славянофилов и некоторое время редактировался ими, в 1/2 1850-х был отдан в руки т.н. «Молодой редакции». «Молодая редакция» была у истоков почвенничества – течения идеологически близкого к славянофильству, но отличавшегося от него рядом идей. К славянофилам причислял себя Ф. М. Достоевский, который справедливо считается одним из лидеров почвенничества. К слову, в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» работал после «Москвитянина» главный идеолог «молодой редакции» Аполлонов-Григорьев.

Таким образом, если мы говорим о славянофильстве в узком смысле слова, используя этот термин как имя собственное для обозначения консервативно настроенного кружка московских интеллектуалов во главе с А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, то мы вынуждены хронологически ограничить употребление этого термина 1830-50-гг. А возможно говорить о славянофильстве можно начиная лишь с конца 1830-х или даже с 1840-х гг. Подтверждением этого может служить и то, что «как наименование определенного направления русской общественной мысли понятие «славянофилы» начинает употребляться именно в 40-х годах XIX века»²³⁶. С 1860-х гг. мы имеем дело уже с эпигонами славянофильства.

²³⁶ Шапошников Л. Е. А. С. Хомяков, его жизнь и учение. Нижний Новгород, 2005. С.25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Славянофилы, как и другие представители интеллектуальных течений николаевских времен, пытались обойти и непомерно строгие, а иногда и откровенно бессмысленные запреты царской цензуры. В главе 1.4. мы попытались дать периодизацию развития царской цензуры в 1825-1855 гг. Нами было выделено три этапа:

- 1 период – становление цензурного аппарата (1826-1836);
- 2 период – установление тотального контроля над печатными СМИ (1836-1848);
- 3 период – «Мрачное семилетие» или «Эпоха цензурного террора»²³⁷.

Рассмотрев развитие николаевской цензуры, мы пришли к выводу, что в течение всего правления Николая I цензурный гнет с каждым годом увеличивался. Иногда царь и его приближенные (в первую очередь, люди, возглавлявшие III отделение, и особенно его первый руководитель А. Х. Бенкендорф) под напором общественного мнения «шли на попятную», как было, например, в случае замены «Чугунного Устава» более либеральным законом 1828 г. Но, в целом, усиление цензуры в 1825-1855 гг. носило постоянный характер.

Главная сложность, которая выпала на долю, как славянофилов, так и западников, состояла в том, что становление и самые яркие моменты их спора пришлось на второй период развития цензуры. Этот период характеризуется установлением полного контроля власти над СМИ, когда кроме строжайшей цензуры в 1836 г. был издан указ, запрещающий выпуск новых журналов²³⁸. Собственно говоря, со значительной долей уверенности можно сказать, что начало этого периода хронологически совпадает с

²³⁷ Естественно, термины «Мрачное семилетие» и «Эпоха цензурного террора» придуманы не нами. Это название утвердилось за последними годами царствования Николая I еще в дореволюционной историографии.

²³⁸ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб.: Типография Морского министерства. – 462 с. С.227.

началом спора славянофилов и западников²³⁹. Ведь в тоже время появляется знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. И хотя споры с представителями западного направления начались у А. С. Хомякова и его соратников задолго до 1836 г., но «1836 году публикация чаадаевского сочинения заставила оппонентов положить на бумагу содержание их салонных бесед»²⁴⁰. Это стало важным моментом в институализации «Великого спора», в переходе простых споров на страницы журналов и книг. Подробнее значение Чаадаева для истории российской печати и общественной мысли, а также для начала публицистической активности славянофилов и западников рассмотрены нами в главе 2.

Таким образом, и славянофилы, и западники, оказались в условиях, когда обзавестись собственным печатным органом было очень непросто. Конкуренты должны были выработать тактики, которые бы позволили им обойти ограничения царской цензуры. Самым предпочтительным вариантом была покупка уже существовавшего до 1836 г. журнала и использовании его в качестве своей идеологической платформы. Это удалось сделать западникам, когда Н. А. Некрасов купил в 1846 г. журнал «Современник». Кроме того, у западников было еще одно популярнейшее издание «Отечественные записки». Этот журнал начал выходить до 1836 года. Он, кроме того, пользовался покровительством правительства, несмотря на свой «уклон влево», поэтому беспрепятственно выходил в свет, несмотря на рост цензурного гнета.

Славянофилам не удалось обзавестись собственным печатным органом. Причины у этого явления были и объективные, и субъективные. К объективным причинам можно отнести отмечаемый исследователями вопроса факт «лени» старших славянофилов. Отмечали это не только

²³⁹ Единого мнения о начале генезиса славянофильства и противостоящей ему партии в науке нет. В основном исследователи называют три даты: 1) начало 1830-х (период после Польского восстания); 2) 1836 г. – публикация «Философического письма» П. Я. Чаадаева; 3) 1839 г. – появление статьи А. С. Хомякова «О старом и новом» и ответа на нее И. В. Киреевского.

²⁴⁰ Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28315-yazyk-i-kontekst-v-russkoy-intellektualnoy-istorii-pervoe-filosoficheskoe-pismo-chaadaeva.html> (дата обращения 09.07.2019).

исследователи, но и сами старшие славянофилы. А. С. Хомяков и братья Киреевские – а это на тот момент главные интеллектуальные силы «московской партии» – были очень «нерегулярно пишущими» авторами и привычки к постоянному литературному и издательскому труду не имели. Это отчасти объясняется чертами характера, а отчасти – социальным происхождением. И Хомяков, и Киреевские были обеспеченными помещиками, и литература не представляла для них коммерческого интереса. Другое дело западники, основные «журнальные» деятели которых были разночинцами и просто-напросто существовали за счет своего литературного труда.

Но это рассуждение справедливо только отчасти. Дело в том, что среди младших славянофилов, которые пополнили ряды «московской» партии к середине 1840-х, то есть к моменту начала «информационной войны» между двумя противоборствующими лагерями российской общественной мысли, было множество активных молодых людей, которые вынашивали идею покупки журнала и превращения его в орган славянофильства. Вместе с тем, такая покупка и перестройка журнала не была осуществлена из-за вмешательства властей. Здесь вступает в силу уже субъективный фактор – фактор негативного отношения к славянофилам властей предрежащих. Этот вопрос мы рассматриваем в пункте 2.3.1.

Итогом этих неудач стало для славянофилов априори проигрышное положение относительно западников, которые имели собственные периодические издания – самый сильный рычаг информационного воздействия на общество в тот период. Славянофилы вынуждены были искать другие формы преодоления цензурных барьеров. Здесь ими использовалось несколько тактик, которые мы объединили в две группы: «печатные» и «непечатные». Их мы рассматриваем в главах 3.2.2 и 3.2.3. К печатным формам относится, во-первых, участие в журнале «Москвитянин», главным редактором которого некоторое время даже был И. В. Киреевский. Правда это участие носило по большей части эпизодический характер, а сама

редакция журнала была не всегда на стороне славянофилов. Другой формой «печатной» активности стал выпуск сборников. Сборники не подходили под запрет о выпуске новых журналов, а потому можно было выпускать их с какой-то периодичностью. В идеале – раз в год, как это делал Некрасов до того как обзавелся «Современником». Славянофилам, в отличие от западников, не удалось успешно реализовать и эту тактику из-за противодействия цензурных органов. Однако семь сборников ими было создано, и многие из них имели широкий общественный резонанс (например, «Московской сборник» 1852 г.).

К «непечатным» формам активности славянофилов мы отнесли следующие формы трансляции и популяризации ими своих идей:

- салонные споры;
- распространение статей в рукописном виде;
- «смешанная» форма: случаи, когда на напечатанную статью появлялись рукописные ответы. Таким образом, в этой форме соединялись и печатная и непечатная формы активности славянофилов и западников.

Из рассмотренных форм, при помощи которых славянофилы обходили цензурные ограничения, их столкновений с западниками и взаимоотношений с властными органами мы можем сделать вывод, что одной из причин большей успешности западников в сороковых годах была позиция правительства. Славянофилы не смогли обзавестись самым главным инструментом, необходимым для общественной борьбы – собственным печатным органом. Кроме того, издание сборников, к которому вынуждены были прибегнуть последователи Хомякова и Киреевского, тоже не вполне удавалось. И это опять же происходило из-за вмешательства цензурных органов. В итоге очень часто славянофилы должны были прибегать к использованию в качестве трибуны страницы непопулярнейшего погодинского «Москвитянина» или прибегать к уже архаичным на тот момент формам «непечатной» активности. Нельзя сказать, что западники смогли избежать тех же сложностей, что и славянофилы. Цензурные

ведомства били и по ним. Но вместе с тем, отношение власти к западникам, как ни странно, было более лояльным. В этом сказалась непоследовательность цензурной политики Николая I. Таких непоследовательностей можно найти много в годы правления Николая Павловича. Подробнее они рассмотрены в главе 1.3.

Таким образом, в рассматриваемый период складывается интересная ситуация. Славянофилы – интеллектуальное оригинальное живое философское течение, на которое могла бы опереться николаевская идеологическая машина как на союзника (несмотря на ряд разногласий власти и философов этого направления). Однако вместо этого цензурные ведомства душат начинания славянофилов на корню. Вместе с тем, западники печатаются, выживают, переходят из журнала в журнал, становятся популярными и определяют общественное мнение.

Такая недальновидная цензурная политика привела к негативным результатам. Во-первых, к негативным для русской общественной мысли. Главный спор русской философии не получился таким ярким, как можно было ожидать, из-за отсутствия свободы печати. Как отмечает А. Валицкий, «Публичных полемик было сравнительно мало – в частности, потому, что в сороковые годы славянофилы не имели собственного регулярно выходящего печатного органа и главные свои труды опубликовали лишь в пятидесятые годы»²⁴¹.

Другое последствие было еще более значимым. ½ XIX в. – это период генезиса интеллигенции в России. Славянофилы и близкие к ним по духу литераторы и общественные деятели составляли «правое», консервативное крыло этой новой для России прослойки населения, то крыло, на которое власть могла идеологически опираться. Но вместо этого издательские начинания славянофилов подвергались еще большим нападкам со стороны цензурных ведомств, нежели их оппоненты. В итоге, ко второй половине

²⁴¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с. (Серия Historia Rossica). С.512.

столетия мы получаем такую прослойку населения как интеллигенция. Прослойку в основной своей массе враждебную к власти, к традиционным ценностям, прослойку оппозиционную. И это, по сути, сделано было руками цензоров, задачей которых было предотвратить появление крамолы.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1.1. Законодательные акты

1. Акт, Высочайше утверждённый в день священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престол Успенского Собора // Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXIV. — С. 587—589.
2. Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — в 48 т. Т. XXVII. С. 462-462.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — в 48 т.: указ.
4. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862.
5. Свод Законов Российской Империи. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Его Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — в 15 т.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.
7. Устав о цензуре : [Утв. 22 апр. 1828 г. : с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. — Санкт-Петербург : тип. Деп. нар. прос., 1829. - 101 с.
8. Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению

Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : в Тип. Морского министерства, 1862. С.81-87.

1.2.Периодические издания

9. Зритель. 1792. Часть I. Апрель.
10. Зритель, 1792. Ч. I. Февраль.
11. Зритель. 1792. Часть II. Август.
12. Зритель. 1792. Часть II. Июнь.
13. Зритель. 1792. Часть III. Декабрь.
14. Зритель. 1792. Часть III. Сентябрь.
15. Зритель. 1792. Часть III. Октябрь.
16. Москвитянин. 1841. I. №1.
17. Москвитянин. 1841. I. №2.
18. Москвитянин. 1841. II. №3.
19. Москвитянин. 1841. II. №4.
20. Москвитянин. 1841. III. №5.
21. Москвитянин. 1841. V. №10.
22. Москвитянин. 1841. VI. №12.
23. Москвитянин. 1842. III. №6.
24. Москвитянин. 1842. IV. №8.
25. Москвитянин. 1842. V. №9.
26. Москвитянин. 1842. V. №10.
27. Москвитянин. 1842. VI. №11.
28. Москвитянин. 1842. VI. №12.
29. Москвитянин. 1843. IV. №7.
30. Москвитянин. 1843. VI. №12.
31. Москвитянин. 1844. I. №1.
32. Москвитянин. 1844. I. №2.
33. Москвитянин. 1844. II. №3.
34. Москвитянин. 1844. II. №4.
35. Москвитянин. 1844. III. №5.

36. Москвитянин. 1844. III. №6.
37. Москвитянин. 1844. IV. №7.
38. Москвитянин. 1844. IV. №8.
39. Москвитянин. 1844. VI. №12.
40. Москвитянин. 1847. II. №3.
41. Москвитянин. 1847. III. №5.
42. Современник. 1847. Т. I.
43. Современник. 1847. Т. VII

1.3. Сочинения западников и славянофилов

44. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.
45. *Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений И.В. Киреевского : В 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1 - Москва : Путь, 1911.
46. Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1846. - 579, [2] с.
47. Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. - Москва : В типографии Ав. Семена, - 1847. - 910 с.
48. Московский сборник : [т. 1, 2] / подгот. В. Н. Греков. - Санкт-Петербург : Наука, 2014. - 1307 с.
49. Полное собрание сочинений : в 4 т. / И. В. Киреевский, П. В. Киреевский ; подгот. А. Ф. Малышевским. - Калуга : Гриф, 2006- (Калуга : Облиздат). - 21 см.
50. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 8 т. - Москва : Унив. тип., 1886-1906.
51. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. - [2-е изд., доп.]. - Москва : Унив. тип., 1889-. - 23 см.
52. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения Ю. Ф. Самарина. - Москва : Д. Самарин, 1877-1911.

53. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. Москва : Б. и., 1845.
54. Синбирский сборник [Текст] : часть историческая / [предисл. изд.: П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев]. - Москва : Тип. А. Семена, 1844.

1.4. Мемуары и письма

55. *Герцен А. И.* Былое и думы. – Собрание сочинений в 30 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
56. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков; Ред.: В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952.
57. *Лонгинов М. Н.* Рец. на: Oeuvres choisies de P. Tchaadaef / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // Русский архив, 1863. № 3. С. 270–271.
58. *Панаева А. Я.* Воспоминания / А. Я. Панаева (Головачева); [Вступ. ст. К. Чуковского; Примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова]. - М.: Правда, 1986. – 508,[1] с.
59. *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA : творчество и деятельность славянофилов в оценке современников : антология / Северо-Западное отд-ние Российской акад. образования, Русская христианская гуманитарная акад. ; [сост., вступ. ст., коммент., библиогр.: В. А. Фатеев]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. - 1054 с. // URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/slavyanofilstvo.html> [дата обращения 17.05.2021].
60. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В.

Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

1.5. Библейские источники

61. Новый Завет на греческом и русском языках. М.: Российское библейское общество, 2002. — 800 с.
62. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета под ред. А.П. Лопухина. Т.10. Петербург, 1910.
63. *Феофилакт Болгарский*. Толкования на Деяния святых апостолов и на Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. М.: Сибирская благовонница, 2009. — 511 с.

II. Научная литература

64. *Альтишуллер М.* Шишков и Карамзин о судьбах России // Литературоведческий журнал. 2011. №28. С.43-57.
65. *Амиров В. М., Чудинов А. П.* Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика, 2010 - №2 (32), с.194-195.
66. *Антонов К. М.* Славянофилы и И. В. Киреевский: Становление исследовательской традиции. Вестник ПСТГУ I: серия Богословие. Философия. 2006. Вып. I: 16. С.55-92.
67. *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Истор.-филол. отд-ние. Пушкин. комис. — СПб.: Наука, 2004. — Вып. 29. — С. 226—248.
68. *Богданов А.* Русская идея в философских воззрениях П. Я. Чаадаева//Власть, 2011 – №10. С.61-65.
69. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 704 с. (Серия Historia Rossica).

70. *Велижев М.* Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева/ НЛО, №135, 2015// <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28315-yazyk-i-kontekst-v-russkoy-intellektualnoy-istorii-pervoe-filosoficheskoe-pismo-chaadaeva.html> дата обращения 09.07.2019
71. *Венгеров С.* Молодая редакция «Москвитянина». Вестник Европы. 1886. №2. 581-613.
72. Вехи: Сб. ст. о рус. Интеллигенции. – Репринт. изд. 1909 г. – М. : Новости, 1990. – 211 с.
73. *Вильде Н.* Корреспондентка Чаадаева // Голос Москвы. 1913. № 94. 24 апр.
74. *Виноградов И. А.* Гоголь и западное славянофильство: к постановке проблемы // *Studia Litterarum*. 2017. №4. С.182-207.
75. *Виноградов И. А.* Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: не востребовавшее и забытое // Два века. 2020. №1. С.62-153.
76. *Виноградов И. А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. №2 (12). С.189-224.
77. *Володина Н. В.* Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // *Quaestio Rossica*, 2019 - №1. С.243-254.
78. *Высочков Л. М.* До междуцарствия. «Ангел» Александр и Николай Павлович (3 июля 1819 – 1 сентября 1825) // Петербургский исторический журнал, 2019 - №2(22). С.65-81.
79. *Гаврюшин Н. К.* Русское богословие. Очерки и портреты. Изд. 2-е. Нижний Новгород. 2011. – 670 с.
80. *Галушко Ю.А.* Крымская кампания как вектор внешней политики Англии в середине XIX века//Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 26. С. 54-65
81. *Гершензон М. П.Я.* Чаадаев. Жизнь и Мышление. СПб.: 1908. – 320 с.

82. *Гиллельсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. – Т.8. – С.195-218.
83. *Гиллельсон М. И.* Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114—118.
84. *Гиренок Ф.* Запад и Восток Петра Чаадаева // <https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> дата обращения: 25.09.2020.
85. *Градовский А. Д.* Первые славянофилы // Национальный вопрос в истории и литературе. СПб. : 1873. С. 217-309.
86. *Горячева Е. М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014 - №3-2. С.111-119.
87. *Давидович И.* Плавильщиков, Петр Алексеевич // Русский биографический словарь : в 25 томах / Под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. — СПб., 1905. — Т. 14: Плавильщиков — Примо. — С. 2—6.
88. *Данилов А. Г.* Российская интеллигенция: понятие и теоретические проблемы формирования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2004. №4. С.36-41.
89. *Дементьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. / А. Г. Дементьев. - Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художественной литературы, 1951. - 500 с.
90. *Державин Н. С.* Герцен и славянофилы // Историк-марксист. М., 1939, №1. С.125-146; *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. М., 1941, №1. С.85-96.

91. *Есин Б. И.* История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении : Учеб. пособие по специальности 021400 - Журналистика / Б. И. Есин. - М. : Флинта : Наука, 2000. - 100, [2] с.
92. *Жирков Г.* История цензуры в России XIX-XX вв. : Учеб. пособие для студентов вузов / Г.В. Жирков. - М. : Аспект-Пресс, 2001. - 367, [1] с.
93. *Замалеев А. Ф., Криштапович Л. Е., Маслин М. А., Париков О. В., Пушкин С. Н., Сербиненко В. В., Треушников И. А., Якимец Н. В.* Лев Евгеньевич Шапошников в пространстве русской философии // Вестник Мининского университета. 2019. №2 (27). С.13.
94. *Зеньковский В.* История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa).
95. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... : лит. и гос. идеология в России в послед. трети XVIII - первой трети XIX в. / Андрей Зорин. - М. : Новое лит. обозрение, 2004. - 414, [1] с. : ил.; 22 см. - (Historia Rossica).
96. *Ионайтис О. Б.* Журнал «Европеец» И. В. Киреевского и его цензурная судьба / О. Б. Ионайтис // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2014. — № 2 (128). — С. 119-134.
97. *Кайдаш-Лакишина С.* Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М. : Советский писатель, 1989. – 286 с.
98. *Кайдаш-Лакишина С.* Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь, 1979. № 7.
99. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Том II. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004; Библиополис, 2004. – 590 с.
100. *Киселев А. Ф.* Чаадаев и Чаадаевщина//Высшее образование сегодня, 2016, №6. С. 38-41.
101. *Китаев В.А.* Общественная мысль и историческая наука в России XVIII — XX вв.: проблемы историографии. — Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2016. — 271 с.

102. *Кутаев В.А.* XIX век: пути русской мысли: Науч. труды. — Н.Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. — 355 с.
103. *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 т. — Москва : Госполитиздат, 1956-1959.
104. *Косарев С. И.* «The Times» и ее роль в жизни Англии во второй половине XIX века. Вестник Брянского государственного университета, 2012, №2, с.118-121.
105. *Кулешов В. И.* Славянофильство как оно есть // Вопросы литературы. 1969. №10. С.131-144.
106. *Кураев А. Н.* Место и роль интеллигентоведения в системе социальных и гуманитарных наук // Власть. 2018. №4. С.55-58.
107. *Кураев А. Н.* О специфике и особенности подходов к интеллигентоведению // Интеллигенция и мир. 2017. №1. С.9-24.
108. *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. – 626 с.
109. *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия [Текст] / Мих. Лемке. - Санкт-Петербург : тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела "Труд", 1904. - XIII, [3], 427 с.
110. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
111. *Маймин Е.* Нужны конкретные исследования. Вопросы литературы. М., 1969. №10. С.103-112.
112. *Машинский С.* Славянофильство и его толкователи (некоторые итоги дискуссий) // Вопросы литературы. М., 1969. №12. С.103-140.
113. *Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. международн. науч.-теорет. конф. Иваново, 23-25 сентября 1998 г. Иваново, 1998.
114. *Мильчина А.В., Основат А.Л.* О Чаадаеве и его философии истории//Чаадаев П.Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот.

- текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. – М.: Правда, 1989. – 655 с.
115. *Набоков В. В.* Дар; Приглашение на казнь; Другие берега; Весна в Фиальте / В. В. Набоков ; гл. ред. Д. В. Тевекелян ; сост. В. П. Старк ; Ин-т "Открытое общество". – Москва : Слово / Slovo, 1999. – 679 с. – (Пушкинская библиотека).
116. *Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу*//Вестник Российского РУДН. Серия: Философия, 2017. №4, С.488-494.
117. *Орнатская Т. И., Бабаев Э. Г.* «Русский вестник» // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 6: Присказка — «Советская Россия». — 1971. — С. 511—513.
118. Очерки по истории русской журналистики и критики / [редкол.: проф. В. Е. Евгеньев-Максимов и др.] ; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, Филологический ин-т. - Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950-1965. - 2 т.
119. *Пилипцов И. Н.* Образ Николая I в романе А. И. Герцена «Былое и думы» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. №3. С.98-99.
120. *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика / Т. Ф. Пирожкова. - Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. - 218 с.
121. *Пирожкова Т. Ф.* Славянофилы и славянофильская журналистика : 1840-1850 гг. : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва, 2000. - 83 с.
122. *Пирожкова Т. Ф.* «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. №3. С.130-150.
123. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993.

124. *Поташев А. Ф.* Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №2. С.56-65.
125. *Прохоров И. Е. В. Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836)* // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. №2. С.68-83.
126. *Рамазанова Г. Г.* Журнал «Московский наблюдатель» в оценках отечественного литературоведения // Вестник ВятГУ. 2012. №2. С.78-81.
127. *Рахматуллин М.А.* Император Николай I глазами современников//Отечественная история, 2004, №6. С.74-98.
128. *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России [Текст] : в 2 т. / П. С. Рейфман. - Москва : Пробел-2000, 2015
129. *Рублева Л. И.* История отечественной журналистики XVIII–XIX веков : учебное пособие / Л. И. Рублева. – Южно Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012 – 328 с. С. 277-279.
130. *Семикопов Д. В., Захряпин А. А.* Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. №1 (34). С.11.
131. *Сидорова О.Г.* Изображение Крымской войны в английской литературе// Известия Уральского Федерального Университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014, №3, с.106-113.
132. *Симонова И. А.* К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. N 1. С. 42-54.

133. *Симонова И. А.* Федор Чижов / Инна Симонова. - Москва : Молодая гвардия, 2002. - 335 с.
134. *Слуцкая Е. А., Махрова Э. В.* «Купеческий театр» в русской культуре XVIII - начала XX веков // «Общество. Среда. Развитие» («TERRA HUMANA»), 2013 - №3(28), с.188-192.
135. «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850- годов / изд. Подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб. : Нестор-История, 2015. 872 с.
136. *Соколов С. С.* Первая дискуссия по варяжскому вопросу в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Лит.Исторический альманах. 2014. №5. С.252-271.
137. *Сытина Ю. Н.* Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 20016. №14. С.172-184.
138. *Терещенко Я. В.* Цензура и журналистика в период правления Николая I // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2008 - №11. С.80-86.
139. *Тургенев И.С.* Собрание сочинений в 6 т. / [Под общ. ред. М. Еремина]. – Москва : Правда, 1968.
140. *Уманский* *А.М.* Плавильщиков, *Петр Алексеевич* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 46 СПб: 1898 – 513 с.
141. *Усманов С.М.* Император Николай II и русская интеллигенция: несостоявшийся диалог//Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 492 с., С.91-96.
142. *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссия о проблемах и тенденциях самоопределения // Интеллигенция и мир. 2014. №4. С.20-32.

143. *Фризман Л. Г.* За научную объективность // Вопросы литературы. М., 1969. №7. С.138-152.
144. *Фролов Э. Д.* У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol034.htm> [дата обращения 22.09.2021]
145. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки А. Н. Пыпина. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1873. — [4], II, 514 с. С.233-344.
146. *Хоружий С. С.* Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви // Богословские труды. М., 2002. — № 37. — С. 153—179.
147. *Хоружий С. С.* Опыты из русской духовной традиции. М., 2005. — 445 с.
148. *Цветкова Н. В.* Дневник С. П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835-1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. №1. С.75-84.
149. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). — М. : изд-во Моск. ун-та, 1986. — 274 с.
150. *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. — М.: Наука, 1991. — Т. 1. — 798 с.
151. *Чаадаев П.Я.* Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. Ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии и др.]. — М.: Правда, 1989. — 655 с.
152. *Чирскова И. М.* «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры, 2015, №2 (19), с. 47-51.
153. *Чуркина И. В.* К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия. 2015. №1. С.75-102.
154. *Шапошников Л. Е.* А. С. Хомяков, его жизнь и учение. Нижний Новгород, 2005.

155. *Штейнберг А. А.* Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 45–55.
156. Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 06.02.2019)
157. *Levy B.-H.* L'Empire et les cinq rois [Texte] / B.-H. Levy. – Paris : Grasset, 2018 – 288 p.
158. Markovits S. On the Crimean War and the Charge of the Light Brigade [Electronic resource]. URL: http://www.branchcollective.org/?ps_articles=stefanie-marcovits-on-the-crimean-war (mode of access: 06.02.2019)
159. **Pyotr Yakovlevich Chaadayev**//Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadayev> (дата обращения: 29.09.2020)